

ОБЩЕСТВЕННОЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВО
В СМЕШАННОЙ РЫНОЧНОЙ
ЭКОНОМИКЕ РОССИИ:
структура, противоречия, целевая
функция, развитие

Под редакцией
В. Н. Черковца,
А. М. Беляновой

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

Экономический факультет

Кафедра политической экономики

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО
В СМЕШАННОЙ РЫНОЧНОЙ
ЭКОНОМИКЕ РОССИИ:
структура, противоречия, целевая функция,
развитие**

Монография

*Под редакцией
В. Н. Черковца и А. М. Беляновой*

Москва
2018

УДК 330.5
ББК 65.01
О-28

Авторский коллектив:

Введение, глава 1 — В. Н. Черковец, засл. деятель науки РСФСР, д-р экон. наук, проф., гл. научн. сотр., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 2 — А. И. Московский, доц., канд. экон. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 3 — Р. Т. Зяблюк, д-р экон. наук, проф.; глава 4 — В. М. Кульков, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 5 — И. М. Теняков, д-р экон. наук, доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 6 — В. А. Бирюков, канд. экон. наук, доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 7 — В. Г. Холодков, канд. экон. наук, доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 8 — Н. К. Водомеров, д-р экон. наук, проф., Курский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; глава 9 — А. П. Бабаев, д-р экон. наук, проф., Азербайджанский экономический университет; глава 10 — В. Д. Руднев, д-р экон. наук, проф., Московский социальный университет; глава 11 — А. М. Белянова, канд. экон. наук, доц., ст. научн. сотр., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 12 — Е. В. Красникова, канд. экон. наук, доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 13 — С. В. Кайманак, канд. экон. наук, доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 14 — Б. К. Бабаев, д-р экон. наук, проф., Н. В. Боровкова, канд. экон. наук, доц., Ивановский госуниверситет; глава 15 — Е. Е. Николаева, д-р экон. наук, проф., С. Г. Езерская, канд. экон. наук, доц., Ивановский госуниверситет.

О-28   **Общественное воспроизводство в смешанной рыночной экономике России: структура, противоречия, целевая функция, развитие: монография / под ред. В. Н. Черковца, А. М. Беляновой.** — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-906932-05-1

В данной книге ее авторы, давно связанные совместной работой в творческом коллективе кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, изучающем проблемы воспроизводства и экономического роста, знакомят читателя со своими общетеоретическими и конкретно-экономическими разработками в области общенационального общественного и регионального воспроизводства в современной России. Обсуждаются вопросы о методологическом и теоретическом потенциале «Капитала» К. Маркса, 1 тому которого в 2017 г. исполнилось 150 лет, о возможностях его использования в анализе рыночно-капиталистической эволюции российской экономики. Авторы размышляют о путях формирования единого воспроизводственного комплекса и механизма его функционирования в стране после распада СССР, о содержании нового этапа индустриализации, особой роли машиностроения и воспроизводства квалифицированной рабочей силы, создания общегосударственной системы стратегического планирования, перехода к новой модели экономического развития.

Книга адресована преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам, всем, интересующимся экономической теорией.

ISBN 978-5-906932-05-1

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Введение	7
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	
«Капитал» К. Маркса и современность (к 150-летию выхода I тома).....	10
Глава 1. «Капитал» К. Маркса как методологическая и теоретическая основа современной политической экономии и экономической политики.....	10
Глава 2. Бытие науки в общественном воспроизводстве современной России	29
Глава 3. Развитие воспроизводственного процесса в современной России	47
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	
Пути формирования единого воспроизводственного комплекса и механизма его функционирования в современной России	64
Глава 4. Новая индустриализация как вектор развития общественного воспроизводства в современной экономике России	64
Глава 5. Воспроизводственная структура национального продукта России	80
Глава 6. Возможности и пределы сформировавшейся модели российской экономики	102
Глава 7. Основные ограничители сложившейся в России модели экономического роста	108
Глава 8. Пути возрождения машиностроения как основы воспроизводственного комплекса России	137
Глава 9. Материальное производство и сфера услуг в единой системе воспроизводственного процесса.....	157

Глава 10. Воспроизводство квалифицированной рабочей силы и его состояние в современной России	176
Глава 11. Общественное воспроизводство как объект стратегического планирования	188
Глава 12. Функции государства и частного бизнеса в технологическом обновлении общественного воспроизводства и обеспечении стабильного экономического роста	200
Глава 13. Роль воспроизводства в обеспечении экономической безопасности страны	214
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ	
Особенности регионального воспроизводства	223
Глава 14. Теоретико-методологические проблемы регионального воспроизводства (на примере старопромышленных областей Верхневолжья)	223
Глава 15. Проблемы воспроизводства Ивановской области	236
Заключение	254

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная коллективная монография инициировалась и формировалась под руководством Виктора Никитича Черковца — выдающегося советского и российского ученого-экономиста, заслуженного деятеля науки РСФСР, главного научного сотрудника кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Именно в разгар завершения подготовки рукописи 23 апреля 2018 г. пришла трагическая весть — Виктор Никитич скончался после тяжелой болезни. Это большая потеря для всех, кто трудился вместе с ним многие годы; для всех, кому он был наставником и учителем; для всех, кто обогащал свои знания по экономической теории, знакомясь с его многочисленными трудами и слушая его выступления; для экономического факультета, с которым он был связан до последнего дня с 1950 г. и которым он руководил в 1980-е гг. в качестве декана факультета; для всей отечественной экономической науки.

С 1957 г. В. Н. Черковец работал на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ, сохраняя связь с ней и в годы работы в качестве заместителя директора Института экономики АН СССР. Вместе с Н. А. Цаголовым он стоял у истоков формирования знаменитой университетской «цаголовской школы» политэкономии. При этом с 1965 г. и до последних дней своей жизни Виктор Никитич руководил созданным им уникальным научным образованием в структуре кафедры политической экономии — Проблемной группой, которая в последние годы имела название «Воспроизводство и экономический рост». В Проблемной группе проходили содержательные научные обсуждения, на ее базе проводились многочисленные круглые столы и конференции. Важным направлением работы Проблемной группы стала подготовка коллективных монографий под редакцией В. Н. Черковца, которые отражали актуальные вопросы экономической методологии, теории и практики, проблемы воспроизводства, экономической динамики, собственности и др. В числе вышедших в свет в последние годы работ: «Капитал» и «Экономикс» (6 выпусков), «Национальное богатство и национальный продукт» (3 тома). Членами авторских коллективов этих работ были не только преподаватели, сотрудники и аспиранты университетской кафедры политической экономии, но и представители других вузов и научных центров как России, так и зарубежных стран, поддерживающих связь с Проблемной группой и кафедрой.

Предлагаемая читательскому вниманию коллективная монография также формировалась на этой базе и во многом продолжает серию указанных трудов. Члены ее авторского коллектива посвящают свои главы памяти незабвенного Виктора Никитича. Для нас это огромная честь — опубликовать свои работы в труде, инициатором и организатором которого он был и который стал, к огромному сожалению, его последней прижизненной работой.

Светлой памяти Виктора Никитича Черковца посвящается эта книга.

Члены авторского коллектива монографии

ВВЕДЕНИЕ

Многолетний застой экономики России связан с бесконечным метанием представителей размышляющих и практикующих экономистов и управленцев в поисках выхода из тупика. Надоевшие скандальные телешоу, столь же крикливые радиодebаты, почти не прерывающийся поток амбициозных форумов повторяют друг друга и по тематике, и по аргументам, и по отсутствию глубины идей, при этом, как правило, безапелляционно претендуют на истину в последней инстанции. Складывается впечатление, что нет в Отечестве ни конкретных государственных доктрин видения долгосрочного развития и пространственного размещения производительных сил, модернизации общественно-производственных и институционально-хозяйственных отношений, ни философской общетеоретической прогнозной концепции с общенациональной стратегической целью продвижения страны к определенному историко-формационному и цивилизационному рубежу. В связи с этим в научных кругах возрастает интерес к теоретическому наследию выдающихся теоретиков прошлого, изучавших экономическую систему капитализма от ее истоков до новейшего времени, когда капитализм достиг высшей стадии своего развития.

Предлагаемая монография подготовлена согласно плану по НИР кафедры политической экономии на основе результатов исследований по обеим кафедральным темам в рамках предметного поля Проблемной группы, указанного в заголовках первого и второго разделов монографии. В качестве исходных используются также материалы научных докладов, статей, опубликованных в 2016 г., выступлений на международных научных конференциях, форумах, научных семинарах, круглых столах, представленных в сокращенном виде в обзорах, помещенных в научных журналах «Вестник Московского университета», серия 6 «Экономика», «Философия хозяйства», «Вопросы политической экономии». Актуальность работы во всех ее разделах и главах представляется авторскому коллективу не только в теоретическом отношении, но и с точки зрения ее практического применения в сферах социально-экономической политики, образования и хозяйственной практики. Хотя формационный переход от плановой экономики к рыночно-капиталистической, от советской политической и правовой систем к новым российским продолжается уже четверть века, т.е. больше, чем период от Октябрьской революции 1917 г. до начала Великой Отечественной войны, проблема *общественного (общенациональ-*

ного) воспроизводства фактически проигнорирована на всех уровнях экономической науки и управления экономикой. Имеются в виду не только методологические, теоретические, прикладные проблемы таких глобальных процессов, как взаимодействие производства, обмена, распределения и потребления (производственного и личного) на территории всей страны в условиях разорванных или поврежденных связей России с другими бывшими союзными республиками, нарушенных межрегиональных и межотраслевых отношений. Нет и следа таких разработок, как воспроизводство основного капитала и рабочей силы, даже воспроизводство отдельных предприятий — единоличных, партнерских, корпоративных. Правда, актуализирована проблема экономического роста, но она фактически вырвана из процесса воспроизводства в расширенном масштабе. При этом принижена роль науки в обеспечении инновационного воспроизводства. Крупнейшие проблемы возникают в связи с гетерогенной («смешанной») структурой форм собственности на средства производства, но экономические аспекты изучения и понимания этих проблем под агрессивным давлением юридической идеологии практически исчезли. Для реализации путей дальнейшего расширения и развития российской экономики важную роль как инструмента государственного управления ею играла бы система стратегического планирования и контроля над выполнением целевых установок государства, особенно в связи с созданием единого народно-хозяйственного комплекса. Однако Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятый в 2014 г., не только не выполняется, но и практически отсутствуют его научные комментарии. По этой тематике трудно встретить статьи на страницах ведущих журналов и СМИ. Существует явная оппозиция к идеям закона и самому феномену государственного планирования со стороны либеральных рыночных концепций. Не найдены средства привлечения государством частного капитала в инновационную сферу производства высоких технологий, в обрабатывающую промышленность вообще, в машиностроение в особенности, в автостроение в частности. Актуальной остается проблема оценки потенциальных возможностей и пределов нынешней модели экономической системы, выяснения самых глубоких факторов, тормозящих рост эффективности хозяйствования, которые не могут быть устранены лишь правоохранной деятельностью в области борьбы с коррупцией.

Монография подготовлена в год исполнившегося 150-летия выхода в свет первого тома «Капитала» К. Маркса (1867), продолжателя научных традиций классической политической экономии, высшие достижения которой представлены в великих трудах А. Смита и Д. Рикардо. История, видимо, не случайно распорядилась так, что круглые юбилейные даты их знаменитых книг сливаются как бы в одно целое. «Исследование» А. Смита, открывшее человечеству природу и причины богатства народов,

отметило в 2016 г. свои 240 лет, а сочинению Д. Рикардо «Начала политической экономии и податного обложения» в 2017 г. исполнилось ровно 200 лет. «Капитал», как известно, состоит из трех томов, два из которых были опубликованы Ф. Энгельсом после кончины Маркса, но именно в первом томе разработаны новые принципиально значимые методологические и теоретические положения, определяющие предмет, метод, весь логический строй системного изложения во всех трех томах содержания и структуры общественно-производственных отношений капиталистического способа производства, в который с большими трудностями и потерями входит современная Россия. Насколько научный ресурс «Капитала» помогает анализу ее экономического строя, к какой экономической модели продвигается Россия, какие проблемы ей приходится решать после распада СССР в экономике вообще, в области общенационального воспроизводства в частности и в особенности — эти вопросы (разумеется, в силу возможностей лишь некоторые) авторы нашей книги не могли обойти. В связи с этим мы несколько скорректировали свой первоначальный план и начинаем изложение с выяснения значимости «Капитала» для развития экономической теории и разработки вопросов, возникающих на пути изменения нынешнего облика российской экономики, и прежде всего с уяснения ее нынешнего состояния после почти 30-летнего перехода от советской плановой экономики к «развивающейся» (по международной классификации) рыночно-капиталистической системе пока не совсем понятного вида.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

«КАПИТАЛ» К. МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(к 150-летию выхода I тома)

ГЛАВА 1

«КАПИТАЛ» К. МАРКСА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНО- МИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Диалектико-материалистическое понимание истории как основной метод марксистской политической экономики

Нельзя путать учебники по историческому материализму, вышедшие в СССР и других социалистических странах, с принципиально важным направлением социальной философии, открытым К. Марксом как результат применения материалистической диалектики к истории развития общества. Ф. Энгельс был совершенно прав, относя материалистическое понимание истории наряду с теорией прибавочной стоимости, обосновавшей в I томе «Капитала» основной экономической закон капитализма, к одному из двух величайших открытий Маркса. В дальнейшей разработке исторического материализма огромная заслуга принадлежит Г. В. Плеханову, с которым по многим вопросам теории марксизма и тактики социал-демократии вел полемику В. И. Ленин, давший вместе с тем после кончины Г. В. Плеханова высочайшую оценку его деятельности в области марксистской философии, в разъяснении принципов материалистического понимания истории, т. е. научного исторического материализма: «... все, написанное Плехановым по философии... это лучшее во всей между-

народной литературе марксизма»¹. В годы перестройки и ее логического продолжения в реставрации капитализма в СССР ряд известных советских философов стали, как известно, подвергать критике не только термин, но и содержание исторического материализма. Но в таком случае рушатся корневые основы «Капитала», и, если следовать такой позиции, теряется смысл актуализации роли его научного методологического и теоретического потенциала в современных условиях, в том числе в России, а дата 150-летия его I тома воспринималась бы как предлог для похоронного звона. В рамках главы я ограничиваюсь рамками предмета «Капитала», как его определяет в предисловии к первому изданию I тома сам автор: «Капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена». «Капитал» — не только социально-философское произведение, но и величайший труд в области политической экономии, подвергший научной критике созданную до него классическую и «вульгарную», как он ее называл, политическую экономию. В трех томах «Капитала» представлена способом восхождения от абстрактного к конкретному — начиная в исходном пункте с анализа товара как всеобщей формы продуктов труда — *целостная система* капиталистических производственных отношений с адекватными ей экономическими законами, охватывающая процессы производства, обмена, распределения и потребления в их органическом единстве и с выходом на феноменологический, практико-эмпирический уровень их проявлений в превращенных формах.

2. Связь логики «Капитала» с историей социально-экономического развития и современность

Со времени выхода в свет «Капитала» в капитализме как общественно-экономической системе произошли, конечно, определенные немалые изменения. С конца XIX в. он находится на высшей, монополистической стадии своего развития. Несмотря на более чем столетнее его пребывание в состоянии общего кризиса, начавшегося с Первой мировой войной и Октябрьской революцией 1917 г., капитализм продолжает не только существовать на Земле, развивать свои производительные силы, но и стремится опутывать своими глобализационными сетями всю мировую экономику. Но, изменяясь, он продолжает оставаться капитализмом, сохраняя свои фундаментальные основы как «*капитализм вообще*»: товарно-денежные отношения, капитал и наемный труд, производство прибавочной стоимости как источник накопления капитала, относительное, а временами и местами и абсолютное обнищание граждан, живущих исключительно

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 42. С. 290.

за счет своего труда, периодические экономические кризисы перепроизводства товаров и т.д. Анатомия капитализма, вскрытая «Капиталом» на его генетическом уровне, не устарела, она продолжает обеспечивать его функционирование и вместе с тем продуцировать его старые болезни и возбуждать новые. Этим и определяется сохранение гносеологической ценности «Капитала» для понимания того, что такое современный капитализм в своих существенных чертах («старый», «новый», «посткапитализм», «постиндустриальное общество», «новый социализм», «конвергенция капитализма и социализма» и т.п.).

Одной из таких ценностей является *метод единства логического и исторического*, открытый Гегелем и примененный К. Марксом в структурном построении системы категорий в I и III томах «Капитала». Некоторые философы и экономисты не воспринимают диалектики этого единства, противопоставляя логический подход историческому по принципу «или-или». Между тем в структуре зрелого организма воспроизводится в свернутом виде закономерная линия его генезиса. Теоретическое познание отражает это путем «очищения» от случайностей мыслительным скальпелем стержневой линии исторического процесса. В логической структуре трех томов «Капитала» можно заметить *двойное «исправление»* этого процесса: в I томе лежащая в основе всей капиталистической системы формула «товар — деньги — капитал» отражает как предысторию промышленного капитала (капиталистического способа производства), так и ежедневную историю его рождения, воспроизведения в сложившемся капитализме. На пути этого анализа выясняется как история происхождения денег на почве разрешения противоречий обмена товарами на рынке (развитие меновой стоимости, необходимость появления всеобщего эквивалента), так и логическая необходимость исторического появления на рынке особого товара рабочая сила для постоянного разрешения противоречий всеобщей формулы капитала в условиях сложившегося капитализма. Второй вид «исправления» истории применен в III томе, где показано не происхождение «допотопных» форм капитала — купеческого, ростовщического, первоначальной собственности на землю и земельной ренты как предшественников промышленного капитала, а раскрывается история *преобразования, обособления и подчинения* этих форм промышленному капиталу, их превращения в торговый капитал, ссудный капитал, капиталистическую земельную собственность и земельную ренту как превращенную форму части прибавочной стоимости. Иногда ставится вопрос о «новом качестве товара, денег, капитала», и не затрагивается вопрос о «новом качестве» второй группы упомянутых выше категорий. Но, бесспорно, и он заслуживает внимания. Что касается первых трех категорий, то по ним уже имеются определенные суждения в связи с анализом особенностей состояния так называемого «позднего капитализма». В статье А. В. Бузгалина

и А. И. Колганова «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному»¹ авторы приходят к выводу об изменении в позднем капитализме самой «природы» товара, денег и капитала. Об этом говорится уже в аннотации к статье. Иную природу *товара* они видят в «подрыве товарного производства», *денег* — в том, что они перестают быть всеобщим эквивалентом, а *капитала* — в превращении в капитал чуть ли не всех сфер жизни общества, что, естественно, означало бы усиление капитала как господствующей силы буржуазного общества. Авторы, однако, не видят, что изменение природы, т.е. *сущности*, товара означало бы его прямое отрицание как стоимости, создаваемой абстрактным трудом в материальном производстве, денег — как высшей формы меновой стоимости, а капитала — как основного производственного отношения капитализма, т.е. *перерождения его в иную экономическую систему*, не основанную на производстве прибавочной стоимости. Но подобное самоотрицание означало бы, что «поздний капитализм» по факту, оцениваемому по марксистским критериям, уже не капитализм, а нечто иное — некая посткапиталистическая система, сохранившая лишь прежнее название. Вместе с тем изменяется природа *не* товара, а экономическая форма *продукта* производства, который *перестает быть товаром* или уже *нетовар*. То же самое и деньги: изменяется *не природа денег* как особого товара, выполняющего роль всеобщего эквивалента, а постепенно утрачивается функция всеобщего эквивалента, а вместе с ним всеобщая и денежная форма меновой стоимости. Эквивалентная форма стоимости *перестает быть деньгами* в точном политэкономическом смысле. Роль особенных эквивалентов в меновых отношениях начинают выполнять не отдельные реальные товары, а различные суррогаты в качестве их *заместителей*. Изменяется *не природа, сущность* капитала как стоимости, возрастающей за счет прибавочной стоимости, создаваемой трудом наемных работников, а появляются новые, *превращенные формы извлечения прибыли путем перераспределения в конечном счете прибавочной стоимости*, ее присвоения в не производящих ее сферах деятельности, в том числе фиктивным капиталом (ценные бумаги: векселя, акции, облигации, их деривативы). Об изменении «природы» капитала можно говорить лишь в том иносказательном смысле, что все более усиливается его паразитический характер, увеличивается социальное расслоение, растут фетишизм денег, жажда безудержного обогащения и на этой почве деморализация общества. Современный («поздний») капитализм остался монополистическим капита-

---

¹ Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному // Вестник Московского университета. Серия 6 «Экономика». 2016. № 2.

лизмом и капитализмом вообще. Кроме «Капитала», не было и нет другого политэкономического произведения, способного раскрыть его сущность («природу», «анатомию и физиологию»). Неоклассика, неоклассический синтез не способны этого сделать в силу своего *экзотерического* подхода. «Капитал» соединяет экзотерический подход с *эзотерическим*.

3. «Капитал» и политическая экономия в широком смысле (три аспекта)

О политической экономии социализма. Виноваты ли экономисты в трагедии практического социализма и распада СССР в конце XX в.?

В соответствии с определением предмета «Капитала», данным К. Марксом, Ф. Энгельс характеризовал «Капитал» и все домарксовы теоретические разработки в области экономики капитализма как политическую экономию *в узком смысле слова*. Но метод исторического материализма позволял утверждать о возможности создания политической экономии докапиталистических и (в порядке научного предвидения) посткапиталистического способа производства — *политической экономии в широком смысле*. Такое понятие политической экономии стало традиционным в марксистской, в том числе советской, литературе, причем распространяющимся не только на все известные истории способы производства (экономические системы) *в историческом времени* (первый, исходный аспект), но и на существующие *рядом* в современном мировом *пространстве* (второй аспект). Несомненно, пространственный аспект указанного понятия чрезвычайно актуален для изучения реально существующей мозаичной социально-экономической структуры современного мира и, как и первый аспект, отражает *онтологический* подход. Важность его очевидна для учета в социальной и экономической политике и в связи с постановкой вопроса о ренессансе политической экономии как научной и учебной дисциплины. Вместе с тем автором предлагается и третий аспект, разрабатываемый путем сравнительного анализа в целях идентификации различных как марксистских, так и немарксистских (мейнстрим) направлений современной *общей экономической теории как частей мировой «политической экономии в широком смысле»* (включая и ее «вульгарную» ветвь, по терминологии Маркса), имеющей в той или иной степени, так или иначе дело с *социально-экономическими и хозяйственно-институциональными отношениями (гносеологический подход)*.

Хотя «Капитал» посвящен анализу «природы» капиталистической системы и доказывает ее историческую ограниченность, алгоритм логического построения ее категорий методом восхождения от абстрактного к конкретному применим и к другим способам производства, в том числе и к отрицающей капитализм системе социалистических производственных

отношений, являющейся предметом политической экономии социализма. Речь идет прежде всего о научной гипотезе, опирающейся на объективные тенденции, формирующиеся самим развитием процесса реального обобществления производительных сил на основе крупного машинного производства внутри самого капитализма. На его высшей стадии, хотя товарное производство еще «по-прежнему царит», «подрыв» его и адекватного ему механизма рыночного регулирования экономики усиливается и, напротив, развивается элемент планомерной организации производства. С точки зрения принципов «Капитала» появляются признаки пока еще неполной, частичной замены исходного пункта (или исходного отношения) капиталистической системы. Планомерность как исходный пункт социалистической системы «вытаскивается» самим капитализмом из своих недр сначала на уровень корпораций, затем на межкорпорационные, а теперь и транснационально-корпорационные отношения, становится элементом экономической деятельности государства. Этот процесс завуалированного частичного самоотрицания капитализма с поразительной точностью замечен в знаменитом афоризме В. И. Ленина: «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие его*, есть та ступенька исторической лестницы, между которой и... социализмом *никаких промежуточных ступеней нет*»¹.

Практика переходного периода от капитализма к социализму в СССР и других социалистических странах сохраняла товарное производство в силу многоукладности экономики, что признавалось классическим марксизмом априори и теоретически, но отрицалось им для фазы сложившегося социализма. Однако и под аншлагом «построение социализма в основном», зафиксированным в Конституции СССР в 1936 г., товарно-денежные отношения продолжали функционировать в плановой экономике. Именно И. Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР»² поддержал формулу, высказанную на известной экономической дискуссии 1951 г., о сохранении товарного производства и действия закона стоимости в условиях общественной собственности на средства производства и планомерно организованной экономики при социализме, не указывая при этом на то, что речь идет об «остаточных» явлениях переходного периода. Вместе с тем он признал, что товарное производство при социализме — «особого рода», основные средства производства являются товарами лишь «по форме», а не «по существу», а закон стоимости действует в подчиненном виде, не являясь регулятором народного хозяйства, уступив эту роль «закону планомерного, пропорционального развития». Иными словами, товарно-денежные отношения, по Сталину, — объективно су-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.

² Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

шествующий элемент социалистической плановой экономики, и их надо эффективно использовать в интересах общества. Причиной их сохранения он назвал существование колхозно-кооперативной собственности и выступил против продажи основных средств производства колхозам, что усилило бы их товарный характер. После смерти Сталина дискуссия среди экономистов, в том числе политэкономов, развернулась в сторону как усиления, так и ослабления роли товарно-денежных отношений вообще при социализме, вплоть до отстаивания концепции «рыночного социализма» по примеру югославской экономической модели (в сторону которой стали поворачиваться реформы в европейских социалистических странах) и, напротив, полного отрицания товарного производства и закона стоимости — по классической модели марксизма. Появилось и направление, представленное двухтомным университетским «Курсом политической экономии» под ред. Н. А. Цаголова¹ и в изданиях его сторонников, с идеей диалектического сочетания планомерности и товарности экономики социализма на данном этапе с признанием планомерности как первичного начала экономической системы и специфического противоречия между двумя формами организации производства. Крайним выражением первой концепции рыночного социализма явилась версия трактовки социализма как особой исторической формы («рода», «вида») товарного производства², введения товарного производства в общеисторические основы производства вообще (последний советский официальный учебник «Политическая экономия» под ред. В. А. Медведева³). По сути, эти версии явились теоретической (и идеологической) базой политики так называемой перестройки организации и управления советской экономикой, неизбежно приведшей под руководством лидеров КПСС и государства к переходу от плановой к рыночной экономике, а затем к распаду СССР и реставрации капитализма в России. Учитывая эту печальную и вместе с тем поучительную историю, вряд ли справедливо со стороны некоторых известных философов обвинять *всю* советскую политическую экономию в «кардинальной ошибке», приведшей к гибели социализма в СССР. Такой ошибкой, говорят они, «явилось изображение социалистической экономики *только* в качестве разновидности, очередной стадии *товарного* производства». Верно, конечно, то, что «это глубоко порочная точка зрения»⁴. От подобного рода «ошибок» в своих рядах не убереглась, к сожалению, и советская социальная философия.

¹ Курс политической экономии. В 2 т. / под ред. Н. А. Цаголова. М., 1963, 1970, 1973/74.

² *Кронрод Я. А.* Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М., 1966.

³ Политическая экономия / под ред. В. А. Медведева. М., 1988.

⁴ Отечественные записки // Советская Россия. 2017. 19 янв.

4. Методологический и теоретический ресурс I тома «Капитала» в анализе экономической системы современной России и определении путей ее дальнейшего движения

Здесь я ограничиваюсь I томом «Капитала», юбилею которого посвящается глава, хотя для указанных изысканий не в меньшей мере актуален научный потенциал II и III томов. К тому же одна и та же методология используется во всех томах, но именно в I томе решается центральный вопрос для политической экономии, поставленный еще ее классиками и фундаментально, хотя и не без противоречий, решенный А. Смитом в его знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776). Продолжая традицию А. Смита, К. Маркс принимает в качестве *исходного пункта* исследования элементарную *форму богатства* буржуазного общества — *товар*. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Поэтому наше исследование начинается анализом товара»¹. Отсюда следуют выводы, актуальные для понимания не только логики структуры экономической системы, встраивающейся в капитализм России (к чему обычно привлекается внимание в учебной и научной литературе), но и «природы» и критериев *национального богатства*, его действительных источников и сферы создания, факторов роста, повышения эффективности его производства, распределения и использования в интересах всего общества, его членов и регионального развития.

Товар, по Смиуту и Марксу, — полезный для потребления вещественный продукт, *создаваемый трудом в материальном производстве для обмена*. При этом:

1. Остаются в стороне от предмета исследования *естественные богатства, дарованные природой*, тем более что они могут быть по-разному использованы, так что страна, бедная природными ресурсами, может оказаться с более высоким уровнем национального богатства и благосостояния своего населения, чем страна с более высокими запасами *потенциальных естественных производительных сил*. Приведенные в действие трудом в качестве предметов труда (полезные ископаемые) и средств труда (в виде используемой энергии, элементов инфраструктуры и др.), они становятся важнейшим фактором индивидуальной и общественной *производительности труда*. Есть определенные философские и экономические смыслы в том, чтобы разделять богатство страны, произведенное трудом — «*общественное богатство*» и данное природой, географической

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 43.

средой. Уровень цивилизационного прогресса всего человечества и его отдельных сообществ определяется со всей очевидностью не тем, к происхождению чего они не имеют никакого отношения. Завоеванная территория с богатыми природными ресурсами сама по себе увеличивает, конечно, национальное богатство завоевателя, но ничего не прибавляет к его общественному богатству. Созданное же трудом населения завоеванных земель умножает общественное богатство страны-завоевателя. Вот почему все классики политической экономии, включая К. Маркса, не смешивают два вида национального богатства и, определяя его *стоимость*, имеют в виду количество затраченного на его производство труда в общественном измерении. Другое дело, что имеется также смысл для определенной характеристики экономической мощи страны использовать *интегральное понятие национального богатства*, объединяющее общественное и естественное богатство, включая разведанные и условно оцененные полезные ископаемые. Но такая «интеграция» не должна вуалировать действительно созданное людьми используемое национальное богатство и в то же время преувеличивать национальное богатство за счет «предполагаемых» естественных производительных сил. Интенсивно используемые для экспорта богатые природные ресурсы как выгодный источник наполнения госбюджета и роста прибыли соответствующих корпораций могут и притормозить развитие производства новых технологий и машиностроения, отраслей социальной сферы, что и наблюдается в России. Так что «борьба за понятия, по словам В. Белинского, дело святое, и горе тем, кто за них не боролся». Этот афоризм обращен и на следующий пункт.

2. Отталкиваясь и вместе с тем критикуя за непоследовательность трудовую теорию стоимости А. Смита, К. Маркс поддержал, уточнил и развил его концепцию о производительном и непроизводительном труде, согласно которой *производительным* является только труд, занятый в *производстве товаров* (для Смита это производство вообще), а его результат зависит от *производительности труда и численности занятого в их производстве населения страны*, каковые и являются «*причинами богатства народов*». Эта концепция органично связана со смитовским пониманием трудовой природы стоимости как основы цены с точки зрения условий простого некапиталистического товарно-рыночного хозяйства. Смит не довел свой анализ до выяснения того, как влияет обстановка капиталистических отношений, новые социальные факторы на понятие производительного труда, связанное с присвоением прибавочной стоимости, прибыли в ее многообразных формах. Суждения на эту тему мы находим у Маркса в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости». Заслуга же Смита состоит в том, что он дал исходные определения труда, создающего национальный доход страны, за счет которого растет и ее *реальное* национальное богатство. Тем самым Смит четко и резко назвал в свое время

те слои населения, которые непосредственно не участвуют в его приращении, хотя ряд из них осуществляет *полезную для общества неэкономическую деятельность в сфере услуг*. Прилагая учение Смита в этой части к нашим российским дням, мы можем обратить внимание на огромную массу труда, который не имеет не только прямого, но и косвенного отношения к реальному экономическому росту, тщательнее разобраться в том, что скрывается за опережающим ростом сферы услуг, дифференцировать ее отрасли, выяснить, что означает более быстрый рост доли, например, финансовой деятельности и косвенно измеряемых услуг финансового посредничества по сравнению с общим темпом роста ВВП, ростом сельского хозяйства, отраслей обрабатывающей промышленности. Создается иллюзорная картина, искажающая роль действительных и фиктивных факторов, лишаящая руководство страны объективной информации о реальном экономическом росте. *С точки зрения специфики капиталистического производства, в котором создается не только стоимость, но и прибавочная стоимость* (по Марксу), понятие производительного труда связывается не с трудом вообще, а с *трудом рабочих, приносящих «прибыль своему хозяину»* (Смит) и *создающих возможность накопления и увеличения капитала*. Трактовка «производительного труда» как труда, производящего «товар», соответствует гораздо более элементарной точке зрения, чем определение производительного труда, как труда, производящего капитал¹. Сложная иерархическая структура превращенных форм, в которых выступает система капиталистических производственных отношений, отраженных в III томе «Капитала», «поднимает» по «вертикали» вверх и распространяет категорию производительного труда по «горизонтали» — за границы сферы непосредственно материального производства. В силу этого само понятие производительного труда претерпевает ряд *превращений* в русле использования марксистской методологии в теории. Производительным в экономической системе капитализма объективно характеризуется труд, приносящий собственнику капитала прибыль как таковую и в ее различных хозяйственно-эмпирических формах: промышленную и торговую прибыль, банковский процент, предпринимательский доход, земельную ренту и др. Суть такого подхода выражена в «Теориях прибавочной стоимости» следующим образом: «Производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда *со стороны владельца денег, капиталиста, а не со стороны работника*»². Нет оснований думать, что этот подход уже устарел для анализа современного капитализма, в том числе в России, и для понимания сути *социально-экономической* политики класса новых собственников главных ресурсов страны, определяющих конъюнктуру

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 136–137.

² Там же. С. 139.

рынка труда. Но такой подход может противоречить общенациональным интересам. Некоторый компромисс должно искать *социальное государство*.

3. Одной из главных проблем стратегии экономического развития России является задача повышения производительности индивидуального и общественного труда. В I томе «Капитала» на всех ступенях восхождения от абстрактного к конкретному при логическом развертывании системы категорий капиталистических производственных отношений от анализа двойственного характера труда, создающего товар, влияния на величину стоимости товара к созданию относительной прибавочной стоимости, определению стоимости товара рабочая сила, уровня заработной платы наемного рабочего и, далее, к накоплению капитала и его расширенному воспроизводству с действием всеобщего закона капиталистического накопления, проявляющемуся в абсолютном и относительном обнищании работников наемного труда, — всюду возникает ключевой вопрос о *производительной силе труда и его производительности*, их роли в развитии капиталистического способа производства. Феномены производительной силы труда и производительности труда, которые, как правило, в литературе отождествляются, взаимосвязаны и вместе с тем различаются как потенция и ее реализация, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в том числе и особенно для решения проблем повышения эффективности общенационального производства и ускорения экономического роста, подъема уровня и улучшения качества жизни населения России. Производительность труда представляется как функция рабочей силы, результат использования способности работника к труду, его трудовой профессиональной компетентности, расходования его умственной и физической энергии. Все эти качества формируют трудовой потенциал (ресурс) работника, или производительную силу его труда. Если последняя — это возможность, то производительность труда — действительность, выражаемая в продукции, производимой в единицу рабочего времени. В «Капитале» мы встречаем перечень факторов, определяющих уровень и рост производительной силы труда: «Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочими, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства и, наконец, природными условиями»¹. Во всех этих «обстоятельствах» (даже, хотя и медленнее, в природных условиях), являющихся непосредственными факторами производительной силы труда, происходят определенные изменения, связанные с научно-техническим прогрессом. Однако все они как таковые сохраняют силу и на современном этапе

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 48.

инновационного экономического развития, на всех континентах, у всех стран и народов. Все современные и ожидаемые инновации вписываются в эту «вечнозеленую» модель факторов, разработанную 150 лет тому назад в бессмертном труде. Образовательная, здравоохранительная, научная деятельность, а также деятельность в области культуры в узком смысле, не имея по своей специфической природе отделенных от деятельности вещественных результатов, воздействуют на все эти непосредственные факторы и, являясь первичными факторами, опосредованно через них — на уровень и рост производительности труда в материальном производстве. Подобная схема сложных функций с возможными уточнениями определяет (может определять) логику планового регулирования потоков инвестиций, указывая ориентиры и маршруты их движения. Организуя этот поток, российское государство, если оно хочет быть *социальным*, обязано поставить мощный заслон, начисто исключаящий *абсолютное обнищание, снижение реальной заработной платы своих граждан, и не допускать роста их относительного обнищания*, насколько это вообще возможно при олигархическом капитализме.

5. Актуализация проблемы новой индустриализации экономики и ее специфика в России

Проблемная группа «Воспроизводство и экономический рост» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова еще в начале 1990-х гг. в связи с разворачивающимся трансформационным кризисом, порожденным переходом от советской плановой экономики к российской рыночно-капиталистической и наполовину разрушившим через приватизацию промышленность — кузницу воспроизводства индустриальной базы всего народного хозяйства, т.е. средств труда (машин и оборудования), обращала внимание на возникшую проблему необходимости ее *восстановления*, т.е. реиндустриализации. О восстановительной проблеме говорили и адепты реставрации капитализма. Эта общая постановка вопроса не связывалась с концепцией формирования «нового индустриального общества» Дж. Гэлбрейта, но выражалась в двух противоборствующих версиях теоретического и политического противостояния в первой половине переходного периода. Либеральные теоретики новой власти исходили из того, что советская промышленность, отстав от достижений мирового научно-технического прогресса, безнадежно устарела, ее основные фонды модернизации не подлежат, их нужно менять на иную, новую технику, вводить новейшую технологию, ломать неэффективную организацию производства, перестраивать пропорции национальной экономики. С такой установкой связывалось даже обоснование порочности, тупиковости плановой системы, необходимости ее замены

рыночной системой, возвращение к капитализму. Вторая книга Дж. Гэлбрейта «Экономические теории и цели общества» (напомню — 1973 г.) в каком-то смысле в некоторой части объективно подталкивала к такой идеологии, хотя сам Гэлбрейт, делая шаг назад, до таких крайних выводов не доходил, а наши доморощенные либералы к нему не апеллировали. Что касается сторонников планового социализма, то реиндустриализацию они видели «здесь и сейчас» как: а) немедленное оживление полумертвых «заснувших» предприятий, оказавшихся в руках приватизаторов, через деприватизацию и повышение эффективности управления ими с использованием товарно-денежных отношений с адекватными им категориями; б) поворот к максимально возможному при наличных материальных, трудовых, научных, природных и финансовых ресурсах созданию собственного производства — что требует длительных сроков реализации — и расширению импорта новейших образцов техники и технологий при отсутствии своих возможностей для самостоятельной реиндустриализации. Таков *первый аспект* идеи новой индустриализации.

Второй аспект обозначился в материалах проблемной группы «Воспроизводство и экономический рост» в начале нового столетия в связи с проблемой так называемой *новой экономики*. Дискуссия развернулась в мировом масштабе, в кругах российских ученых и практиков, на экономическом факультете МГУ, который организовал серию из шести ежегодных международных научных конференций под общим названием «Инновационное развитие экономики России» с дополнительной ежегодной конкретизацией общей темы (2008–2013). Проблемная группа предложила обобщающее определение новой экономики как этапа современной мировой экономики, который характеризуется рядом признаков и в который в качестве детерминанты включается «новая индустриализация».

Третий аспект разработки проблемы новой индустриализации связан с критикой быстро распространявшейся среди экономистов-полумарксистов западной социологической концепции «постиндустриального общества», в полосу которого якобы вступили не только индустриально развитые страны, но уже вползает со своей ослабленной экономикой и Россия. Исследование новых, «инновационных» процессов не должно отрываться от реалий, а именно от того, что, во-первых, современная экономика — тем более российская экономика — продолжает оставаться преимущественно индустриальной (а в некоторой части даже доиндустриальной), а во-вторых, именно индустриальный базис является фундаментальной материальной основой современного развития «постиндустриальных» процессов, таких, например, пионерных инноваций, как новейшие информационные системы, биотехнологии и нанотехнологии.

Говоря в целом о переходе России к новому этапу экономического развития, было бы ошибкой не в пользу национальной экономики замыкать

этот многотрудный процесс только учетом высших мировых достижений научно-технического прогресса вне соединения их с национальной *конкретно-исторической спецификой страны, ее экономики и особенностями ее проблем в современной ситуации*. Остается нерешенной, как сказано выше, и задача *полного завершения «восстановительного» периода*, компенсации огромных потерь, понесенных в годы перестройки и особенно реформ 1990-х гг., в результате тяжелейшего трансформационного кризиса, приведшего к снижению жизненного уровня огромной части населения. Третья из нерешенных и звучащих на всех форумах фундаментальных проблем, тормозящих переход к инновационной экономике, — это *преодоление сырьевой ориентации экономики*, что требует быстрого восстановления и дальнейшего роста обрабатывающей промышленности. Исходя из этого, есть все основания полагать, что в концепции социально-экономического развития России не только на ближайшие шесть лет, но и на более дальнюю перспективу объективно обозначается линия не только инновационного развития экономики, но одновременно и линия на компенсацию поистине астрономических потерь, понесенных в конце прошлого века, а также линия на существенное преобразование структуры народного хозяйства. Иначе говоря, вектор развития должен включить все эти линии во взаимодействие.

Некоторые авторы, в частности С. С. Губанов¹, придерживаются иной точки зрения. Автор категорически отрицает понимание сущности новой (нео)индустриализации как *продолжения* исторического процесса замены ручного труда трудом, применяющим машину вместо ручного инструмента как главного орудия производства. Он считает, что этот критерий справедлив лишь для первой, предыдущей фазы индустриализации, а нынешняя фаза — это «цифровая и технотронная», не раскрывая, как и все СМИ и даже официальные документы, смысла этих понятий². Разрывая связь между второй и первой фазами, он не объясняет, между прочим, сохраняется ли при этом ручной труд, что вообще происходит с трудом — меняется ли его характер, или он вообще выводится из процесса производства. Автор забывает (или не разделяет) метод единства исторического и логического, когда замену ручного труда машинным относит лишь к начальной фазе индустриализации и не видит того, что все последующие фазы продолжают этот исторический процесс, сохраняя первичную форму как генетически исходную и через смену машин и соответствующих технологий более совершенными, через комплексную механизацию и полную автоматизацию производства завершает эпоху ин-

---

¹ Губанов С. С. Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. 2017. № 3.

² Там же. С. 46.

дустриализации. В основе перехода в постиндустриальную эпоху (а это будет не словесная, а действительная революция в материальном производстве) может лежать не изобретение систем новых конструкций *машин*, а открытие и введение систем принципиально *нового типа средств труда и соответствующих технологий*. Не введение новых двигателей и новых трансмиссионных систем, а то средство («орудие», процесс), с помощью которого человек, даже выходя из непосредственного процесса производства, изменяет предмет труда (естественного или сырого материала), придавая ему форму, полезную для производственного или личного потребления, является той революционной переменной в способе производства, которая *логически сопоставима* с первой промышленной революцией конца XVIII–XIX вв. Все остальные техно-технологические фазы, ступени, уклады характеризуют изменения в производительных силах машинного производства, историческая миссия которого — вытеснение из непосредственного производства материальных благ ручного труда. Не видя этого, автор к тому же *полностью абстрагируется от специфической ситуации в России* и жестко занимает позицию трактовки неоиндустриализации как международной проблемы («для всех стран мира»). Между тем эта проблема обострилась в России как реакция на деиндустриализацию, как необходимость восстановления разрушенной методом приватизации созданной невероятными усилиями в СССР промышленности, повторяя ситуацию 1920–1930-х гг., а затем послевоенную ситуацию второй половины 1940-х гг. Можно согласиться с С. Д. Бодруновым, когда он интерпретирует неоиндустриализацию как *реиндустриализацию*, т.е. и как восстановление разрушенного. Бесспорно, нынешний новый этап индустриализации объективно выдвигает задачу восстановления экономики с максимально возможным внедрением новой современной технологии, но для этого нужны огромные финансовые, новые технические и людские ресурсы. Такое направление современной индустриализации в России можно, конечно, считать ведущим, поскольку оно реализует достижения продолжающегося мирового научно-технического прогресса, но в рамках пока еще индустриальной эпохи. Однако специфика российской ситуации не может быть индифферентной для экономической политики, стоящей перед необходимостью решения *триединства* проблем, критикуемого автором указанной статьи, отступающим от принципа единства общего и специфического и не сознающего того, что одной апелляцией к научно-техническому прогрессу он оправдывает преступный разгром советской промышленности, учиненный по идеологическим мотивам.

Общий научный потенциал политической экономии как системы категорий складывается из отдельных потенциалов ее разделов. С этой точки зрения их значение неравноценно для решения актуальных проблем со-

временной России. Неравнозначность очевидна и по такой причине, как принципиальные различия в методологии анализа экономических отношений, а вследствие этого и в особенностях предмета классической и неоклассической общей экономической теории.

Обращение к *теории воспроизводства* — одно из ключевых направлений, которые могут быть использованы экономической политикой для стратегии приведения расстроенной экономики в *сбалансированное* состояние, хотя бы приблизительно напоминающее разрушенный в связи с распадом СССР единый народно-хозяйственный комплекс страны. И в этом смысле может быть использован потенциал фундаментального характера *теории воспроизводства* капитала К. Маркса.

Как особая система (подсистема) она разработана и выделяется в сквозном разрезе всех трех томов «Капитала» К. Маркса, но не выделяется вообще в системном виде, охватывающем все фазы воспроизводства, ни у домарксовых классиков, ни у неоклассиков, ни у авторов неоклассического синтеза (современный экономикс). Непреходящее пионерное значение для теории воспроизводства имеет знаменитая «Экономическая таблица» Ф. Кенэ, исследование А. Смита о природе и причинах богатства народов, но и у этих великих мыслителей системной картины воспроизводства нет. Мы не найдем системы категорий и законов воспроизводства ни общественного, ни индивидуальных капиталов ни у А. Маршалла с его неразграничением микро- и макроэкономики, ни у Дж. Кейнса в макроэкономике, ни у П. Самуэльсона в неклассическом синтезе, ни в многочисленных российских изданиях «Экономикс». С этой точки зрения высокий научный потенциал для решения *проблем воспроизводства* в современной капиталистической экономике, в том числе в России, сохраняет прежде всего «Капитал» К. Маркса, *150-летие выхода в свет I тома* которого отмечалось в 2017 г. Критики-антимарксисты, да и некоторые, как они себя называют, «неомарксисты» и «критические марксисты» говорят об общей или частичной устарелости «Капитала». Он «устарел» так же, как и труды Смита, Гегеля, еще более «древних» Аристотеля, Платона, которые до сих пор остаются для человечества образцами новаторской научной мысли. А «Капитал» написан ведь не по эпохе рабства, феодализма, а по капиталистическому способу производства и содержит открытие фундаментальных экономических законов способа производства, в который вторично в своей истории влезает понукаемая идеологами и капитанами капитализма Россия. В I томе «Капитала» выявлен источник создания и накопления капитала с его «всеобщим законом» «абсолютного и относительного обнищания». Во II томе — воспроизводство и обращение индивидуального и общественного (совокупного) капитала со знаменитыми схемами взаимосвязи производства средств производства и производства предметов по-

ребления, дающими ключ к построению современных межотраслевых балансов. В III томе — процесс воспроизводства капитала, взятый в целом вместе с системой его превращенных фетишистских форм, сохраняющих свою функциональную роль в практике и современного капиталистического хозяйствования и воспроизводства, в том числе и в России: издержки производства, прибыль, ссудный капитал и процент, фиктивный капитал, земельная рента.

В реальной ситуации российской экономики, перегруженной *импортозависимостью* вследствие потерь 1990-х гг. в материальном производстве, его отставанием в техно-технологическом отношении, неразвитостью медицинской, фармацевтической и некоторых других отраслей обрабатывающей промышленности, крайне обострилась проблема *импортозамещения* в результате санкционной агрессии со стороны ведущих западных стран и их сателлитов. Необходимы не только декларации, но и государственная программа импортозамещения, разработанная на основе выполнения точных поручений соответствующим организациям. А для этого необходимы расчеты — того, чем располагают регионы, отрасли народного хозяйства, виды экономической деятельности в тех областях, на которые нацелены запретительные санкции, с выяснением, какая запрещаемая импортируемая продукция не может вообще в среднесрочной и ближайшей перспективе быть замещена, какие необходимо разработать долгосрочные проекты, какие другие страны могут «выручить» Россию немедленно по тем позициям, которые она не может реализовать, и т.д. Такой схемы и плана реализации импортозамещения с научным экономическим обоснованием в настоящее время в России еще нет. Судя по СМИ, подобных официальных документов нет и в регионах — субъектах Федерации. Возможно, такого рода утвержденные разработки целесообразны и для федеральных округов, внутри которых могут быть организованы и находиться под контролем внутриокружные межобластные обмены и межокружные связи, работающие на импортозамещение. Через *импортозамещение* и частично через возможный в будущем *импорт* нового типа машин, соответствующего оборудования, новейших технологий, которые пока российская промышленность не в состоянии создать, могла бы осуществляться и политика новой индустриализации, направленной на создание материально-технической базы, адекватной обновленной, пока еще не имеющей, к сожалению, ясных очертаний экономической модели России. Представляется, что процессу реализации всей государственной программы должны предшествовать изменения в *хозяйственно-институциональной сфере*, той части общественно-экономических отношений, которые образуют хозяйственный механизм и непосредственно поддаются правовому регулированию. Такие изменения должны, несомненно, войти в тот же проект.

6. Против искажений фундаментальных понятий политической экономии

Неувядающая актуальность «Капитала» несомненна и в связи с очевидной потребностью возрождения политической экономии как общетеоретической экономической науки, вытесненной из «мейнстримского клуба», и восстановления ее статуса как учебной дисциплины в университетах. И здесь нельзя не затронуть вопрос о новейших искажениях фундаментальных понятий политической экономии не только со стороны представителей неоклассического направления, но и ревизионистского «реформирования» некоторыми формальными сторонниками марксистской экономической теории капитализма и социализма. В частности, весьма распространенным стало методологически, по нашему мнению, ошибочное смешение понятий экономического строя переходного периода к социализму и сложившейся (теоретически) целостной системы, завершившей переходный период. Из того же круга обществоведов, в том числе экономистов, идут призывы к созданию не только новой теории социализма, но и новой, немарксистской теории капитализма. Их авторы подталкивают к отказу от фундаментальных категорий трудовой стоимости и прибавочной стоимости, а значит, и от признания противоречия между трудом и капиталом. В экономическую теорию современного капитализма и даже в «обновленную» экономическую теорию социализма вводятся такие искажающие суть капитала мифологизированные понятия, как «человеческий капитал», «социальный капитал», «культурный капитал», «интеллектуальный капитал». Сознательно или бессознательно этими метафорическими понятиями прокламируется якобы гуманистическая сущность современного капитала в отличие от «прежнего» с отказом от *общего родового определения капитала*. Такого определения мы не найдем ни в современных научных трудах, ни в учебниках «Экономикс». Вместо общей характеристики капитала предлагаются описания особенностей его форм, типов, частей, например: вещественный (физический) капитал, финансовый (денежный) капитал, человеческий капитал, капитальный запас, основной и оборотный капитал и т.д. Или вместо общего определения капитала дается перечень элементов вещественного капитала или его элементов, например, «оборудование, дома, промышленные здания», с указанием на то, что они являются результатом инвестиций и приносят доходы. За такого рода поверхностными дефинициями стоят вопросы происхождения, характера, источника доходов и роста капитала, но они не обсуждаются и ответы на них не даются. То же можно сказать и в адрес современного открытия — «человеческого капитала», который подразумевает известную еще домарксовым классикам политической экономии рабочую силу как товар, приобретающую при капитализме

(К. Маркс) форму «переменного капитала». Такой подход представляет собой настоящую спекуляцию, превращая наемного рабочего в капиталиста, если он сам инвестирует свои средства в «самого себя, оплачивая образование и приобретение квалификации». Теоретики неоклассического синтеза в восторге от открытия такой формы фетишизации отношений между наемным трудом и капиталом и не замечают того, что они фактически дезавуируют исходную для неоклассической теории «триединую формулу капитала» Ж. Б. Сэя, в которой капитал, земля и труд разделены как факторы производства, превращая рабочую силу в капитал не для капиталиста, а для самого работника. Но на такие «тонкости» представители неоклассики давно не обращают внимания, создавая вульгарную базу для так называемого «партнерства» между классами наемных работников и собственников капитала. По сути, такого же рода и понятия «социального» и «культурного» капитала, внедряющие в сознание людей мифы об изменении природы капитала, о его мессианской нацеленности на обеспечение социальной справедливости и «культуртрегерство». Такого рода перекосы лишний раз подтверждают *необходимость восстановления преподавания классической политической экономии в университетах страны и интенсивного исследования на основе ее методологии новых экономических отношений на уровнях индивидуального, общественного (общенационального) и в масштабе глобального воспроизводственного процесса, возникших и развивающихся как в России, так и во всем мире на уровнях индивидуального, общественного (общенационального) и в масштабе глобального воспроизводственного процесса, охватывающего производство, обмен, распределение и потребление разных стран.*

ГЛАВА 2

БЫТИЕ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Немного «методологии»

Наука, которой от рождения уже не одна тысяча лет, и сегодня окружена тайной, но еще более морем созданных самими людьми мистификаций. И каждый новый ее шаг вперед над тайнами земли и неба множит новые мистификации. Недаром сказано: «Наука — источник знания и суеверия»¹.

Наверное, для большинства экономистов тема «науки» совсем непростое согласуется с темой не только «воспроизводства», но и «производства». Наука-де — это одно, а производство — это совсем другое. Но взаимоотношения науки и производства кардинально меняются с осуществлением промышленной революции, и эти изменения сохраняют свою актуальную значимость по сей день.

Промышленность остается существенной характеристикой производства, невзирая на множество «постиндустриальных» эпитетов, в которых стремление освободиться от определения «промышленное» сильнее, чем разобраться в его (производства) современном состоянии. И до сих пор остаются справедливыми и актуальными суждения: «промышленность стала экспериментальной наукой», а «наука — технологией добытия нового знания» (К. Маркс).

Может быть, самое убедительное свидетельство глубокой внутренней связанности науки и производства нашло выражение в изменении характера войн между странами — они стали «войнами технологий». Россия испытала это на себе в Крымской войне 1853–1856 гг. Это была безнадежная война «силы ветра» против «силы пара». Связанность «науки — технологии — производства» еще более показали Первая мировая и тем более Вторая мировая война и нынешние «гибридные войны».

---

¹ Шрейдер Ю. Наука — источник знаний и суеверий // Новый мир. 1969. № 10.

Есть много обстоятельств, побуждающих рассматривать науку в тесной связи, или, более того, — «сквозь призму» производства. Сформировать такой угол зрения очень непросто прежде всего по причине огромности содержания современной науки и расширяющейся непрерывно множественности и разнообразия ее дисциплинарных областей, делающих науку как предмет исследования почти необозримой. И уже отсюда проистекают огромные сложности с тем, чтобы дать ответ на вопрос — что такое наука сегодня? Они более велики и так же, кажется, тщетны, как ответ на утверждение или вопрос Понтия Пилата — «Что есть истина!».

В России принято рассматривать науку обособленно от производства. Это обусловлено тем, что «клиповое мышление» как эпидемия охватило широкую массу людей и стало заражать также мышление специалистов, профессионалов, ученых и экспертов. «Призма производства», предлагаемая здесь, для анализа науки, может показаться искусственной или утопичной. Однако на Западе с конца 1950-х гг., точнее — после запуска в Советском Союзе искусственного спутника Земли, резко активизировались исследования науки в широком спектре проблем — философии, экономики, истории, социологии. Первым свидетельством этого поворота в экономической науке стала статья сегодня хорошо известного и ставшего со своим коллегой почти классиком в исследовании «рутин» Ричарда Нельсона под названием «Простая экономика фундаментальных научных исследований»¹.

Именно в русле этого поворота в изучении науки появился журнал «Минерва», и в первом его номере была опубликована статья Майкла Поланьи с замечательным названием «Республика науки. Ее экономическая и политическая теория»². В первом же предложении статьи он утверждает, что «сообщество ученых организуется тем же способом, которым регулируется производство материальных благ». Это еще не «призма производства» для анализа науки, но наука и производство здесь сближены основательно.

Трудности определения исходных позиций для исследования науки усугубляются тем, что многие бытующие суждения о ней мистифицированы, но используются как давно якобы установленные и неоспоримые, не являясь таковыми, но заслоняют и искажают суть дела — суть науки. Таковы, например, суждения: «наука — форма общественного сознания» или «наука — продукт духовного производства». Сведение науки к «духовности» или «сознанию» не дает ни малейшей зацепки для ее изучения как конкретной формы какого-то бытия. В них совершенно проигнори-

---

¹ Nelson R. R. The Simple Economics of Basic Scientific Research // The Journal of Political Economy. 1959. Vol. 67. No. 3 (Jun.).

² Polanyi M. The Republic of Science. Its Political and Economic Theory // Minerva. 1962. No. 1.

ровано то направление анализа науки, которое предложено, например, в конце 1970-х гг. философом П. А. Рачковым — «наука как *практическое богатство общества*». Указание на связь науки с богатством вынуждает акцентировать вопрос — как возникает, как создается или как *производится* это богатство?

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал: «Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистери, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹. Здесь — почти прямое указание на *производство* общественной жизни и на способ объяснения и преодоления мистификаций, возникающих в процессе ее *практического* осуществления.

В исследовании науки недопустимо полагаться только на «силу абстракции», которая, как правило, уже давно, но сегодня в особенности представляется и используется как «чистая умозрительность». Подмена же «силы абстракции» — «силой чистой умозрительности», что свойственно не только многим экономистам вообще, но и большому числу современных и бывших марксистов, проистекает из ложного и одностороннего истолкования знаменитой фразы К. Маркса в «Капитале», что в анализе экономических форм «нельзя воспользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами», то и другое должна заменить «сила абстракции»². Но «абстракция», «абстрактное» приобрели у большинства марксистов самодовлеющее, отдельное от «конкретного» содержание, что привело к сведению «абстрактного» к «чисто абстрактному», т.е. такому, которое полностью абстрагировалось от всего «конкретного» и не содержит в себе ни грана «конкретного», иными словами — ни грана «эмпирического».

По этой же причине «метод восхождения от абстрактного к конкретному», освященный многими авторитетными марксистами прошлого и настоящего, стал трактоваться недопустимо односторонне-догматически-схоластически — так, словно после того, как создан К. Марксом «Капитал», для марксиста никогда уже нет и не будет нужды в движении (между прочим, тоже своеобразном восхождении!) «от конкретного к абстрактному». Прошло 150 лет со времени создания «Капитала». Появилось море нового эмпирического (конкретного) материала. Какая-то его часть получила обобщение (движение от конкретного к абстрактному!) в «Аграрном вопросе» К. Каутского, в «Финансовом капитале» Р. Гильфердинга, в «Империализме...» В. И. Ленина. Но на сегодняшний день и этих талантливых обобщений уже совершенно недостаточно — большие

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е и изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955.

² Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

изменения и возникновение нового произошли и в этих областях — аграрной, финансовой, формах проявления империализма, но также, и еще больше, — в технологии, науке, в деятельности государства.

Марксистской экономической теории необходимы дальнейшие обобщения, которые всегда должны включать в себя и «движение от конкретного к абстрактному», согласование этих обобщений с исходными идеями марксизма, формирование современного марксистского понимания этого нового. А оно, «новое», продолжает возникать и далее — и будет возникать всегда. И чтобы марксизм не «почил в бозе» окончательно, о чем мечтают давние его противники и чему немало способствуют некоторые современные «марксисты», придется снова и снова обобщать новое, данное эмпирически и конкретно, т.е. совершать регулярно движение «от конкретного к абстрактному».

Известно, что «Капитал» К. Маркса остается произведением незавершенным, даже не с точки зрения «плана шести книг», но и с позиции целого ряда понятий, введенных автором в четыре изданных тома. Среди этих понятий незаслуженно забыто марксистами понятие «наука» и его место в экономической теории Маркса, в индустриальной системе общества. А оно используется Марксом уже в первой главе I тома в связи с очень важным для всего строя «Капитала» понятием — «производительная сила труда» в контексте одного из факторов ее роста — «уровня развития науки и степени ее технологического применения». В дальнейшем Маркс обращается к науке в разных контекстах — от «появления науки технологии», «сознательного применения науки» как необходимого элемента индустриальной организации экономики, «превращения науки в непосредственную производительную силу» до «науки — всеобщего труда». За 150 лет после издания «Капитала» именно в сфере научно-технологической произошли, возможно, самые грандиозные изменения в мире, нашедшие отражения в идеях «постиндустриализма», «смены технологических укладов», «информационного» и уже даже «постинформационного общества», «цифровой экономики», за которыми идет длинный шлейф мистификаций реальности — науки, технологий, информации, знания, самой экономики.

2. Деградация науки в ходе рыночных реформ России — звено деиндустриализации ее экономики

Определение науки сегодня — задача невероятно сложная и требующая значительных усилий, что признается одинаково у нас и на Западе. Сложность задачи, прежде всего и очевидно, обусловлена постоянно растущим числом и расширяющимся многообразием дисциплинарных научных направлений, в каждом из которых сформировалось свое особенное

представление о науке. В то же время внутри всего научного сообщества давно возникла и до сих пор присутствует стойкая идея, что наука есть нечто *универсальное*, нечто *одно* и нечто *целое*, что признать и тем более понять в нынешних условиях оказывается крайне затруднительно. Понятие науки как «одного» со всем множеством ее дисциплинарных форм зафиксировано еще Гегелем в «Науке логики» формулой «круг кругов». Сохранение этой идеи в глубине сознания современных ученых проецирует необходимость поиска ответа на вопросы — что такое наука и что объединяет все науки в одно целое.

Первый министр науки пореформенной России Б. Г. Салтыков, хорошо известный среди ученых своей фразой «науки в России слишком много», рассказал о том, как он начинал заниматься наукой. В начале 1980-х гг. он был приглашен А. И. Анчишкиным, директором недавно созданного Института народно-хозяйственного прогнозирования, для исследования проблем прогнозирования развития науки. Салтыков на это ответил, что он всегда занимался ценами и никогда не занимался наукой и «даже не знает, что это такое», на что якобы получил ответ Анчишкина: «А этого никто не знает». Высказанная в частной беседе идея Анчишкина, что наука есть «то, что не знает никто», является очень глубоким и смелым обобщением современного состояния представлений о науке в мире в целом, но особенно в современной России.

П. Л. Капица еще в 1935 г. в письме В. И. Межлауку, курировавшему от ЦК в то время науку, был обеспокоен отсутствием ответа по существу на тот же вопрос. Он писал: «Из всего, что у нас говорят и пишут о науке, особенно когда сопровождают это слово эпитетами вроде «прикладная», «теоретическая», «чистая», «социалистическая» и пр., *заметно общее отсутствие ясно обозначенного понятия науки*»¹. Некоторая лексическая разница слов, высказанных Анчишкиным и Капицей, не может скрыть момента их смысловой тождественности. А разница между ними в том, что Анчишкин не формулирует свою мысль как задачу или проблему, которая требует новых специальных исследований. Он, по существу, просто констатирует факт. Капица же видит в «отсутствии ясно обозначенного понятия науки» одно из серьезных препятствий в организации «научного хозяйства» (термин Капицы), что, собственно, и составляет основное содержание его обстоятельного письма Межлауку.

Пока не существует, на мой взгляд, не только общепринятого, но и принятого «сколько-нибудь значащим числом ученых» определения «что такое наука». К сожалению, представление о науке российских философов не многое может дать относительно ясного обозначения *понятия*

---

¹ Капица П. Л. Записка о чистой науке // Капица П. Л. Научные труды. Наука современного общества. М.: Наука, 1998.

науки. Сравнительно недавняя дискуссия в журнале «Вопросы философии» по проблеме будущего *фундаментальной науки* продемонстрировала это достаточно очевидно¹. Из всех участников только выступление Е. А. Манчур имеет некоторую направленность на «ясное обозначение понятия науки». Известные из догматического «марксизма-ленинизма» формулы «наука есть форма общественного сознания» или «наука есть продукт духовного производства», имея известную, но очень ограниченную ценность для научного анализа, не являются *научными* определениями вообще, поскольку слишком умозрительны, схоластичны, к тому же не выдерживают проверки на научность по критерию фальсифицируемости К. Поппера, т.е. они не могут быть эмпирически ни доказаны, ни опровергнуты.

Поэтому ответ на вопрос «что такое наука?» представляет до сих пор обширную лакуну, которую необходимо заполнить. Задачу эту может и должна выполнить, как мне кажется, «политическая экономия науки». И хотя эта задача должна быть выполнена внутри науки и силами самой науки, острую необходимость в «ясном определении *понятия науки*» обнаружил жаркая дискуссия, начатая летом 2013 г. вокруг реформы РАН, ФАНО и науки в целом, которая продолжается и сейчас. Оппоненты говорили на разных языках: рыночным реформаторам до сих пор светит только одна звезда — «чисто рыночная модель науки», их оппонентам, которые были заняты действительной наукой и, кажется, чувствовали ее кожей, задачу сформировать обобщенное представление о науке заслоняет «любовь каждого кулика к своему болоту», к которой присоединяется и распространенное среди ученых пренебрежение философией вообще, философией науки и историей науки — в частности.

Необходимость «ясного обозначения понятия науки» становится критически актуальна, поскольку ни закон, принятый более трех лет назад, — о реформировании РАН, ни учреждение ФАНО, ни трехлетний мораторий на кадровые и финансовые решения РАН+ФАНО, ни механизм «двух ключей» не остановили процесса стагнации российской науки. «Окаянными днями науки» называет это время академик М. В. Садовский.

Идея «рыночной модели науки» откровенно была заявлена Б. Г. Салтыковым, первым министром науки и технологий пореформенной России, на заседании Никитского клуба 2003 г. по проблеме «экономики знаний» (на сайте Никитского клуба² есть стенографический отчет). Эта идея представлена им как «проект *чисто* рыночной модели науки», что означает

---

¹ Вопросы философии. 2008. № 5. Участники: А.Л. Никифоров, Е.А. Манчур, Б.И. Пружинин.

² URL: <http://nikitskyclub.ru> (в этом источнике содержатся и те выступления, на которые содержатся отсылки ниже).

рассмотрение науки как формы (структуры и т.д.), обусловленной и подчиненной исключительно («чисто») действию «рыночного закона спроса и предложения». И все!!!

Это заседание Никитского клуба знаменательно тем, что дает возможность оценить по выступлениям участников уровень представления о науке и проблем, с ней связанных (знание, инновации, предпринимательство и др.), у достаточно авторитетной части российской элиты в 2003 г., который ненамного изменился с тех пор. Основной доклад на этом заседании делал академик В. Л. Макаров, и он был посвящен обоснованию необходимости расширения исследований темы «экономики знаний», которые, с его точки зрения, ведутся в России совершенно недостаточно. Этот его доклад и ряд статей, опубликованных приблизительно в то же время, закрепили за В. Л. Макаровым звание одного из первопроходцев и пропагандистов исследований проблем «экономики знаний» в России. Доклад был весьма информативен, но ориентир — «экономика знаний» оказался очень расплывчатым. Да и сегодня, спустя 14 лет, эта тема включает в себе массу неопределенностей.

Своим докладом Макаров спровоцировал мощную волну заявлений в пользу ценности «чисто рыночной модели науки» (Б. Г. Салтыков), «рынке как единственной эффективной форме распространения знаний», о «цене как лучшем его механизме» (Н. И. Иванова и др.), «кодифицированном» и «неотделимом от индивида» знании, что *иначе как в виде частных и плохо связанных между собой фрагментов реальной экономики, науки и образования, по-видимому, вообще не может быть понято*. Доклад живо заинтересовал аудиторию и вызвал горячую, эмоциональную дискуссию. Но самое главное — доклад и выступления дали отчетливое представление о том, какими бедными теоретическими и философскими основаниями пользуется наша научная элита в своих рассуждениях о знании, науке, экономике. И в то же время какими энергичными идеологическими императивами она руководствуется в своем понимании «инноваций», «предпринимательства» и перспектив развития России, сколько в них поверхностного, некритично усвоенного, случайного, чрезмерно идеологически ангажированного, но приведенного каким-то образом к общему знаменателю, по-видимому, сомнительным идеологическим принципом «политкорректности», которому почти молчаливо следовало большинство участников этого действия.

Диссонансом общему тону дискуссии прозвучал призыв декана химического факультета МГУ В. В. Лунина о «важности сохранения неотделимости *коллективного* знания», заключающий в себе множество коннотаций, которые нуждаются в дальнейших исследованиях. Лунин был единственным человеком, который обратил внимание на высокую значимость феномена *коллективности* как для науки, так и для знания.

Но в 2010 г. в интервью, данном В. Л. Макаровым главному редактору журнала «Экономические стратегии» А. И. Агееву, которое выразительно названо — «Открытие как прыжок в неизведанное», он заявил нечто трудно согласуемое с идеями доклада 2003 г. и большей частью выступлений на том заседании, а именно, что он сейчас борется с термином «экономика знаний», что он «разочаровался в нем», что оно «неправильное понятие», поскольку оно «не вписывается в рыночную экономику»¹. Это — не только свидетельство добросовестности ученого, который способен отказаться от ранее избранного направления анализа, заметив его ограниченность или вообще бесплодность, но и обнаружение высокой сложности проблематики «наука — знания — инновации — экономическая теория», значительная часть которой вообще не может быть сформулирована в терминах «рынка», не может быть описана в понятиях «рыночной экономики».

Выступление Б. Г. Салтыкова, в котором он предложил «проект чисто рыночной модели науки», проходило во второй половине обсуждения и представляло собой, по существу, содоклад, где главное внимание было обращено на «науку» и «инновации», а не на проблемы «экономики знания». Здесь было заявлено, в частности, то, что «новшество» становится «инновацией» или нововведением только в том случае, «если оно продано», т.е. если оно «освящено» отношением купли-продажи (отношением спроса и предложения). Вопросы о том, как новшество возникает, как оно производится, Б. Г. Салтыков перед собой даже не ставит. Справедливости ради следует сказать, что, будучи уже профессором ВШЭ и занимаясь проблемами муниципального управления, он набрел каким-то образом на проблематику ТРИЗа (теории решения изобретательских задач), в которой центральное место занимает разработка «теории технического развития». А эта теория в ТРИЗе, да и вообще «техническое развитие», не может никак быть описана в терминах рыночной экономики!

Несколько особняком прозвучало выступление А. Р. Маркова: «В стране сложилась трагичная ситуация. Советская система ценой гигантских издержек и отказа от нормального распределения ресурсов сформировала феноменальный фундаментальный потенциал науки. И прошедшие 15 лет показывают, что новая экономическая система пока не выработала механизм и инструментарий для того, чтобы этот совершенно уникальный фундаментальный потенциал запустить в работу в новых условиях». А «у бизнеса нет возможности сформировать такую потребность, потому что бизнес существует в неконкурентных условиях. А с другой стороны, публичная политика управления не выработала четкой парадигмы, как этот феноменальный потенциал двигать, развивать и запускать

---

¹ Макаров В. Л. Открытие как прыжок в неизведанное // Экономические стратегии. 2010. № 7–8.

на службу экономике». Едва затронув проблему реальной науки в России, Марков тут же стал апеллировать к рыночному аргументу — конкуренции, которая в действительности может действовать очень по-разному: она может быть «работающей» и «неработающей» (Дж. М. Кларк)¹, она может способствовать позитивному движению, но может быть и разрушительна. Без этой дифференцировки недопустимо в научном отношении использовать конкуренцию как однозначный аргумент, но это делается в российских публикациях на каждом шагу! Поэтому важное замечание Маркова становится дополнительным проявлением ориентации на «чисто рыночную модель науки», несмотря на замечание о «трагизме ситуации с наукой» в России.

Надо все же прислушиваться к предупреждениям самого знаменитого «певца конкуренции» Ф. Хайека: «Не следует приписывать конкуренции того, чего она достигает лишь в идеале. Такая фантастически преувеличенная оценка только помешает нам увидеть, чего в действительности конкуренция помогает достичь». И еще через две страницы: «В экономике, как и всюду, конкуренция — деликатная форма отношений...»².

Трудно сказать, чего в том проекте «чисто рыночной модели науки» Салтыкова было больше — откровенной безграмотности или экстаичной веры во всемогущество рынка! Видимо, они действуют одновременно, усиливая взаимно друг друга и мистифицируя проблематику науки и рынка.

Можно вполне предметно и конкретно доказать, что такой «модели науки» никогда не было, нет и никогда не будет! Такая модель как модель *действительной науки* просто невозможна! Она невозможна хотя бы потому, что *бытие науки* выходит далеко за пределы времени *бытия «рыночного спроса и предложения»*. Но эта «идея стала материальной силой, овладев массой рыночных реформаторов» и до сих пор является «научно-идеологическим» руководством к их действию. Единственно, к чему она может быть приложима в реальности — это к некоторому опыту, или феномену грантового финансирования науки, которая составляет, однако, лишь частность «научного хозяйства» (П. Л. Капица) в целом, а по существу представляет совершенно необоснованное не просто преувеличение, а абсолютизацию этой частности. Очень ценные и актуальные именно сегодня рассуждения на этот счет содержатся в уже упоминавшейся «записке» П. Л. Капицы о науке Межлауку 1935 г. Со взглядом на науку Б. Г. Салтыкова вполне солидарен еще один признанный авторитет в экономической теории и политике — научный руководитель НИУ ВШЭ Е. Г. Ясин³.

¹ Clark J. M. Toward a concept of workable competition // AER. 1940. Vol. XXX. No. 2.

² Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 387, 389.

³ Разрушение науки. Программа «Эхо Москвы». 27 марта 2008 г. Участники: Борис Салтыков, Евгений Ясин, Сергей Бунтман.

Можно утверждать, что Антуан Лавуазье и Джордано Бруно — трагические жертвы враждебного, нетерпимого отношения определенных сил существовавшего тогда общества к науке. Первый был отправлен на гильотину якобинцами с аргументом: «Республике ученые не нужны». Второго сожгла инквизиция, аргументы которой не могли быть столь прямолинейны. К началу 1990-х гг. не было уже ни гильотины, ни якобинцев, ушла в прошлое и практика «очищающего огня», но с самого начала рыночных реформ и даже как неотъемлемая, необходимая ее часть обнаружилось существование нетерпимого отношения к науке, которое с течением времени превратилось во враждебное, особенно по отношению к РАН. Удивительно, но кто-то из среды самих ученых в 2013 г. провозгласил, словно воскресший якобинец: «РАН должна быть разрушена, как Рим!» Неувязка, правда, с грамотой у глашатая вышла — Рим и открыли снова, и отрыли, и стал он «Вечным городом». Но науке в России было бы и разрушительно, и крайне расточительно повторять историю Рима, потому что наука создается и существует благодаря усилиям многих поколений людей.

В начале рыночных реформ в России никто, кажется, не помышлял ни об уничтожении науки, ни о ликвидации РАН. Но первый министр науки и технологий новой России Б. Г. Салтыков выступил с межеумочной формулой — «науки в России слишком много», демонстрируя наличие нетерпимого отношения определенных кругов общества и власти к науке, вызвав резкую неприязнь к себе со стороны академиков. Особую тревогу вызвало то, что нетерпимость к науке выразил тогдашний министр Правительства России. Этим заявлением он положил начало уничтожению российской науки.

Фраза Салтыкова, ставшая сразу знаменитой, надолго стала важным аргументом снижения бюджетных расходов на науку и образование. Несмотря на то что определение «слишком много» не имело и не имеет под собой никакого конкретного обоснования, оно, казалось, хорошо согласуется с либеральной идеей «минимизации государства» и «минимизацией государственных расходов вообще», а потому гону на науку и образование — в частности. Но никто, нигде, никогда не доказал, что существует какая-либо необходимая связь между размерами экономики и расходами государства на науку и образование.

Б. Г. Салтыков стал главным героем процесса деградации науки в России, потому что ему довелось быть первым «министром науки» пореформенной России и он считал себя обязанным объяснять обществу, что такое наука. На сайте Полит.Ру он поделился своими откровениями в лекции «Наука и общество: кому нужна сфера науки»¹, где экономический

---

¹ Полит.Ру. 2005. 27 дек.

смысл науки он свел к «количеству рабочих мест» и «сумме «денег, которые для них должны быть выделены из бюджета». И все! Он не забыл заметить, что наука есть еще «творчество» и какое-то «знание». Но экономический смысл науки — это исключительно «количество рабочих мест» и «сумма денег». И только! Что наука еще может создавать хотя бы новое знание, этого нет и в помине. Не зря он говорил Анчишкину, что «он даже не знает, что такое наука». За четверть века, несмотря на свои поездки по миру, его представление о науке ничуть не расширилось. Сопоставьте с этим его идею «чисто рыночной модели науки», и пещерная безграмотность первого «министра науки» относительно науки станет очевидной. Но свой проект «чисто рыночной науки» он благосклонно подарил своим преемникам — организаторам образования и науки в России.

Зафиксированные «образованными» людьми действительные исторические факты присутствия в некоторых случаях влияния на науку благотворительности частных лиц дают, казалось, какие-то основания говорить о науке *не как о необходимости, вызванной внутренней логикой ее развития*, а называть ее «роскошью», «излишеством», «без которых можно жить» (Л. Радзиховский — на «Эхе Москвы»). Эти плоские заявления популярного журналиста продолжают публично культивировать нетерпимость к науке, заявленную Б. Г. Салтыковым в начале 1990-х гг. официально и неоднократно. В итоге же сегодня по расходам на науку и образование Россия стоит в ряду слаборазвитых стран. Сокращение финансирования в разы стало первым шагом к прямому уничтожению российской науки. Одновременно с этим произошла ликвидация отраслевых НИИ — как следствие приватизации промышленных предприятий и ликвидации отраслевых министерств — основных заказчиков на продукты НИОКР.

Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятый в 2013 г., и учреждение ФАНО также могут сыграть негативную роль в развитии науки, если не произвести инвентаризацию их уже имеющихся последствий и не предпринять соответствующие коррекции.

3. «Деятельность мышления» (Гегель) — основное свойство «процесса труда» (Маркс) в науке

«Политическая экономия науки» непосредственно может рассматриваться как прямое продолжение экономической теории К. Маркса. Хорошо известно, что «Капитал» не является полностью «завершенным»¹

---

¹ «Завершенность» действительно научной теории — весьма относительное достоинство. Так, например, Томас Кун в перечислении достоинств «добротной научной теории»,

научным исследованием. Таковы разделы о ссудном капитале, земельной ренте, талантливо продолженные исследованиями Р. Гильфердинга — «Финансовый капитал», К. Каутского — «Аграрный вопрос», в которых тем не менее авторы не исчерпали эти темы, особенно если смотреть на них с позиций современности — через 150 лет после написания «Капитала». И отнюдь не только с точки «плана шести книг», на что прежде всего указывают многочисленные критики Маркса, но с позиции проблем, вопросов, обозначенных вполне определенно в «Капитале», а иногда сопровождаемых некоторыми ценными замечаниями или обобщениями — относительно социально-экономической природы науки.

Дело «продолжения «Капитала» по отношению к науке обстоит и сложнее, и проще. Сложнее — потому что в самом опубликованном тексте «Капитала» нет, кажется, ни одного упоминания о незавершенности темы науки или необходимости разработки проблематики какой-либо «политической экономии науки». Проще — потому, что вопрос о науке возникает в «Капитале» многократно, и не только впрямую, но и контекстуально, косвенно. И начинается это уже с первой главы «Капитала» в связи с рассмотрением факторов, оказывающих влияние на «производительную силу труда», понятия, которое К. Маркс, видимо, заимствует у А. Смита, но рассматривает его в существенно более широком аспекте. Одним из факторов роста производительной силы труда он называет «развитие науки и степени ее технологического применения»¹. Здесь есть некий синкретизм для читателя, особенно для современного, но не для самого Маркса. Синкретизм этот сегодня весьма специфичен. Он не представляет собой первоначального состояния «неразличности» темы науки и других тем общественного бытия — ее первоначальной неотделенности от философии, потом от теологии, в конце концов — от натурфилософии — за бытом слове, обозначавшем когда-то естественные науки, но все еще не собственно науку. Наоборот, этот синкретизм представляет собой заново приобретенное качество науки, которое каким-то образом связано с широким кругом обстоятельств необычайно быстрого ее развития от эпохи Возрождения, но особенно в XVIII—XXI вв.

На протяжении этих трех с лишним веков представления общества о науке и ученых сильно и радикально менялись, что, естественно, вызвало к жизни специфичный аспект бытия науки — ее «историю». Причем историю науки, выходящую далеко за пределы ближайших веков — во времена

насчитав их пять, последнее — «пятое» определяет как «продуктивность теории», означающее, что теория открывает новые горизонты исследования, что, очевидно, предполагает какое-то ее продолжение.

¹ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 48.

Древней Греции, Китая, Индии¹. Автором известного сегодня каждому школьнику разделения науки на «физику» и «метафизику» был древнегреческий философ Аристотель. Это разделение существует и сегодня в виде разделения на «естественные» и «гуманитарные» науки, создавая серьезные проблемы для современной организации науки, поскольку представители той и другой науки имплицитно сознают потребность в своем антиподе.

Современный синкретизм темы науки характеризуется тем, что он представлен не только для рядового, но даже для профессионального читателя как фундаментальная *неопределенность* «науки», «развития науки», «технологии со всеми степенями ее применения». И неопределенность эта сохраняется и сохранится до тех пор, пока не будет определено *конкретно*, «что есть наука». Действительно, что можно знать о «развитии науки», если неизвестно, что такое «наука». Для сегодняшнего так называемого «дискурса» о науке характерен парадоксальный союз синкретизма с эклектикой, что представляет уже само по себе серьезную проблему и у нас, и на Западе — проблему «философии, социологии, экономики (лучше было бы сказать — политической экономии) науки».

Для Маркса такой соединенности, синкретизма и эклектики не существовало. Прилежный ученик Гегеля, досконально изучивший его диалектику как действительную логику мышления, он навсегда получил прививку «против эклектического винегрета». Плеханов писал о Гегеле следующее: «Философия Гегеля имеет, во всяком случае, то неоспоримое достоинство, что в ней нет ни атома эклектизма... Она учит нас последовательности в мышлении, и кто с любовью и вниманием пройдет ее суровую школу, тот навсегда получит спасительное отвращение от эклектического винегрета...»².

Первым шагом для разработки «политической экономии науки» должен стать выбор «линзы», или «призмы», сквозь которую можно наблюдать, рассматривать, анализировать науку. Такой линзой может быть формула «наука есть прежде всего труд» как продолжение политической экономии А. Смита — К. Маркса. Уже существует некоторая традиция такого анализа науки, но, к сожалению, часто под вывеской других научных дисциплин: *философии науки*, и, что особенно оказалось продуктивно, *социологии науки*, например, Роберта Мертона и др. Имплицитно политико-экономический аспект представлен в сборнике статей известных ученых мира «Наука о науке», который Джон Бернал, инициатор его создания и один из его авторов, назвал «опытом формирования самосознания науки».

¹ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

² Плеханов Г. В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Плеханов Г. В. Соч. Т. 7. М. — Петроград, 1923.

Первым опытом *политической экономии науки* в Советском Союзе, видимо, можно считать статью Б. М. Гессена, физика, философа, историка науки под названием «Социально-экономические корни механики Ньютона», написанную им для II Международного конгресса по истории развития науки и техники, высоко оцененную участниками конгресса. Но этот опыт оказался трагичным прежде всего для автора, а также для амбиционной темы его доклада. В 1936 г. Б. М. Гессен, обвиненный в троцкизме, был приговорен к высшей мере, и приговор был немедленно приведен в исполнение. Видимо, это послужило немаловажной причиной того, что и на тему, заявленную репрессированным Б. М. Гессеном, пало негласное табу. Более 20 лет наши философы, экономисты, социологи обходили ее стороной.

Продолжением политико-экономического исследования науки — «под другим названием» — явилась коллективная монография «Социология науки», изданная в Ростовском университете в 1968 г. под редакцией и с авторством двух замечательных философов-марксистов М. М. Карпова и А. В. Потемкина. Пусть не пугает слово «социология», хотя бы потому, что политическая экономия никогда не чуралась социальных проблем, а в марксизме она находила в анализе «исторически определенных отношений производства и обмена» глубокие основания для объяснения важнейших социальных феноменов. Конечно, эта работа не есть академически рафинированный политико-экономический анализ науки, но цель «точно знать законы развития науки», поставленная на первых страницах книги, и обстоятельный анализ «взаимосвязи науки и производства» позволяют рассматривать ее не только как «социологию науки», но и как «политическую экономию науки».

Безусловно, к опыту политической экономии науки следует отнести и книгу А. И. Анчишкина «Наука. Техника. Экономика» (1985), главным образом за его заявление о том, что производительные силы следует рассматривать как «экономическую категорию». В те (1980-е) годы выражение «экономическая категория» было специфическим брендом понятия «производственные отношения». Но практически почти никто, кроме самого Анчишкина и еще двух-трех человек, не пытался смотреть на производительные силы под таким углом зрения.

По-видимому, вполне в русле политико-экономического анализа науки находится работа известного французского социолога Бруно Латура «Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества» (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013).

Острая дискуссия, возникшая сначала вокруг законопроекта, а затем и закона о реформировании РАН и науки в целом, обнаружила, во-первых, пустоту на том месте, где должно было размещаться «ясное определение понятия науки», во-вторых, что ни реформаторы, осуществляющие

реформу РАН и науки, ни самоотверженные и, кажется, знающие суть дела, защитники науки и РАН — никто не имеет ясного представления ни «что такое наука», ни «почему необходима РАН». Единственный и на первый взгляд позитивный результат ожесточенных споров вылился в весьма рыхлую идею создания «Карты российской науки», авторы которой совершенно не сознавали, что «карта — не территория», а уж «карта науки» — отнюдь «не наука». Язвительная оценка этого проекта и его осуществления дана в статье известного физика М. Фейгельмана под выразительным названием — «Карта российской науки имени Ивана Сусанина»¹. Примечательно, что для реализации идеи «карты» исполнители уже вполне были вооружены проектом «чисто рыночной науки», в соответствии с которым они решили обратиться к услугам всемирно известной фирмы PwC по оказанию профессиональных услуг в сфере аудита и консалтинга.

Острый спор вокруг науки обнаружил с очевидностью, что ни адепты законопроекта, ни его яростные противники почему-то старались не обозначать существо самого предмета спора, т.е. ни существа РАН, ни существа науки. Драка шла в действительности вокруг мифов, во-первых, «мифа РАН»², который загодя (за четыре года до появления злосчастного законопроекта) был подготовлен фактически как донос на РАН и набросок для будущего закона о реформировании или ликвидации академии, а во-вторых, неявной мифологизации и мистификации науки противниками законопроекта, интуитивно сознававшими, что законопроект включает в себе прямую угрозу существованию самой науки, но позицию свою выражавшими отнюдь не в рациональной форме, а преимущественно в эмоциональных сентенциях, типа «Без науки у России нет будущего!».

Наука является единственной сферой человеческого бытия, в которой *систематическое мышление* является сердцевинной профессиональной деятельностью. Поэтому ученые, с какими бы коннотациями ни использовалось это слово, являются действительно самыми умными людьми в обществе.

А РАН представляет собой уникальную структуру в качестве производителя, хранителя и накопителя гигантского опыта в этой сфере человеческого бытия — от математиков, физиков, химиков до филологов, историков, экономистов со своими специфическими методами и техникой анализа своих предметов и способов понимания реальности. РАН является в высшей степени сложной и органической структурой, неотъемлемая часть которой — сами люди науки. Поэтому здесь, как в медицине, должен действовать принцип «Не навреди!».

---

¹ Фейгельман М. КРН им. И. Сусанина и ее защитники // Троицкий вариант – Наука. 2013. 12 дек. № 144.

² Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К. Шесть мифов Академии наук // Эксперт. 2009. 14 дек. № 48 (685).

К сожалению, реформы РАН и науки у нас ориентированы на ложный принцип «чисто рыночной модели науки». Но мейнстрим, принятый российским истеблишментом в качестве теоретической основы всех рассуждений о рынке, давно исключил из своего содержания технологию, производство, природу, науку, рассматривая их лишь как «экзогенные факторы». Поэтому ни неоклассика, ни новый институционализм, наследующий с небольшими добавлениями все теоретические предпосылки неоклассики, а потому на Западе получивший совершенно корректное определение «неоклассический институционализм», не имеют адекватного теоретического потенциала для подготовки перспективной стратегии экономического развития. Статья о серьезных угрозах союза этих теорий А. Угланова была опубликована в еженедельнике «Аргументы недели» 20 июля 2017 г.¹.

Существует немало обстоятельств, позволяющих заключить, что ответ на поставленные вопросы может и должна дать серьезная «экономическая теория науки», вариант начала формирования которой предложил М. Поланьи в цитированной выше статье «Республика науки». Но еще задолго до этого и после тема науки и технологии, роль инженера, мастерства, инноваций и т.п. довольно основательно исследовались классическим институционализмом в течение всего XX в. Вообще только в двух теоретических парадигмах экономической науки проблемы научно-технологических изменений рассматривались предметно и достаточно продуктивно. Это марксизм и «изначальный институционализм». Здесь такие имена, как Торстейн Веблен, Джон Коммонс, Джон Дьюи, известный у нас только как «какой-то философ», Кларенс Эйрс, самый авторитетный институционалист середины XX в., Гуннар Мюрдаль², известный у нас только как политик и неизвестный как первый институционалист — Нобелевский лауреат. Свой Нобель Мюрдаль получил одновременно с Хайеком — парадокс — с одной общей формулировкой «за пионерные исследования отношений между институтами, экономикой и государством».

Кажется очевидным, что основательная теория науки должна обязательно учитывать и использовать огромный вклад в анализ проблемы институционализма (отнюдь не «нового!»), и подходящим названием такой общей теории может быть только — «политическая экономия науки». Имеется в виду политическая экономия — как она сформирована Адамом

---

¹ Угланов А. О связи психиатрии с экономикой // Аргументы Недели. 2017. 20 июля.

² Myrdal G. Institutional Economics // Journal of Economic Issues. 1978. Vol. 12. No. 4 (Dec.). В книге У. Истерли «Тирания экспертов» (М., 2016) автор задается вопросом «Почему не состоялся спор между Хайеком и Мюрдалем?». Небесполезно было бы задаться и вопросом «Почему не состоялся спор между Кейнсом и Хайеком?». Хотя известно, что они встречались.

Смитом и Карлом Марксом. Эта оговорка существенна, поскольку политической экономией сегодня называют все, что угодно, или даже легко превращают ее в политическую *экономику*. В отличие от множества таких «политэкономий», политэкономия Смита — Маркса побуждает рассматривать науку прежде всего как *труд*, тем более что первый шаг в этом направлении сделан Марксом: в первой главе I тома «Капитала» при анализе факторов роста *производительной силы труда* он называет одним из них «уровень развития *науки* и степень ее технологического применения» и в третьем томе «Капитала» определяет *науку* (вместе с изобретениями) как «всеобщий труд». Это подчеркивает важный аспект науки, но не исчерпывает смысла ни собственно науки, ни феномена «всеобщности труда». Но эти и ряд других положений Маркса, в контексте которых он неоднократно вынужден обращаться к феномену науки, представляют собой все же лишь фрагменты «политической экономии науки», за пределами которых остаются обширные неисследованные области, касающиеся как сложной внутренней жизни самой науки, так и сложного многообразия взаимоотношений науки и общества.

Важно сформировать представление об особенностях «процесса труда» в науке, главным свойством и центральным содержанием которого является «деятельность мышления» (Гегель), протекающая во взаимоотношении сознания человека и природы — природы первозданной и «второй природы». «Деятельность мышления», по-видимому, представляет то общее, что объединяет все научные дисциплины — от физики, химии до социологии и истории — в одно целое. Это их общий знаменатель. Но это обстоятельство совершенно недостаточно осознается представителями разных научных дисциплин, непонимание этого встречается нередко даже у философов. Поэтому действительная загадка ответа на вопрос «что такое наука» заключена в понимании *природы, смысла и содержания мышления*.

4. Наука — необходимый и специфический институт коллективного действия

Феномен «коллективности» занимает в реальном бытии науки знаменательное место. И не следует его связывать только с формулой Маркса «наука — всеобщий труд» хотя бы потому, что «всеобщность» здесь у Маркса выходит далеко за пределы собственно «коллективности». Она означает «сверхколлективность», которая признает и принимает как реальность актуальную связь и отношения с идеями и людьми прошлого времени.

Но монополизм представлений неоклассических и «новоинституциональных» в науке, образовании, политике ставит запрет на «коллективности». Связано это с тем, что в той и другой системе взглядов принят как аксиома дикий для науки «принцип методологического индивидуализма»,

«пафос которого», как заявляет В. Л. Тамбовцев, заключается в «стремлении исключить из научного рассуждения такие надындивидуальные феномены, как коллектив, общество и др.»¹. «Исключить!» Будит тревожные воспоминания — «исключить из партии!», «исключить из науки!», как генетику с кибернетикой. Мрачная печать этого «пафоса» уже легла на реформу здравоохранения, образования, науки, РАН.

«Коллективность» как важное свойство реальности науки отмечают многие исследователи. Это и Майкл Поланьи в цитированной статье. Это и один из самых авторитетных социологов Роберт Мертон. Даниил Александров, проректор Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, биолог по образованию, историк и социолог науки, считает важным открытие свойства коллективности в науке.

Коллективность как феномен более широкого социального характера рассматривают институционалисты-классики. Они рассматривают коллективность как одно из важнейших свойств *института*. Джон Коммонс определяет институт «как коллективное действие индивидов, формирующее, ограничивающее и высвобождающее индивидуальное действие»². Именно такое понимание институтов может быть продуктивно в исследовании науки, форм ее организации и развития, включая необходимость, природу и объективные ориентиры развития РАН.

---

¹ Тамбовцев В. Л. Перспективы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С. 133.

² Commons J. R. Institutional Economics // *The American Economic Review*. 1931. Vol. 21. No. 4.

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Развитие всего сущего в объективном мире является непреложным законом. Отсутствие развития означает угрозу исчезновения либо гибели всякой его части, предмета, явления. Закон развития заключен, согласно квантовой теории физики, в двойственном строении его мельчайшей частицы — кварка, который есть частица и волна одновременно. Этот непреложный закон содержит в себе столь же одновременно принцип неопределенности. Закон двойственности — единства противоположностей целого — открыт раньше современных воззрений физики. На его основе Гегель создал систему диалектической логики, которая представляет собой общую схему строения и развития известного на данном этапе человечеству объективного мира. Квантовая теория подтвердила истинность диалектического миропонимания. Экономика, как и все во Вселенной, тоже имеет двойственное строение. Как показал К. Маркс, ее основание представляет собой единство производительных сил и производственных (экономических) отношений. Процесс развития каждой экономической системы генерируется диалектическим взаимодействием двойственных сторон основания данной системы. В «Капитале» К. Маркса впервые в истории экономической мысли раскрыт непрерывный процесс развития капиталистической экономики, в котором формируется ее целостное содержание посредством взаимопревращения противоположных сторон товара — стоимости и полезности, из чего возникают многообразные формы и явления. Составным элементом такого превращения форм является принцип их жизнедеятельности (функционирования). Все многообразие каждой экономической системы органично, ибо возникает и управляется единым в данной системе законом развития. В рыночной капиталистической экономике таковым является закон стоимости, содержащей прибавочную стоимость.

Сложившаяся современная традиция в научной литературе и практике основным акцентом и конечным результатом функционирования экономики считает экономический рост. Это может оказаться весьма ограниченным углом зрения независимо от способа измерения роста. Ведь акцент на количественных результатах дает возможность не затрагивать главного

в экономике — качественных преобразований. Более того, позитивные количественные результаты могут вуалировать негативные тенденции содержательного характера. Экономический рост отнюдь не всегда является показателем благополучного состояния экономики. Так, высокие темпы роста ВВП в 2000—2008 гг. лишь закрепляли навязанную в 1990-е гг. участь России как поставщика сырья и рынка сбыта готовой продукции развитых стран. А это классическое положение колониальной экономики и ограниченного суверенитета страны. Источник роста экономики России в этот период заключался преимущественно в высоких ценах нефти на мировом рынке, увеличении объемов производства сырьевых отраслей и сектора услуг. Сырьевая ориентация отраслевой структуры, изъятие ресурсов из сферы производства в паразитическое разрастание (сверх необходимой меры) финансовых, торговых, посреднических услуг вуалировали непрерывно возрастающее технологическое отставание российской экономики. Экономический рост такого рода, конечно, помогает решать неотложные текущие социальные и хозяйственные задачи. Однако развития экономики при этом не происходит. При этом высокие темпы роста ВВП в указанный период затушевывали продолжающийся с начала рыночных реформ процесс технологического отставания.

Развитие экономики выражается в повышении уровня и качества жизни населения. Это возможно только посредством роста производительности труда, т.е. интенсивного типа расширенного воспроизводства. Он основан на **непрерывных качественных преобразованиях** экономики. Непрерывно повторяющиеся тенденции в экономике в значительной мере недоступны при дискретной характеристике ее состояния посредством, например, темпов роста ВВП. Для проникновения в их содержание необходим иной угол зрения, что обеспечивает погружение научного познания в процесс непрерывного повторения производства, т.е. воспроизводства экономической системы.

Теория воспроизводства составляет органическую часть классической политической экономии. Ее первооткрывателем является Ф. Кенэ. В знаменитой «Экономической таблице» он описал процесс общественного производства в земледелии не как однократный акт, а как непрерывно повторяющийся процесс¹. В воспроизводстве экономика обнаруживает себя как единый организм, воссоздающий свою социальную сущность и структурные связи между составными элементами. Пропорции между ними обеспечивают сбалансированность и условия развития экономики, тем самым и общества в целом. В дальнейшем А. Смит, К. Маркс, В. И. Ленин, советские экономисты уточняли, обогащали процесс воспроизводства, отражая его особенности на разных уровнях жизнедеятельности эко-

---

¹ См.: Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Экономика, 2000.

номики. В результате классическая политическая экономия, достигшая на основе научных открытий У. Петти, физиократов, А. Смита, Д. Рикардо высшего этапа своего развития в марксизме, отобразила целостный процесс воспроизводства всего общественного капитала. В завершенной форме законы его воспроизводства отображены в «Капитале» К. Маркса и в работах В. И. Ленина. Они выражают объективно необходимые связи в многомерном пространстве рыночной капиталистической экономики, генерируемые двойственным строением ее основания — стоимостью и полезностью (потребительной стоимостью)¹.

С возникновением социализма в нашей стране методология воспроизводства послужила отправной точкой разработки межотраслевого баланса и создания механизма плановой социалистической экономики. Пропорции между ресурсами и потребностями, между отраслями, внутриотраслевые, региональные и прочие достигаются рыночным механизмом посредством стихийных колебаний рыночных цен либо объемов производства вокруг центра равновесия. Равновесные показатели неизвестны ни производителям, ни потребителям из-за неопределенности и недостаточности информации. Они принципиально неопределимы из-за отсутствия координации в принятии решений частными субъектами. Колебания цен и объемов выпуска продукции — это метод проб и ошибок для обеспечения необходимых экономических пропорций. В плановой экономике возник новый способ определения и осуществления сбалансированного воспроизводства. Его основанием служат межотраслевые балансы, в которых объемы выпуска всех отраслей согласованы с размерами потребностей отраслей и личных потребностей населения. Структура производства и структура производственных, а также укрупненных личных (жилье, одежда и т.п.) потребностей согласовываются расчетным путем. Плановый механизм значительно, хотя и не полностью, исключает ошибки в исходных и конечных пунктах производства, сокращая неизбежные в рыночном механизме потери ресурсов. Советские экономисты исследовали закономерности воспроизводства в социалистической экономике и функционирование сложившегося в СССР единого народно-хозяйственного комплекса². Их научные разработки используются или могут быть использованы в странах, строящих социализм, а также в современной

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. Разд. 7. Отдел седьмой; Т. II. Отдел третий; Т. III. Отделы второй и третий. М.: Госполитиздат. 1949, 1950; Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. I. С. 67–122.

² Курс политической экономии / под ред. Н.А. Чаглова. М.: Экономика, 1974. Т. II. С. 194–238; Немчинов В. С. Экономико-математические методы и модели. М.: Соцэкгиз, 1962; Новожиллов В. В. Измерение затрат и результатов. М.: Экономика, 1967; Черковец В. Н. Единый народно-хозяйственный комплекс. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1984.

смешанной экономике, прежде всего в российской смешанной экономике, где рыночный механизм дополняется государственным регулированием.

Воспроизводственный подход к исследованию содержания экономики утерян неоклассической теорией, что существенно обеднило научный арсенал науки. Современные неоклассические модели отображают сферу обращения, ограничивая природу производства только технологиями. Процессы производства при этом отображаются как дискретные акты: получение результатов на основе принятых предпосылок, не требующих доказательства. Конечно, определенный уровень экономики доступен познанию такого рода. Но далеко не все. В частности, все экономическое содержание производства, согласно классической теории, основное в экономике, сведено всего лишь к точке равновесия. Но и функционирование процессов обращения во многом недоступно познанию. Нередко вследствие искусственности принятых предпосылок модели ее результаты оказываются нереалистичными, следовательно, несмотря на строгость доказательства, ошибочными. Исключением здесь является посткейнсианская школа.

В теории накопления капитала Джоан Робинсон, лидера посткейнсианской школы, содержатся пропорции долгосрочного динамического равновесия. Важным моментом теории является попытка выяснить влияние технического прогресса на накопление капитала, в частности на пропорцию между факторами производства — трудом (L) и капиталом (K). Развитие теории Дж. М. Кейнса в работах Дж. Робинсон, П. Сраффы, М. Калецкого приводит, на наш взгляд, к отходу от неоклассического принципа субъективной предельной полезности и некоторому приближению к классическому трудовому основанию экономики. В теории накопления капитала посткейнсианская школа возвращается к воспроизводственному подходу классической политической экономии. В частности, выведенные в теории накопления капитала экономические пропорции частично схожи с известными пропорциями между первым и вторым подразделениями «Капитала» К. Маркса. Кроме того, отходом от принципа субъективной предельной полезности является объяснение цен товаров издержками их производства¹. Однако из положений этой школы в мейнстрим вошло только выделение Дж. Робинсон трех типов технического прогресса — капиталоемкого, трудоинтенсивного и нейтрального. Это различие трактуется в современной версии неоклассики как выбор технологий, определяющих пропорцию между трудовыми и материальными ресурсами (K/L). Оно стало популярным, вошло в учебники, студенты решают задачи, строят графики на эту тему.

---

¹ Сраффа П. Производство товаров посредством товаров: пер. с англ. М.: ЮНИТИ, 1999.

Технический прогресс в неоклассических моделях отображен как фактор динамического роста экономики. Качественный же его аспект присутствует только в названных трех типах. Эта классификация, по нашему мнению, неудачна. Действительно, трудоинтенсивный (капиталосберегающий) тип означает выбор технологии производства товара с большим количеством труда и малым количеством капитала. Но это означает технический регресс, а не прогресс. Нейтральный тип означает неизменность соотношения между ресурсами K и L . В этом случае технический прогресс отсутствует, а рост выпуска достигается только экстенсивным путем. Заметим, что уточнение такого рода не уменьшает позитивный вклад посткейнсианства в развитие теории Кейнса и его научную перспективность.

Развитие каждой экономической системы посредством роста производительности труда может протекать сбалансированно и устойчиво лишь при достижении фундаментальных пропорций. Пропорции воспроизводства отнюдь не только количественные. Будучи единством стоимости и полезности, они одновременно являются единством качества и количества. **Пропорции воспроизводства являются внутренней мерой развития экономики.** Их достижение тождественно технологическому прогрессу, сбалансированному и эффективному развитию. Фундаментальной пропорцией воспроизводства всех экономических систем является пропорция между первым и вторым подразделениями. В рыночной экономике она имеет двойственное измерение посредством соотношения объемов производства продукции и составных частей ее стоимости. Пропорция между первым и вторым подразделениями общественного воспроизводства определяет внутриотраслевые пропорции, межотраслевые пропорции, формируя структуру экономики в целом. Наиболее производной, поверхностной пропорцией является соотношение спроса и предложения на рынках всех видов. Из-за удаленности от своего основания так называемый «великий» закон спроса становится, по образному выражению Маркса, бессодержательным. Ведь уравнивать спрос с предложением можно мгновенно, простым повышением цены, не меняя даже количества произведенного товара.

Рыночный механизм способен обеспечить общее **рыночное равновесие**, необходимые пропорции, но **только в фазе циклического кризиса. В фазе подъема образуется максимум дисбалансов.** Это ставит преграду воспроизводству, а потому наступает кризис, восстанавливающий равновесие. Рыночный механизм не способен минимизировать издержки, максимизировать выпуск, обеспечить полную занятость ресурсов. Ведь он никогда не реализует потенциала экономики даже в фазе бума, поскольку безработица никогда не исчезает наряду с незагруженными мощностями. Парадокс избытка труда при избытке капитала рождается именно свободной конкуренцией, которой необходим запас ресурсов для межотраслевых

переливов капитала. Тем не менее объективные законы воспроизводства посредством роста производительности труда обеспечивают восходящий тренд выпуска, хотя затраты и результаты при этом далеки от оптимума.

Восходящий тренд роста экономики является результатом качественных изменений в процессе воспроизводства. В период кризиса происходит не просто количественное установление пропорции, но **качественное обновление техники и соответствующее ей повышение качества рабочей силы**. Одновременно происходит **возрастание соотношения между капиталом и трудом**. Показателем качественных изменений в ходе воспроизводства служит **рост органического строения капитала**. Темпы роста объемов производства продукции отражают прогрессивные тенденции в экономике лишь при одновременном росте производительности труда и органического строения капитала. В этом случае экономический рост и развитие экономики тождественны. Если экономический рост происходит при неизменном либо снижающемся органическом строении капитала, то за этим скрывается нарастающее технологическое отставание, торможение технического прогресса. Это неизбежно обернется сокращением темпов роста, а затем длительной стагнацией, снижением уровня жизни и иными разрушительными явлениями. **Экономический рост ВВП без роста производительности труда вуалирует происходящее технологическое отставание**. Именно такая тенденция характерна для экономики России последних двух десятилетий.

Российская экономика после насильственных разрушений 1990-х гг. оказалась отброшенной намного назад. Высокоиндустриальная экономика, вторая в мире, превратилась в сырьевую, с ориентацией поставок на мировой рынок в ущерб деградирующему внутреннему рынку. К началу нового века она приобрела качество смешанной экономики рыночного типа, сопровождающееся непрерывным в период 1990-х гг. процессом деиндустриализации. Рыночные отношения пока преобладают во всех западных странах со смешанной экономикой. В российской экономике это преобладание сильнее в сравнении с развитыми странами вследствие более низкого технического уровня. Хотя ее национальные особенности (масштаб территорий, климат, этническое и природное многообразие и др.) требуют, напротив, более активного влияния государственных регуляторов для обеспечения технологического развития, а также единства страны. Первые семь лет нового века наблюдался экономический рост высокими темпами, источник которого заключался в высоких ценах на нефть. Обновление основных фондов происходило посредством импорта машин и оборудования на зарубежные кредиты. Причем концентрировалось оно преимущественно в нефтедобыче, где коэффициенты обновления были максимальны. Мировой экономический кризис привел к резкому падению объемов выпуска. В 2010–2014 гг. рост экономики продолжился

на фоне повышения производительности труда соответственно на 3,2, 3,8, 3,3, 2,2, 0,7%. Замедление темпов роста сменилось его отрицательными значениями: 2,2% в 2015 г., 0,2% в 2016 г.¹ В 2017 г. наблюдалось повышение производительности труда до 1,5%. Острая недостаточность производства современных отечественных машин и оборудования привела к внешней экономической зависимости России. Это проявилось в том, что мировой кризис 2007–2010 гг. ударил по ней наибольшим в сравнении с западными странами спадом производства (в 2009 г. 7,9% — Россия, 5,0% — Германия, 2,2% — Франция). В Китае, где рыночные отношения под контролем государства, в 2009 г. рост экономики составил 8,7%². Основными причинами столь неустойчивого роста и развития российской экономики являются, на наш взгляд, недостаточность технического прогресса в отечественном машиностроении и слабость государственного регулирования экономики в целом.

Воспроизводственный процесс в рассматриваемый период совершил два периодических цикла. Однако органическое строение капитала при этом не возросло, что закономерно происходит в результате каждого нового рыночного цикла. Качественные изменения в российской экономике явно недостаточны для ее устойчивого развития, импортозамещения в машиностроении, преодоления внешней зависимости. Темпы роста экономики и производительности труда ниже общемировых значений. Они не смогли нейтрализовать технологическое отставание российской экономики. Отечественные машины и оборудование неконкурентоспособны на мировом рынке. Это дает возможность западным странам проводить в отношении России «политику сдерживания» ее экономического развития, чем они занимаются уже более века. И все же состояние экономики в сравнении с разухой 1990-х гг. продвигалось вперед, хотя показатели развития обрабатывающих отраслей промышленности все еще ниже уровня 1990 г.

Экономика России в 2017 г. вышла из затяжного кризиса, но не перешла на траекторию устойчивого развития. Условия же для него на основе научно-технического развития существуют. Впечатляющий организационный и технологический успех достигнут в оборонном комплексе России. Воссоздана почти разрушенная в 1990-е гг. армия. Ее техническое оснащение в настоящее время — на уровне современных требований безопасности. Особенно важно, что мощный технологический рывок в оборонной отрасли достигнут на фоне утечки «мозгов» и непрерывного оттока капитала в течение последних 25 лет. Обеспечив военную безопасность

¹ Россия в цифрах. 2017: кратк. стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 38; Российский статистический ежегодник. Электронная версия. 2018. С. 258, 267.

² Российский статистический ежегодник. С. 633.

страны, ВПК России тем самым создал условия для решения экономических и острых социальных проблем. Достижения в военных технологиях, ряд которых не имеет мировых аналогов, демонстрируют потенциал российской экономики, сохранившийся научный интеллект, а потому вселяют уверенность народа в своих силах. Кроме того, технологический рывок в оборонной промышленности может инициировать технологическую модернизацию смежных отраслей промышленности, способствуя обновлению всего производства. Разработка, испытание и производство сложнейшей гиперзвуковой военной техники, подготовка кадров, способных ею управлять, потребовали, конечно, немалых ресурсов. Однако всегда необходимо помнить, что «оборона важнее всякого богатства», как говорил А. Смит.

Однако каким бы мощным ни был ВПК, он не гарантирует полной безопасности страны. Давление экономически сильных стран на слабую экономику, ее ограбление и разорение невозможно нейтрализовать посредством армии. Страна будет действительно суверенной только при условии преодоления отставания в научно-техническом прогрессе. Только в этом случае участие в мировом разделении труда станет для нее благом, а не разорительной кабалой. Для этого необходимо в экономике совершить такой же прорыв, как и в оборонном комплексе. Технологическое отставание является угрозой для страны, сопоставимой с военной угрозой. Задачу прорывного развития экономики, перехода к цифровой экономике, развития посредством технологических инноваций поставил перед страной Президент РФ в мартовском Послании Федеральному Собранию. Однако власти неоднократно ставили задачи модернизации, перехода на инновационный путь развития, принимались соответствующие решения, но эффект малозаметен. Переход на современные стратегические направления научно-технического прогресса сталкивается с препятствиями, которые пока не удается преодолеть. В первой части Послания названы некоторые меры для экономического рывка. Среди них — уменьшение участия государства в экономике и продолжение приватизации. Это вызывает серьезные сомнения. Великой цели — **прорыва в развитии смешанной экономики России — невозможно достигнуть только традиционными либеральными рыночными методами.** Их эффективность была апробирована в 1990-е гг. с весьма разрушительными результатами. Невозможно добиться рывка в экономике теми инструментами, которые остановили ее развитие. Здесь необходимы другие экономические силы. Тенденция возрастания государственного регулирования действует во всех современных технически развитых странах

Возможности скачкообразного развития экономики посредством технологических преобразований в России имеются. Для этого необходимы существенные изменения **одновременно в производительных силах общества**

и в **экономическом механизме**. Техническое же основание далеко не однородно в российской экономике, как в любой экономике смешанного типа.

Преобладающая часть российской техники пока представлена традиционными индустриальными трехзвенными машинами. В этой технике содержится «программа» отношений наемного труда и капитала, а также рыночный механизм как адекватный этим отношениям регулятор. Индустриальная техника постепенно уходит с мировой арены. В современном мире стратегическим направлением технологического прогресса является постиндустриальная техника. Ее определение, сущность и даже терминология пока не выкристаллизовалась. В литературе существуют разные мнения о характере и сущности современной техники. Различия подходов к решению этой проблемы исследователи выражают разными терминами. Распространенными являются определения современной техники как новой индустриальной, или неоиндустриальной, техники, как шестого технологического уклада, как четвертой промышленной революции, как цифровой экономики, как ноономики¹.

Несмотря на терминологические различия, исследования большинства авторов близки по содержанию. Обычно имеют в виду робототехнику, нейротехнологии, наноматериалы, промышленные биотехнологии, клеточную инженерию, беспилотные транспортные средства, космическую технику и др. Тем не менее терминология важна как способ обобщения единства технически разнообразных новшеств. **В единстве технологического разнообразия необходимо обнаружить его экономическую сущность** аналогично тому, как было определено тождество разнообразных видов индустриальной техники. Например, автомобиль, токарный станок, прокатный стан, самолет для инженера — абсолютно различные конструкции, выполняющие несопоставимо разные функции. Экономически же они, как показал К. Маркс, тождественны, ибо содержат три звена — двигатель, передаточный механизм и рабочую часть². Система таких машин выполняет во всех отраслях экономики **одну функцию**: расширяет естественные границы возможностей человека посредством передачи его рукам, ногам энергии природы, помещенной в двигателе. Сущность новой техники принципиально отлична от индустриальной техники и в то же время выводится из нее. Обобщение такого рода необходимо прежде всего для осознанного управления развитием стратегических направлений тех-

---

¹ *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; *Губанов С. С.* Дерзавный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012; *Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада / под ред. С. С. Глазьева, В. В. Харитоновой.* М.: Тровант, 2009; *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016; *Бодрунов С. Д.* Ноономика. СПб., 2018.

² *Маркс К.* Капитал. Т. I. М.: Госполитиздат, 1949. С. 378–392.

нического прогресса. Ведь принципиально **разные типы техники требуют разных экономических отношений, частью которых являются механизмы их регулирования.**

Индустриальная техника и постиндустриальная (неоиндустриальная, автоматизированная, технотронная, цифровая и др.) сосуществуют в едином экономическом пространстве России, но их важно дифференцировать для эффективного воздействия на их эволюцию, прежде всего стимулирования стратегических направлений технического прогресса.

Индустриальная техника адекватна рыночным отношениям. Она не дает высоких темпов роста (2–3%), но еще не полностью исчерпала потенциал в традиционных отраслях. После первой промышленной революции (вторая половина XVIII в. — первая четверть XIX в.) эта техника непрерывно совершенствовалась в процессе воспроизводства, сменив несколько технологических укладов в рамках рыночной капиталистической экономики. Смена укладов обеспечивает повышение производительности труда, развитие экономики, Одновременно это приближает индустриальный тип техники к **пределу ее возможностей**, тем самым сокращая пространство эффективности возможностей рыночной экономики. Но и в период расцвета рыночных отношений имелись очаги неэффективности, так называемые «провалы» рынка — проблемы, где рыночный механизм бессилён. В смешанной экономике эти проблемы решают государственные регуляторы, повышая эффективность экономики. Национальная специфика экономики России (масштаб территории, суровость климата, удаленность многих природных ресурсов от мест обработки и др.) существенно расширяет традиционные «провалы» рынка. Отсюда следует **необходимость участия государства в воспроизводстве частного сектора экономики, где индустриальная техника адекватна рыночным отношениям.** Цель вмешательства государства — повышение эффективности рыночного механизма в областях традиционных «провалов», без чего трудно обеспечить необходимый темп роста и степень обновления основного капитала частного сектора. Износ основных фондов в обрабатывающей промышленности некоммерческих организаций в 2016 г. составил 56,5%. В частном секторе сосредоточено 82% основных фондов¹. Повышение коэффициентов их обновления посредством государственных регуляторов даст значимые результаты технологической динамики. Здесь осязаемое влияние может оказать, по нашему мнению, контроль нормы накопления и нормы амортизации.

Основные фонды индустриального типа в частном и государственном секторах сегодня в состоянии высокой степени изношенности. В обрабатывающей промышленности их износ в 2016 г. равнялся 50%, в до-

---

¹ Российский статистический ежегодник. 2018. Электронная версия. С. 277, 282.

бывающей — 57,5%¹. Преодоление вялотекущих тенденций воспроизводственного процесса невозможно при таком состоянии материальной основы экономики. Для этого необходимо повысить скорость обновления основных фондов предприятий и корпораций посредством ряда мер. К ним относится снижение налогов на ввод новой техники, что обычно практикуется. В число таких мер, по нашему мнению, необходимо включить контроль за использованием **амортизационных средств** предприятий с тем, чтобы они не уходились из воспроизводственного процесса; **регулирование нормы амортизации** и ее повышение с целью ускорения обновления основных фондов. Но этого недостаточно для технологического рывка.

Помимо амортизационных средств существенный резерв увеличения объема инвестиций в развитие экономики содержится в сокращении паразитического потребления чистой прибыли предпринимателей. Инвестиции в основной капитал, определяющие экономический рост и обновление технической базы, не соответствуют задачам импортозамещения и преодоления технологического отставания. К тому же их объем с 2014 г. снижается. В 2015 г. объем инвестиций в основной капитал сократился до 86% , в 2016 г. — до 86,6% объема предыдущего года². Существенным резервом обновления капитала и повышения производительности труда может стать **государственное регулирование нормы накопления**. Такая мера, возможно, необычная для рыночных отношений, позволяет направить значительные средства на обновление основных фондов в машиностроении и станкостроении. Кроме того, этот инструмент позволяет затормозить рост цен вследствие повышения нормы амортизации. В частном секторе сосредоточена основная часть национального богатства России (свыше 80%). Без резкого повышения его эффективности трудно осуществить рывок в технологическом развитии страны. Но сам по себе частный сектор, управляемый рыночным ценовым механизмом, без воздействия государственных регуляторов не способен этого достигнуть, что наблюдается уже более четверти века. Изменить ситуацию рыночными методами сколько-нибудь значимо нереалистично. Однако увеличение потока инвестиций не гарантирует технологического развития. Оно определяется направлениями, целями их использования. Если инвестиции текут по традиционным траекториям, то они в лучшем случае обеспечат экономический рост, но не инновационное технологическое развитие России.

Крупные предприятия, корпорации, где сосредоточен основной потенциал технического прогресса, слабо участвуют в разработке инноваций. Их затраты на НИОКР незначительны. Это наблюдается не только

---

¹ Российский статистический ежегодник. 2018. Электронная версия. С. 280.

² Там же. С. 79.

в России, но и в развитых странах Запада, Японии, Китае. Причина пассивного отношения к инновациям крупного бизнеса заключается в сущности современного технического прогресса. Он разительно отличен от технического прогресса XIX в. с индустриальной техникой, доступной крупным частным предприятиям. Современная техника высокозатратна и высокорискованна, что служит границей вложений частного капитала. Мелкий бизнес функционирует главным образом в торговле, сфере услуг. Его влияние на технический прогресс — вспомогательное, зачастую как неформальных подразделений крупных корпораций. Корпорации могут быть государственными, частными или частно-государственными. Современные корпорации всех форм собственности, как показывает опыт развитых стран, осуществляют инновации с участием государства. Важно отметить, что государство организует кластеры, финансирует разработки, внедрение и распространение инноваций на стратегических направлениях научно-технического прогресса. Этот опыт весьма актуален в российской экономике, где пространство рыночных отношений больше в сравнении с развитыми западными странами. Прежде всего государственные регуляторы необходимы в сфере затрат производственных предприятий на НИОКР и внедрения технических новшеств. **Контроль и стимулирование затрат на НИОКР** крупных корпораций всех форм собственности в качестве важнейшего элемента экономической политики могут стимулировать и ускорить техническое развитие страны.

Сложность и неотложность задачи прорывного развития экономики России позволяет государству контролировать использование валового дохода, а не только его частей, предприятий частного сектора в воспроизводственном процессе. Весьма актуальна необходимость прекращения **оттока капитала из страны**. Его размеры ощутимо тормозят общественное воспроизводство экономики. Чистый отток капитала в 2010–2017 гг. составил 487,7 млрд долл. Вывезенный из страны капитал создавали рабочие и сотрудники российских предприятий. Собственники частных предприятий не создают капитал, но, как доказал еще А.Смит, его присваивают. Результаты труда российских граждан не могут по произвольному решению собственников инвестироваться в экономику зарубежных стран, нанося тем самым экономический ущерб внутреннему рынку. «Священность» частной собственности ушла в прошлое вместе с «темными» временами Средневековья. Сейчас этот процесс довольно жестко контролируется даже в цитадели рыночной демократии — в США. В России же вывозится в офшоры не только частный капитал, но и капитал государственных компаний, что искажает их функцию как непосредственного субъекта общественного капитала, создавая диспропорции в воспроизводственном процессе. К чистому оттоку капитала логично

присоединить вывезенные валютные резервы страны, ибо они, так же как утечки частного капитала, не участвуют в общественном воспроизводстве российской экономики. К тому же в условиях санкций российский капитал, размещенный за рубежом, может стать недоступным его владельцам. Правительство в последние годы предпринимает некоторые меры по возвращению вывезенного из страны капитала, но они пока не приносят видимого результата.

Основной потенциал роста производительности труда и экономического развития заключен в новой (постиндустриальной) технике. Именно здесь имеются безграничные возможности прорывного развития экономики. Ее объемы пока сравнительно невелики даже в технически развитых странах. Совершить рывок в развитии экономики Россия может только на этом направлении. Это стратегический путь развития страны. Достижение быстрых результатов в производстве и внедрении новой техники реалистично. В период сталинской индустриализации удалось сделать такой рывок, а в настоящее время это стало реальностью в оборонном комплексе нашей страны.

Выше упоминалось о разнообразии названий новой техники. Наряду с терминами «постиндустриальная», «новая индустриальная» техника популярен термин «цифровая экономика», известный с 1995 г. В Послании Президента говорилось о необходимости перехода к цифровой экономике. В классификации экономических систем разных типов такая экономика отсутствовала. Под **цифровой экономикой** логично понимать ее **техническое основание**. Содержание цифровой экономики довольно неопределенно, хотя имеется немало публикаций по этой проблеме. Самый общий и реалистичный, по нашему мнению, ее смысл означает применение электронной техники и различных электронных продуктов в экономике. Цифровая экономика сейчас включает пространство использования электронных форм создания информационных продуктов; сотовую связь; электронную торговлю товарами и услугами, цифровыми версиями кино, книг; в образовании, медицине; рынок программного обеспечения и пр. Цифровые методы вытесняют наличный оборот денег, создают электронные деньги, внедряются во внутреннюю работу правительства, так называемое «электронное правительство». Цифровая экономика — это еще и «умная» фабрика, и «умный» дом, которые пока гости из будущего.

В настоящее время, как видно из перечисленного, цифровая экономика охватывает главным образом **сферу обращения** — обращение товаров, услуг, денег, информации. Этим достигается ускорение оборота капитала, сокращаются посредники и издержки обращения. Косвенно это повышает производительность труда. Негативные следствия состоят в создании компьютерных антигуманных, вредоносных продуктов, что также требует внимания общества.

Цифровая экономика отнюдь не ограничивается сферой обращения. Это лишь частная форма ее применения, хотя внимание исследователей излишне, на наш взгляд, сконцентрировано на этой сфере экономики. Главное же ее содержание заключено в сфере производства. Здесь на смену индустриальной техники приходит цифровая, т.е. электронная техника. **Фундаментальное содержание цифровой (технотронной) техники заключается в высвобождении труда из сферы производства товаров и передачи этой функции машинам.** Оно возникает как способ преодоления предела совершенствования традиционной индустриальной техники, т.е. системы трехзвенных машин. Эта техника, как отмечалось, увеличила естественные возможности человека, передав ему энергию природы, размещенную в двигателях. Однако управляет такими машинами человек. Его естественные возможности являются пределом их прогресса в форме различных укладов совершенствования техники. Преодолеть этот предел можно **устранением человека из реального производства.** Его заменяет цифровое устройство, ЧИП. Это автоматические линии, промышленная робототехника, беспилотная техника, космическая техника. Новые технотронные, цифровые машины, в свою очередь, инициируют появление новых материалов, нанотехнологий, биотехнологий, 3D-печати, новых видов энергии, космических технологий.

Цифровая, автоматизированная техника является основным способом безграничного роста производительности труда. Но эта же причина образует **новый, мощный «провал» рынка.** Новая техника образовала для рыночной координации непреодолимый и абсолютный «провал». Здесь частный бизнес любых размеров и во всех странах неэффективен и беспомощен. **Развитие цифровой экономики — это безусловная прерогатива государственного регулирования.** Цифровая экономика представляет собой **основание новой экономической системы.** Именно это позволяет определить ее как **вторую промышленную революцию.** Называть современный технический прогресс четвертой промышленной революцией сомнительно, поскольку в истории не было ни второй, ни третьей революций, но лишь одна — индустриальная. Неоиндустриализация отражает появление новых укладов в рамках индустриальной техники. Уклады отображают весьма полезный аспект технических изменений¹. Однако перечислением новых отраслей, видов энергии и технологий сущность техники, в которой заключена вся система экономики, включая новые технологии, отрасли, виды энергии, выразить не удастся.

Экономическая сущность технических революций заключается в изменении положения человека в процессе труда, из чего вырастает новая

---

¹ Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. С. 50–71.

экономика и новое общество. Цифровая (технотронная, электронная, автоматизированная) экономика основана на безлюдных технологиях. Воспроизводимые продукты для людей производит техника. **Человек перемещается в пространство творчества**, производства знаний, что становится все более необходимым для сохранения рода человеческого по мере роста его численности. Образование, наука, изобретения, инжиниринг — безграничное поле развития человека и трудовой занятости. Хотя в переходный период длительное время проблема занятости будет одной из наиболее сложных.

Достижение технологического переворота логично увязывается с радикальными преобразованиями экономической политики России. Их цель состоит в превращении экономической политики из фрагментарного состояния в **целостную систему**. Главной функцией экономической политики является обеспечение сбалансированного воспроизводственного процесса на основе технического прогресса. Качество системной целостности генерируется в том случае, если **фундаментом** экономической политики является **стратегическое планирование на основе межотраслевого баланса**. Наша страна располагает богатой практикой разработки балансов. Правовая основа этого процесса содержится в принятом Федеральном законе о стратегическом планировании в Российской Федерации.

Экономическая политика России представляет собой целостную систему, если она включает **три звена**¹. Центральное ее звено определяет общественные приоритеты и способы их достижений. Основной акцент делается на ресурсах, разработках, внедрении в производство цифровой, автоматизированной техники и полной занятости населения. В этом звене решаются две фундаментальные задачи. Во-первых, составление межотраслевых балансов. Во-вторых, разработка генеральных схем размещения производительных сил. Балансовый метод согласования ресурсов и потребностей разработан именно в нашей стране при составлении планов. Он способен стать эффективным инструментом современной промышленной и структурной политики. Практический опыт разработки межотраслевых балансов в советской экономике теоретически обобщен лауреатом Нобелевской премии В. Леонтьевым в созданной им математической модели². Межотраслевые балансы используются во Франции, Японии в рыночных условиях. Это обогатило теорию и практику сбалансированного воспроизводства экономики.

---

¹ См. подробнее: *Зяблюк Р. Т.* Расширение функций и инструментария экономической политики России // *Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста* / под ред. А. А. Аузана, В. В. Герасименко [Электронное издание]. М., 2015.

² *Леонтьев В.* Межотраслевая экономика. М.: Экономика, 1997.

Стратегические программы и планы социально-экономического развития России важно координировать с генеральной схемой размещения производительных сил страны. В условиях крайне неравномерного размещения населения, полезных ископаемых, производственных мощностей на громадной территории с разнообразным климатом их пространственная оптимизация является фактором не только эффективности экономики, но и безопасности страны. Не случайно задача рационального размещения производительных сил возникла и радикально решалась в период Первой и Второй мировой войн, когда обнаруживалась угроза существованию страны. Решение этой сложнейшей задачи облегчается тем, что созданный по инициативе В. И. Вернадского Совет по изучению производительных сил сохранился и не утеряны созданные здесь научные разработки.

Два других звена составляют кредитно-денежная и бюджетно-налоговая политика **в преобразованном виде**. Их инструментами обеспечиваются воспроизводственные взаимосвязи всех субъектов экономики. Частный сектор и частные инвестиции функционируют в рыночной среде. Согласование общественных приоритетов и интересов частного сектора косвенно повышает эффективность рыночного механизма. Это достигается тем, что сокращаются потери материальных и человеческих ресурсов от колебаний рыночных цен, кризисных явлений, которые служат традиционными рыночными регуляторами, совпадения частных интересов с потребностями населения и общества в целом.

Со времени создания «Капитала» К. Маркса минуло более 150 лет. Экономика и общество за этот период во многом изменились, хотя далеко не во всем. Сохранились частная собственность, отношения наемного труда и капитала, рыночный механизм. Их содержание, отраженное в этом великом произведении, осталось прежним, но перестало быть всеобщим. Новое техническое основание современной экономики теснит и отрицает прежние экономические связи и отношения, генерируя процессы социализации и прямую координацию деятельности субъектов. Новое в технике, экономике, обществе, природе не возникает из вакуума. Оно рождается из старого, даже и на его обломках. Теория познания повторяет траекторию реального мира. Проникнуть в суть нового невозможно простым их созерцанием и описанием. Научной опорой познания новых экономических явлений служит теория, отобразившая предыдущую систему экономики в ее органической целостности. Это достигнуто только в «Капитале» К. Маркса. Его диалектическая методология — мощное орудие познания современного мира. Теоретическое содержание адекватно отражает сохранившиеся формы капитала и рыночный механизм, которые несколько модифицированы государственными регуляторами. Особую актуальность сейчас имеют

те аспекты теории Маркса, где отношения капитала в «свернутом» виде, в зародыше содержат свое отрицание. Эти «гены» новой экономики, нового общества расположены в точках предела старой экономики, раскрыты в «Капитале» К. Маркса. По этой причине каждая истинная теория не устаревает никогда.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА И МЕХАНИЗМА ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ГЛАВА 4

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

1. К вопросу о содержании новой индустриализации

Термин «новая индустриализация» в последние годы стал активно закрепляться в научном, политическом и хозяйственном лексиконе. Он отражает как современные общемировые тренды развития производительных сил, так и процессы более специфического порядка, привязанные к разным странам и регионам (в частности, это выглядит по-разному для России и других постсоциалистических стран, с одной стороны, и для США и других развитых стран, с другой стороны, — об этом будет сказано ниже). Новая индустриализация отразила, таким образом, совокупность процессов разной глубины и разных пространств, соединившихся в одно историческое время, содержа в себе весьма противоречивый набор характеристик. При этом наряду с указанным термином используются и другие — чаще всего «реиндустриализация», «неоиндустриализация». На наш взгляд, стоило бы упорядочить отмеченный набор терминов, что позволит добиться более четкого выражения как их содержания, так и их соотношения.

Реиндустриализация отражает исторически более осязаемое и понятное направление, представляющее собой преодоление необдуманных

последствий деиндустриализации. Для России — это процесс, обусловленный деиндустриализацией в условиях переходного периода, прежде всего в 1990-е гг., выразившийся не просто в сокращении объемов промышленного производства (более чем в 2 раза за 1990-е гг.), но и в разрыве кооперационных производственных связей, и в утрате целого ряда производств, подотраслей и даже отраслей; для США — это процесс, вызванный чрезмерной «утечкой» промышленных производств в развивающиеся страны (так называемый «производственный офшор») в предыдущие десятилетия. Иллюстрацией разрушительного характера деиндустриализации российской экономики в условиях рыночной трансформации являются следующие данные Минпромторга РФ: доля импорта в ряде стратегических отраслей России превысила 80%, при этом в станкостроении — более 90%, в тяжелом машиностроении — до 80%, в легкой промышленности — до 90%, в радиоэлектронике — до 90%, в фармацевтической и медицинской промышленности — до 80%¹. Что касается возврата промышленных предприятий на территорию США (так называемый «решор»), то он тоже объясним, если учесть, что только за 2000–2007 гг. обрабатывающая промышленность США потеряла 3,5 млн рабочих мест и более 40 тыс. фабрик (10% их общего количества), утратив ряд перспективных производств — в частности, полупроводниковую отрасль, переместившуюся вместе с американскими инвестициями в Азию². Неслучайными стали заявления и программные призывы Президента США Трампа в его инаугурационной речи: «Многие десятилетия мы предоставляли деньги иностранным производствам, а не американским... Мы потратили триллионы долларов за границей, в то время как инфраструктура Америки распадается на части. Мы обогатили другие страны, однако богатство, сила и уверенность нашей страны рассыпались и исчезли за горизонтом. Один за другим закрывались заводы. Они даже не подумали о миллионах и миллионах американских работников, оставшихся без работы... Мы вернем наши рабочие места»³. Однако в нашем дальнейшем анализе больший акцент сделаем на российских аспектах, не забывая при этом и о зарубежных параллелях, полезных для общего понимания проблемы.

Следующий термин, содержание которого необходимо объяснить, — это «*неоиндустриализация*». В литературе он используется в разных смыслах и довольно активно, тем более что с некоторых пор всякое «нео» воспринимается как нечто серьезное и перспективное.

¹ URL: <http://www.lenta.ru/news/2014/07/10/import>

² См.: Толкачев С. Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада? // Экономист. 2014. № 10. С. 56, 58.

³ URL: <http://www.newsyour.info/polnaya-rech-donalda-trampa>

Как представляется, под неоиндустриализацией надо понимать выход экономики на новый уровень индустриального базиса, сочетающегося с передовыми технологическими укладами. Это то, что можно обозначить как «современный индустриализм» или «постстарый индустриализм». Неоиндустриализм характеризуется переходом к автоматизации, роботизации, информатизации, экологизации индустриальных производств, к формированию нового типа воспроизводства — наукоемкого, высокотехнологичного и эколого-эффективного. Для современной России это означает выход (по крайней мере по ряду важных позиций) на позиции мировых передовых технологических требований, на качественно более высокий уровень материально-технического базиса, однородного с экономикой развитых индустриальных стран мира. Указанную линию развития С. Глазьев облек в формулу «стратегии динамического наперстывания»¹.

Неоиндустриализация включает в себя не только развитие традиционных характеристик промышленного производства, основанных на достижениях естествознания и инженерно-технической мысли, но и те направления развития, которые с начала 60-х гг. прошлого века получили название постиндустриальных. По поводу последних в последние полвека возник своего рода «постиндустриальный империализм», когда все возникающие новые технологические уклады и основанные на них новые типы экономики (информационная экономика, экономика знаний и инноваций и, наконец, цифровая экономика) стали именоваться постиндустриальными, т.е. противостоящими индустриальным технологиям и индустриальной экономике. Между тем (к этому вопросу мы еще вернемся) внимательный анализ показывает, что многие новые достижения были неразрывно связаны или сопрягались с изменениями в самом индустриальном базисе, а за «постиндустриализм» выдавалось то, что, скорее, представляет собой новый этап индустриального общества (как бы «постстарый индустриализм»). Мировые реалии свидетельствуют, что индустриализм, несмотря на его давно продолжающиеся «похороны», обладает огромным потенциалом, способностью к внутренним изменениям и выходу на новые этапы и не раз демонстрировал это в последние два века. Не стоит забывать и того, что в международных классификациях современные государства с развитыми экономиками по-прежнему именуется как «индустриально (или промышленно) развитые страны».

Таким образом, в неоиндустриализме можно выделить две части: первая представляет собой развитие на новой основе традиционных индустриальных производств (электроэнергетика, машиностроение, металлургия, авиастроение и т.д.), вторая характеризует появление и дальнейшее развитие новых технологий или технологических укладов (информационные

---

¹ URL: <http://www.worldcrisis.ru>

технологии, нанотехнологии и др.), причем обе части все более переплетаются друг с другом. Но при этом возникают и такие области (биотехнологии, искусственный интеллект и т.п.), а также общественно-экономические взаимодействия (социальные сети, «креатосфера», «постматериалистические» ценности и стимулы и т.п.), которые требуют нового осмысления как содержания, так и привязки к определенным координатам, но и здесь (по крайней мере в пределах обозримых перспектив) видится связь с индустрией как необходимой материально-технической основой.

Касательно российских проблем необходимо отметить (имея в виду разный технологический уровень различных производств, отраслей и укладов в современной России), что направления ее развития в сфере неоиндустриализма могут появляться как в форме уже упоминавшейся «стратегии динамического наверстывания», так и в форме «стратегии опережающего развития».

Обращение к постиндустриальным характеристикам в связи с необходимостью позиционирования неоиндустриализации позволяет зафиксировать один любопытный парадокс: в одном ряду оказались и современные левые (неомарксисты), и либеральные постиндустриалисты, выражающие сомнение в актуальности идеи неоиндустриализации. При этом первые из них ратуют за новое посткапиталистическое общество, которое расходится с индустриальным базисом, а для вторых апеллирование к постиндустриализму позволяет оправдать деиндустриализацию и технологическую деградацию российской экономики в период рыночной трансформации, дискредитировать необходимость активной промышленной (структурной) политики и в целом сильной роли государства в экономике России. И те и другие хотят представить сторонников неоиндустриализации ретроградами, но на самом деле отрываются как от российских, так и мировых реалий.

Подытоживая проведенный анализ, отметим, что в нашем понимании *новая индустриализация* — это интегральное понятие, вбирающее в себя и реиндустриализацию, и неоиндустриализацию. Осуществлять в современной России новую индустриализацию означает действие по обоим направлениям (или даже по трем, имея в виду указанное выше «раздвоение» второго из них). Этим направлениям соответствуют и свои стратегии: восстановление, динамическое наверстывание и опережающее развитие. Впрочем, они (это относится и к направлениям, и к стратегиям) могут накладываться друг на друга: так, восстановление практически разрушенного отечественного станкостроения вписывается в реиндустриализацию, однако оно предполагает не просто возврат старого (пусть когда-то и казавшегося перспективным), но по возможности выход на современный мировой технологический уровень, т.е. проведение неоиндустриализа-

ции, хотя в каких-то случаях это является пока или невозможным, или не-обязательным.

2. Новая индустриализация в контексте промышленных революций

Крупные индустриальные сдвиги исторически связаны с промышленными (индустриальными) революциями. *Первая из них* (конец XVIII — начало XIX в. с эпицентром в Англии), детально описанная К. Марксом 150 лет назад в I томе «Капитала», заложила фундамент индустриальной экономики. *Вторая промышленная революция* датируется началом XX в. Критериями выделения указанных индустриальных революций чаще всего называют доминирующий источник энергии (соответственно уголь и нефть в единстве с электроэнергией), тип двигателя (паровой двигатель и затем двигатель внутреннего сгорания и электродвигатель), лидирующие отрасли (вначале — текстильная отрасль и металлургия, затем — автомобилестроение и электротехника). Эти две революции реально и громко состоялись, но затем последовало молчание длиной почти в век. И это, несмотря на бурные технологические изменения во второй половине XX в., названные в свое время научно-технической революцией. Но дело в том, что данные изменения стали трактоваться сугубо в русле постиндустриализма. Возник своего рода «постиндустриальный империализм» (о нем уже шла речь выше), когда все новые изменения стали противопоставляться индустриальной экономике. Возникшие в последние годы концепции третьей и четвертой промышленных революций, несмотря на их расплывчатость и очевидную понятийную суету (две прежние революции почти за два века и сразу две новые за какое-то десятилетие!), стали признаком разворота к неисчерпанному потенциалу индустриального развития, осознания значимости новой индустриализации и скоропалительности романтических оценок чистого постиндустриализма.

Касательно *третьей индустриальной революции* выделим два существующих подхода.

Первый представлен немецкими исследователями (М. Йенике, К. Якоб и др.)¹, которые делают акцент на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ) в единстве с ресурсосберегающими наукоемкими технологиями в рамках становления «экологической промышленности». Согласно данному подходу, экологизация будет пронизывать все отрасли индустрии, создавая попутно новые производства; предполагает осуществление масштабных инноваций, появление качественно новых технологий; повышает качество человеческого капитала за счет более высокого уровня

¹ Jenike M., Jakob K. Dritte industrielle Revolution // Internationale Politik. 2008. No. 5.

квалификаций; диктует необходимость сильной «экологической индустриальной политики», направленной на стимулирование энергосбережения, поддержку разработки наукоемких, экологически эффективных технологий и их расширения на рынках, подготовку новых кадров, развития новых форм управления, формирования долгосрочных стратегий развития и т.п.

В последний период концепция *третьей промышленной революции* активно развивалась американским исследователем Дж. Рифкином¹. Здесь за основу берется новый способ организации энергии во взаимосвязи с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), а более предметно данная концепция реализуется как совокупность пяти «столпов»: ВИЭ, изменения в сфере строительства («дома как микроэлектростанции»), накопление энергии, ИКТ (прежде всего интернет), электромобили. И хотя здесь в отличие от рассмотренных выше идей немецких исследователей в меньшей степени представлен технико-производственный аспект, но индустриальная составляющая тем не менее выражена достаточно сильно. При этом у Рифкина звучат и постиндустриальные, и пострывочные мотивы, имея в виду и переток занятых в «неформальный социальный сектор», и переход «от эры промышленной к эре сотрудничества» и т.п. И когда многие готовы были согласиться с Рифкином относительно того, что третья промышленная революция является последней в череде великих промышленных революций, была провозглашена идея *четвертой промышленной революции*.

Наиболее громко она прозвучала в книге под одноименным названием «Четвертая промышленная революция»², изданной К. Швабом — основателем и постоянным руководителем Всемирного экономического форума в Давосе. В содержание указанной революции включены такие «ошеломляющие технологические прорывы», как биотехнологии, нанотехнологии, роботизация, искусственный интеллект, технология 3D (трехмерное изображение) и др. Собственно, об этих прорывах писали и ранее, заслуга Шваба состоит в том, что он смог свести их в некоторую целостность и изложить прагматично и популярно.

Кто-то из разработчиков четвертой революции делает большой акцент на роботизации и автоматизации производства, тем более в условиях их бурного развития в последнее время (что, кстати, позволило резко снизить производственные издержки, послужив одним из толчков к возвращению ряда промышленных производств из Азии в Америку). Стоит в этой связи отметить, что уже сейчас в США действует более 9 тыс.

---

¹ Рифкин Дж. Третья промышленная революция: пер. с англ. М.: Альпина Нон-фикшн, 2014.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо, 2016.

полностью автоматизированных производств, а на 10 тыс. рабочих мест в производстве приходится 870 промышленных роботов, в Японии — 400, в Южной Корее — 270, в Китае — 32¹. В России же этот показатель равен всего 3. В данном параметре индустриальный аспект выражен наиболее отчетливо.

Некоторые разработчики ставят в центр изменений кастомизацию производства, которая означает возможность индивидуализации массового продукта под заказы конкретного потребителя путем его шлифовки (доводки) на конечных этапах производственной цепочки.

В последнее время четвертую промышленную революцию все более начинают связывать с масштабной цифровизацией процессов и, более того, с переходом к цифровой экономике. Появились термины «цифровое предприятие», «промышленный интернет вещей». В более широком смысле на промышленном уровне цифровая трансформация выражается в сквозной цифровизации и интеграции горизонтальных и вертикальных цепочек создания стоимости, начиная от разработки продуктов и заканчивая производством, логистикой и обслуживанием; цифровизации продуктов и услуг; формировании новых цифровых бизнес-моделей². Промышленность считается одним из драйверов развития цифровой экономики наряду с телекоммуникационной сферой и банковской системой. Согласно совместному исследованию SAP и Oxford Economics, представители 84% глобальных компаний считают, что в ближайшие пять лет цифровая трансформация станет критически важной для выживания, и только 3% опрошенных приняли меры для трансформации компаний. «Больше не существует выбора между цифровой трансформацией и ее отсутствием — теперь это неотъемлемый фактор для увеличения прибыли, доходов и роста компании, — уверен старший вице-президент SAP В. Бапат. — Руководителям нужно перейти от простого понимания важности цифровой трансформации к полноценному воплощению этих идей в своем бизнесе. Это требует инновационных прорывных технологий, инвестиций в навыки работы с цифровыми технологиями и в переквалификацию уже нанятых сотрудников. Два следующих года станут показательными и разделят победителей цифровой трансформации и тех, кто остался позади»³.

Возвращаясь к общим вопросам последних (третьей и четвертой) промышленных революций, необходимо отметить, что границы между ними довольно размыты по части и разноликости акцентов разработчиков, и по-

---

¹ URL: <http://www.kp.ru/daily/26172.7/3060379/>

² Всемирный обзор реализации концепции «Индустрия 4.0» за 2016 год. URL: www.pwc.com/industry40

³ URL: <http://www.comnews.ru/node/108841>

второв, и перемешивания фундаментальных и поверхностных или сопутных характеристик. Скорее всего речь надо вести об одной (единой) революции, вобравшей в себя ряд современных направлений последних десятилетий. Но главное в данном случае, что все указанные разработки идут в русле именно индустриальных революций (Индустрия 3.0 и Индустрия 4.0), что является признанием фундаментальности промышленно-производственной начинки современных изменений и способности индустриализма сочетаться с разными формами инновационного развития. Под прикрытие промышленных революций включены теперь такие направления (в частности, ИКТ, нанотехнологии и др.), которые еще недавно объявлялись выражением постиндустриальной экономики. Индустриализм вновь показал богатый потенциал, демонстрируя свои возможности при осуществлении разного рода технологических конвергенций и смешанных форм.

В реальности дело обстоит так, что так называемая «новая экономика» (информационная, цифровая, сетевая и пр.), часто привязываемая к шестому технологическому укладу, не вытесняет индустриальную (как бы «старую» экономику), а соединяется с ней, усиливая и ее, и свой потенциал. Обратим внимание на два емких выражения немецких исследователей: «Новая экономика» возникает тогда, когда «старая экономика» объединяется с сетевой» (Р. Бергер) и «стремление крупных предприятий «старой экономики» подключиться к динамичной «новой экономике» превращает «новую экономику» в «настоящую экономику» (Р. Рок, Ф. Витт)¹. Индустриальная база остается широкой платформой развития «новой экономики», вбирает в себя ее достижения, порождает интегральные формы, а к тому же постоянно обновляется. В силу этого она способна обеспечивать не только догоняющее, но и опережающее развитие. Можно видеть, в частности, как нанотехнологии, выражающие новый технологический уклад, находят свое применение в авиационной, космической, медицинской и других индустриальных отраслях, позволяя осуществлять миниатюризацию приборов, электронных и прочих устройств, новое качество материалов, резко повышая конкурентоспособность и производительность выпускаемой продукции. И в данном случае надо говорить не о постиндустриализме, а скорее о «постстаром» индустриализме, вобравшем в себя новые достижения последних промышленных революций. Неоиндустриализация как раз и позволяет обеспечить именно такое развитие. Все это свидетельствует о глубоком смысле идеи новой индустриализации и об ее перспективности. Особое значение она приобретает для современной России.

---

¹ Цит. по: *Кульков В. О позиционировании новой индустриализации // Экономист. 2014. № 10. С. 49.*

3. Новая индустриализация в контексте общественного воспроизводства России

Новая индустриализация является жизненно важной стратегической задачей для современной России. Она диктуется, во-первых, необходимостью повышения производственного и общеэкономического потенциала, который понес существенный урон — особенно в 1990-е гг., и на этой основе усиления мощи и конкурентоспособности отечественной экономики. Во-вторых, она вызывается необходимостью коренной перестройки сложившейся деформированной структуры экономики России. В-третьих, необходима как средство укрепления национальной экономической безопасности страны, обеспечения прочного материально-технического фундамента экономической и политической независимости России, а также для реального стимулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве с учетом геополитических интересов.

Новая индустриализация должна стать вектором развития общественного воспроизводства в России, усилив его целостность, структуру, качество, динамику.

Выше (в начале данной главы) уже отмечались последствия деиндустриализации российской экономики. К этому следует добавить низкую долю валового накопления основного капитала (21,6% в 2016 г.). Нельзя успокаиваться тем, что этот уровень характерен для многих современных развитых экономик (США, Западная Европа). России с ее задачами модернизации за ориентир следует брать другие страны (КНР, Япония, Южная Корея и др.), которые совершали технологический рывок при уровне данного показателя примерно в 30–40%. Не стоит также обольщаться и по поводу близости доли «обрабатывающих производств» в России соответствующему американскому показателю. Во-первых, следует иметь в виду «вынесенность» многих американских промышленных производств за рубеж, что сейчас начинает преодолеваться в ходе реиндустриализации по-американски (об этом говорилось в начале главы). Во-вторых, необходимо анализировать структуру и качество данной группы отраслей в России: дело в том, что, согласно принятой классификации, в структуру обрабатывающей промышленности включаются весьма разнородные элементы: это и отрасли «первого передела» (металлургия, производство кокса, химических веществ, древесины и т.п.), имеющие во многом полусырьевой характер с невысокой степенью добавленной стоимости; это и группа «нейтральных» (по большому счету периферийных) отраслей (производство напитков, мебели и прочих готовых изделий); наконец (на что следует обратить особое внимание), отрасли, определяющие качество материально-технической базы национальной экономики, ее технологический

уровень (машиностроение, производство электрооборудования, транспортных средств и т.п.). По данным Росстата за 2016 г., из 13,7% валовой добавленной стоимости, приходящейся на обрабатывающие производства, данной группе принадлежит только пятая часть, т.е. 2,8%. При этом доля станков с числовым программным управлением составляет только 10%, в то время как в США и ФРГ — более 70%. В этом же ряду находятся и данные о структуре внешней торговли России: в 2016 г. доля машино-технической продукции составляла в экспорте лишь 8,5% (хотя при этом надо отметить, что в 2014 г. эта доля была еще более низкой — 5,3%), а в импорте — 47,4%. Последняя вроде бы впечатляющая цифра говорит, однако, не столько о прогрессивной структуре российского импорта, сколько о деградации отечественного машиностроительного комплекса, не способного обеспечить потребности даже простого воспроизводства. Реиндустриализация необходима в современной России для формирования перелома в решении обозначенных проблем.

Среди конкретных мер, реализующих российскую реиндустриализацию, следует также отметить необходимость восстановления рациональных связей в рамках производственно-технологических цепочек, нарушенных или разорванных в ходе приватизации и либерализации экономики. Причем это касается как внутривосстановительных связей, так и взаимодействия в рамках постсоветского пространства (при противоречивой палитре последнего — достаточно видеть то, как на наших глазах рвутся по живому последние остатки технологических цепочек Украины с Россией). Эти меры могут проявиться и в возрождении производств, еще не утративших своей важности, технологической и экономической целесообразности, в повышении загрузки производственных мощностей в промышленности, прежде всего обрабатывающей. Степень этой загрузки остается низкой: так, в производстве машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования и транспортных средств и оборудования (по отдельным позициям, фиксируемым Росстатом) эта загрузка составляла в 2015 г. от 10 до 46%, по текстильному и швейному производству — от 24 до 62%, по производству пищевых продуктов — от 30 до 89%¹. Конечно, по понятным причинам указанное направление реиндустриализации не может принять всеобщего и повсеместного характера, однако актуальность такого «запуска» именно в данный исторический момент становится более острой и понятной в связи с той «войной санкций», которая фактически объявлена России и продолжает расширяться, что вызывает необходимость поиска новых резервов производственных мощностей. Курс на расширение импортозамещения может стать исходным толчком этой важной работы, не только имеющей узкое

---

¹ URL: <http://www.gks.ru>

внешнеэкономическое значение, но играющей важную роль в укреплении национальной экономической безопасности страны, суверенности национального воспроизводства. Другое дело, что курс на импортозамещение должен в этом случае иметь четкое целеполагание, программные координаты и ясную «дорожную карту». Пока же он во многом был реализован как приложение к ослаблению рубля в рамках определенной монетарной политики, по определению приводящему к повышению конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, которое, однако, в этом случае не имеет устойчивой основы. Это наглядно показала ситуация первой половины 2017 г., когда в результате начавшегося конъюнктурного процесса укрепления рубля произошел резкий рост (более чем на четверть) импорта из стран дальнего зарубежья¹.

Особо высокая зависимость сложилась в России от импортных станков. Премьер-министр РФ Д. А. Медведев назвал станкостроение слабым местом российской промышленности, отметив, что «нам обязательно надо вернуться к тому, что раньше называлась *индустрия средств производства*. Нужно обязательно в эту сферу вернуться и обязательно начать и лицензионное производство, и собственное производство»². Важным начальным (хотя и весьма запоздалым по времени) шагом в этом направлении стало создание в России крупной станкостроительной компании «Стан», на базе которой формируется станкостроительный холдинг, в который войдет до десяти заводов: сейчас на эту компанию придется производство половины всех металлообрабатывающих станков в России.

Однако важно, как уже отмечалось выше, соединить реиндустриализацию с неоиндустриализацией, означающей выход на уровень современных технологических требований и даже, по возможности, превышающий его. Это может быть отнесено как к станкостроению, так и к другим промышленным отраслям — прежде всего к активной части обрабатывающих производств. Как показывает опыт развитых индустриальных экономик, именно обрабатывающая промышленность в наибольшей степени порождает эффекты распространения новых знаний на всю остальную экономику (так называемый спил-овер эффект), она обладает наибольшим мультипликатором расходов среди разных сфер экономики (примерно 1,5)³. Именно она чаще всего является источником инноваций и сферой их применения, притягивая инновационные инвестиции и распространяя инновационные импульсы по всей экономике. Тем самым она повышает инновационный потенциал национальной экономики и создает возможности успешного проведения экономической модернизации. Она усили-

¹ URL: <http://www.lenta.ru/articles/2017/07/21/imports>

² URL: <http://www.lenta.ru/news/2017/01/31/slaboe>

³ См.: Толкачев С. Указ. соч. С. 57.

вает целостность и непрерывность производственных связей и технологических цепочек в экономике, а также формирует и необходимый уровень технологической безопасности страны, повышает ее обороноспособность. Все эти характеристики крайне важны для обеспечения расширенного и эффективного воспроизводства и решения модернизационных задач в современной России, для сохранения и повышения ее исторического статуса как мировой державы.

Новая индустриализация, как уже отмечалось, соединяется с достижениями последних (третьей и четвертой — в их распространенном наименовании) промышленных революций, которые вобрала в себя и те направления, которые на протяжении последних десятилетий именовались «постиндустриальными». Обратим особое внимание на направление, связанное с цифровизацией процессов, с формированием цифровой экономики.

В конце июля 2017 г. Правительство РФ разработало государственную программу «Цифровая экономика», в которой поставлены довольно амбициозные задачи: доля России на мировом рынке услуг по обработке и хранению данных должна подняться с нынешнего уровня менее 1 до 10% к 2024 г. При этом следует отметить сравнительно высокие темпы изменений.

По данным международной консалтинговой компании McKinsey & Company, доля цифровой экономики в ВВП России составляет в настоящее время только 3,9%, в то время как в ВВП США — 10,9%, в ВВП Китая — 10%, в странах Евросоюза — 8,2%. Вместе с тем темпы роста этой доли значительно опережают темпы роста ВВП России в целом. Так, если ВВП страны с 2011 по 2015 г. вырос на 7%, то объем цифровой экономики за этот же период увеличился на 59%. Таким образом, как отмечается в исследовании, с 2011 по 2015 г. цифровая экономика росла в 8,5 раза быстрее экономики России в целом и составила четверть (24%) общего прироста ВВП¹. Особенно быстро цифровизация осуществляется в сфере телекоммуникаций (так, в первом квартале 2017 г. доля цифровых услуг в выручке «Ростелекома» составила 47%, а к 2020 г. эту долю планируется довести до 60%), в банковской сфере (так, Сбербанк и банк «Открытие» в середине 2017 г. были объявлены лучшими цифровыми банками в Восточной Европе), в сфере городского хозяйства (цифровые сервисы по направлению «умный город» — это особенно заметно в Москве). Согласно разработанной программе, большое значение придается развитию широкополосного доступа в интернет (к 2025 г. им должно быть охвачено 97% российских домашних хозяйств), сетей мобильной связи 5G (особенно в крупных городах), подготовке IT-специалистов (более 100 тыс. в год)

---

¹ URL: <http://www.comnews.ru/content/107558>

и др. При этом намечено создать также десять предприятий в сфере высоких технологий и столько же цифровых платформ для основных отраслей экономики.

Вместе с тем, признавая важную роль распространения цифровой экономики как способа неоиндустриализации и модернизации экономики России, нельзя предаваться иллюзиям, абсолютизировать ее значение. Необходимо видеть и ее «ловушки». Какие?

Во-первых, есть опасность того, что «цифровая экономика» войдет в проходной ряд столь же модных в свое время названий («информационная экономика», «экономика знаний», «инновационная экономика» и т.п.). Все они породили много шума и иллюзий и, хотя имели под собой реальные основания, тем не менее слишком нарочито и односторонне выражали происходящие изменения. К тому же цифровую экономику можно представить лишь как новое состояние информационного общества, достаточно широко исследованного в последние два десятилетия.

Во-вторых, существует опасность превращения «цифровой экономики» в очередной броский российский лозунг, призванный демонстрировать курс на прогрессивное развитие. Ранее провозглашались и «Стратегия долгосрочного развития», и «Стратегия инновационного развития», было много завышенных ожиданий от проекта «Сколково». По большому счету они не оправдали надежд. Как бы не оказалась в этом ряду и «цифровизация» российской экономики.

В-третьих, «цифровая экономика» слишком односторонне отражает характер экономических отношений, тип экономической системы. Она не включает в себя социального и ряда других важных измерений. В ней не отражаются глубокая социальная разнородность российского общества, высокая экономическая (в том числе инвестиционная и инновационная) разнородность российских регионов, что создает существенные «цифровые разрывы» и объективно тормозит цифровизацию и общее развитие экономики. В этом смысле она в заметной мере оторвана от реальной жизни, «парит» над социально-экономическими просторами России.

В-четвертых, имеются сомнения по поводу того, что цифровизация глубоко затронет все сферы национальной экономики, все звенья общественного воспроизводства. Уже назывались определенные сферы (телекоммуникации, банки), где данный процесс получит широкое развитие. К ним, очевидно, можно отнести также сферы образования, документооборота, городской жизни, транспорта, торговли, финансовых рынков и ряд других. Для примера обратим внимание на недавнее слияние «Яндекс.Такси» и российского подразделения Uber, в результате чего капитализация «Яндекса» подскочила до 10,2 млрд долл., что лишь

в 2 раза меньше одной из крупнейших российских нефтяных компаний — «Сургутнефтегаза»¹. В начале августа 2017 г. было объявлено о намерении создать совместное предприятие Сбербанка и «Яндекса» по развитию электронной торговли. Как видно, в основном это сферы, где имеют место массивные потоки данных, необходима быстрая оперативная информация, и это в значительной степени жизнь мегаполисов (так, по данным уже приводимого выше исследования компании McKinsey, на Москву приходится 40% совокупных российских госрасходов на информационные технологии, а на десять развитых регионов, включая Москву, — 80%). Говорить о повсеместной и тотальной цифровизации, пожалуй, не приходится.

В-пятых, применительно к промышленному производству цифровизация коснется прежде всего логистики и обработки данных; она рационализирует, упорядочит и уплотнит связи с поставщиками и потребителями, сократит время простоя оборудования и увеличит его загрузку, приведет к экономии производственных издержек, издержек обращения и транзакционных издержек, следовательно, ускорит воспроизводственные процессы. Расширится возможность для укрепления горизонтальных и вертикальных цепочек создания стоимости, а значит, для целостности и непрерывности воспроизводства. Однако преимущества цифровизации в сфере материального производства не так очевидны, как в других названных выше сферах. Здесь базовое значение имеет сам производственно-технологический процесс, и важна такая цифровизация, которая не просто обслуживает данный процесс, а проникает в него, становится составной частью средств производства, технологий. По-настоящему «цифровое предприятие» — это не просто совокупность цифровых измерений, связей и взаимодействий (как его часто представляют адепты цифровой экономики), а предприятие, обладающее новым технологическим уровнем производства.

В-шестых, было бы ошибочно свести к цифровизации содержание промышленной политики. Это лишь один ее аспект. Базовыми ее целями служат структурная перестройка экономики и повышение ее технологического уровня, обеспечивающие новое качество воспроизводства в стране. Более того, переход к цифровой экономике должен увязываться также с социальной политикой, а более общо — с усилением социальной ориентации экономики России, с необходимыми институциональными изменениями, снижающими глубокие социальные деформации и повышающими роль институтов развития. Необходимы также адекватная макроэкономическая политика, ставящая во главу угла не пассивное обеспечение стабильности, а подлинное развитие национальной экономики;

---

¹ URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/07/20>

и формирование соответствующей микроэкономической среды. Другими словами, нужно изменение способа социального присвоения и способа экономической координации. Относительно последнего стоит отметить, что, с одной стороны, цифровизация создает возможности (помимо уровня предприятия) большей народно-хозяйственной координации и макроэкономического регулирования, а с другой стороны, нуждается в гибкости и мобильности принятия решений.

В-седьмых, существует опасность фетишизации «цифры». Цифровая оболочка может затмить базовые технико-технологические процессы, научно-технические инновации, не вписывающиеся прямо в цифровое направление, и тем самым сузить пространство развития и пространство экономических отношений. Она может способствовать росту неуправляемых процессов, повышению технологических и хозяйственных рисков. Расширяя степень виртуализации процессов в экономике, она способна внести свой вклад в расширение спекулятивных операций и всякого рода «цифровых пузырей» и мошеннических операций (тем более что это уже наблюдалось на более ранней стадии распространения информационных технологий).

В-восьмых, масштабная цифровизация, несмотря на вклад в повышение конкурентоспособности и тем самым безопасности страны, содержит в себе и угрозы подрыва национальной экономической безопасности, а в особой степени — информационной и военно-промышленной безопасности. Особенно остро стоит проблема кибербезопасности. Россия обязана сохранить суверенность экономики и национального развития, тем более исходя из существующих ныне геополитических осложнений. Опасность связана и с выросшими возможностями вывоза капитала за рубеж: так, по имеющимся данным¹, ряд ведущих российских IT-компаний (в их числе компания «Яндекс», сеть «ВКонтакте») создали в США зарубежные юридические лица, через которые большую часть своего бизнеса ведут за границей, уходя из-под национального контроля, выигрывая в налогах и получая другие выгоды.

В-девятых, развитие цифровой экономики способно обострить социальные противоречия, что найдет свое выражение в следующем (несмотря на расширение технических возможностей цифровой вовлеченности населения): высвобождение из экономической деятельности массы работников, снижение степени социальной защищенности вследствие расширения автономности участников сетевой экономики, усиление цифрового, а вслед за ним — и социального неравенства, превращение социально-экономических субъектов в «цифровые винтики» системы. Увеличивается вероятность информационного диктата — в частности, при сборе

---

¹ URL: <https://news.mail.ru/politics/30544790/>

генетической информации, касающейся работников или потребителей, тем более в условиях возможной «чипизации» населения, объясняемой цифровыми удобствами.

Таким образом, анализируя цифровизацию, нужно видеть две ее стороны: одна из них выражает связь с новой промышленной революцией, с новой индустриализацией, с новыми возможностями активизации производственных процессов; другая — показывает иллюзии и возможные негативные последствия. При обосновании концептуальных подходов и практических мер по развитию цифровой экономики в России необходимо исходить из этой двойственности.

ГЛАВА 5

ВОСПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА РОССИИ

1. Параметры воспроизводительной структуры национального продукта

Воспроизводство национальной экономики — сложный, многоуровневый процесс, имеющий двойственную природу: с одной стороны, это воспроизводство материально-вещественной основы экономики (факторов производства, национального продукта и богатства), с другой — воспроизводство всей системы общественно-экономических отношений (отношения собственности, система институтов). В этой главе акцентируется внимание на материально-вещественной составляющей воспроизводства национальной экономики на уровне национального продукта и его производных показателей, однако на основе такого анализа делаются выводы и об особенностях социально-экономической стороны воспроизводства.

Воспроизводительная структура национального продукта системно может быть рассмотрена в различных аспектах.

Во-первых, в аспекте *эффективности* общественного производства как соотношение между конечным и промежуточным продуктами — как в целом по экономике, так и по отдельным видам экономической деятельности. Данная пропорция характеризует как эффективность общественного производства, так и степень технологического развития экономики, поскольку экономика, производящая продукцию высокой степени переработки, требует использования большого количества промежуточной продукции в отличие от примитивной экономики с небольшим числом технологических цепочек в производстве.

Во-вторых, следует выделить структуру национального продукта *со стороны совокупного предложения*, которая позволяет ответить на вопрос: «Что производится?» Это пропорции, характеризующие вклад отдельных отраслей (видов деятельности, секторов экономики) в общественное производство, которые измеряются как доли соответствующих отраслей в валовом выпуске при анализе совокупного продукта или в валовой добавленной стоимости (ВДС) при анализе конечного продукта. В более агрегированном представлении видовой структура национального продукта

раскрывается, с одной стороны, как соотношение между производством средств производства и производством предметов потребления; с другой стороны, как соотношение между товарами и услугами; с третьей стороны, как соотношение между секторами экономики (первичный, вторичный, третичный и четвертичный секторы).

В-третьих, воспроизводственная структура национального продукта может быть представлена со стороны *совокупного спроса* как соотношение между его основными компонентами: потреблением, накоплением, экспортом. Особо следует выделить соотношение между *внутренним и внешним спросом*, которое характеризует степень вовлеченности национальной экономики в мировое хозяйство, а также степень развития собственного, внутреннего рынка. Соотношение между потреблением и накоплением отражает возможности расширенного воспроизводства и экономического роста в последующие периоды.

В-четвертых, воспроизводственная структура национального продукта может быть рассмотрена в *социальном* аспекте — как соотношение между доходами факторов производства (труда и капитала) с учетом роли государства в процессе их перераспределения.

В-пятых, следует выделить *мирохозяйственный* аспект в структуре национального продукта. С одной стороны, он представлен как пропорция между производством продукта на внутренний и мировой рынок. С другой стороны, мирохозяйственный аспект проявляется в особенностях процесса накопления: как соотношение между национальными сбережениями (источник накопления) и внутренними инвестициями. Избыток национальных сбережений над инвестициями означает, что экономика страны работает в значительной степени на воспроизводство остального мира (избыток сбережений уходит за границу в виде оттока капитала, вложений в иностранные активы и т.п.).

Указанные соотношения могут быть рассмотрены как в статике, так и в динамике (для показателей прироста национального продукта). Во втором случае мы получаем ряд *структурных факторов экономического роста*, которые могут быть представлены со стороны совокупного спроса (факторы внутреннего и внешнего спроса, соотношение инвестиций и потребления) и со стороны совокупного предложения (структура прироста продукта по видам деятельности).

Рассмотрим последовательно воспроизводство национального продукта в каждом из перечисленных аспектов.

2. Соотношение между конечным и промежуточными продуктами

В табл. 1 представлено соотношение между конечным (ВВП) и промежуточными продуктами в России в постсоветский период. ВВП в рыночных ценах, включающих чистые налоги на продукты.

Таблица 1

Соотношение между конечным и промежуточным продуктами в России

Год	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
ВВП к валовому выпуску, %	50,46	51,57	54,55	54,82	54,58	52,55	53,50	53,13	53,78	53,87
ВВП к промежуточному продукту, разы	1,019	1,065	1,200	1,213	1,202	1,107	1,151	1,133	1,164	1,168
Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ВВП к валовому выпуску, %	53,66	53,18	53,13	53,09	52,43	54,61	55,00	54,28	55,16	54,06
ВВП к промежуточному продукту, разы	1,158	1,136	1,133	1,132	1,102	1,203	1,222	1,187	1,230	1,177

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Как следует из анализа табл. 1, соотношение между конечным и промежуточным продуктами остается в целом стабильным на протяжении всего постсоветского периода экономической истории России. При этом можно отметить слабо выраженную тенденцию к увеличению доли конечного продукта в валовом выпуске (50,5% в 1996 г., 54,0% в 2015 г.). Эффективность конечного производства (соотношение ВВП и промежуточного продукта) также не претерпела существенных изменений в указанный исторический период, хотя и была подвержена некоторым колебаниям. Следует отметить незначительный рост данного показателя на протяжении второй половины 1990-х гг. (максимум — 1999 г.), снижение в 2001 и 2003 гг., увеличение в 2004–2005 гг. и устойчивое снижение с 2006 по 2010 г. Для 2012–2015 гг. характерна неустойчивая, колебательная динамика.

Анализ соотношения конечного и промежуточного продуктов для экономики в целом как высоко агрегированных показателей не позволяет выявить особенностей процесса воспроизводства на более детальном уровне отдельных отраслей и видов экономической деятельности. Для этого рассмотрим соотношение конечной и промежуточной продукции по отдельным видам экономической деятельности (табл. 2).

По данным табл. 2 можно сделать следующие выводы.

Во-первых, эффективность общественного производства менялась неодинаково по отдельным видам деятельности. По ряду видов экономической деятельности за период 2002–2015 гг. произошло ее снижение. Так, падение соотношения конечной и промежуточной продукции в 2015 г. к 2002 г. составило 1,6 раза по видам деятельности — производство и распределение электроэнергии, газа и воды, оптовая и розничная

торговля и ремонт, гостиницы и рестораны; 1,4 раза для финансовой деятельности, 1,3 раза для обрабатывающих производств. Другие виды деятельности — преимущественно услуги — повысили свою эффективность: в 2,2 раза — обеспечение военной безопасности и социальное страхование, в 1,5 раза — образование, в 1,4 раза — операции с недвижимостью, в 1,3 раза — образование. Из отраслей материального производства повышение эффективности зафиксировано только в добыче полезных ископаемых (в 2 раза).

Таблица 2

**Соотношение между конечной и промежуточной продукцией
по видам экономической деятельности, разы**

Виды экономической деятельности	2002	2005	2007	2009	2011	2013	2014	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,07	1,25	1,13	1,08	1,13	0,98	0,98	1,15
Рыболовство, рыбоводство	0,82	1,12	0,77	0,82	0,91	0,89	0,93	0,99
Добыча полезных ископаемых	0,93	1,84	2,09	1,55	2,02	1,95	1,79	1,87
Обрабатывающие производства	0,52	0,50	0,44	0,42	0,40	0,40	0,40	0,40
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,62	0,57	0,48	0,59	0,53	0,52	0,55	0,39
Строительство	0,97	0,88	0,71	0,75	0,82	0,83	0,79	0,89
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2,41	1,89	1,69	1,61	1,63	1,49	1,39	1,53
Гостиницы и рестораны	1,45	1,20	1,09	0,97	0,98	0,95	0,98	0,93
Транспорт и связь	1,15	1,27	1,17	1,03	0,90	0,89	0,91	0,85
Финансовая деятельность	2,94	3,09	2,59	2,56	2,26	2,43	2,41	2,15
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,86	1,78	1,76	1,84	1,81	1,88	1,81	2,68

Окончание табл. 2

Виды экономической деятельности	2002	2005	2007	2009	2011	2013	2014	2015
Обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование	0,84	0,98	0,94	1,08	0,98	1,13	1,01	1,92
Образование	2,59	2,34	2,21	2,83	2,59	3,09	3,32	3,83
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,47	1,40	1,56	1,71	1,67	1,58	1,95	1,95
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,36	1,27	1,27	1,28	1,26	1,25	1,28	1,26

Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Во-вторых, для первичного сектора в целом характерны колебания эффективности, наиболее выраженные в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве, что вызвано высокой зависимостью указанных видов деятельности от природных факторов.

В-третьих, следует различно подходить к оценке изменений эффективности выпуска в отраслях материального производства и сфере услуг. Для последней промежуточная продукция представляет собой промежуточные услуги, не требующие существенных затрат материальных ресурсов. Повышение эффективности (рост добавленной стоимости на единицу промежуточного потребления) в этом случае может быть достигнуто с меньшими затратами путем ликвидации излишне раздутых промежуточных услуг, в отличие от отраслей материального производства, где подобные действия технологически затруднительны или невозможны. Падение эффективности в таких важнейших отраслях материального производства, как обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, свидетельствует о не до конца преодолённом воспроизводственном кризисе, активная фаза которого пришлась на 1990-е гг. Снижение эффективности в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды является в том числе следствием ликвидации РАО «ЕЭС России» под руководством А. Б. Чубайса, раздроблением единого технологического комплекса на отдельные подсистемы (генерация, сбыт и сопряженные услуги). Рост эффективности в добыче полезных ископаемых тем не менее не является устойчивым и остается подвержен колебаниям (максимумы здесь пришлось на периоды высоких нефтяных цен: 2007 и 2011 гг., когда завершилось восстановление экономики после кризиса 2009 г.).

3. Структура национального продукта России со стороны совокупного предложения: статика и динамика

Рассмотрим теперь структуру национального продукта по видам экономической деятельности. Продолжая анализ соотношения конечного и промежуточного продуктов, сопоставим их структуру по видам деятельности (табл. 3). Валовая добавленная стоимость взята в основных ценах, не учитывающих косвенные налоги на продукты.

Таблица 3

Структура валовой добавленной стоимости (ВДС) и промежуточной продукции (ПП) по видам экономической деятельности, % к итогу

Виды экономической деятельности	2002		2007		2015	
	ПП	ВДС	ПП	ВДС	ПП	ВДС
А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,09	6,42	3,62	4,19	3,99	4,36
В. Рыболовство, рыбоводство	0,38	0,31	0,27	0,22	0,28	0,27
С. Добыча полезных ископаемых	7,41	6,79	4,69	10,06	5,51	9,76
Д. Обрабатывающие производства	34,72	17,65	39,31	17,64	37,09	14,16
Е. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,16	3,75	6,03	3,00	7,45	2,79
Ф. Строительство	5,70	5,45	7,87	5,74	7,01	5,89
Г. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	9,73	23,04	11,60	20,17	10,88	15,79
Н. Гостиницы и рестораны	0,65	0,93	0,90	1,01	1,02	0,90
И. Транспорт и связь	9,18	10,37	8,02	9,66	9,08	7,33
Ж. Финансовая деятельность	1,08	3,11	1,65	4,40	2,09	4,27
К. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,88	10,74	6,01	10,89	6,83	17,35
Л. Обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование	6,20	5,10	5,34	5,15	4,46	8,11
М. Образование	1,15	2,93	1,19	2,70	0,71	2,60
Н. Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,34	3,36	2,08	3,34	2,21	4,09
О. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,43	1,91	1,40	1,83	1,37	1,63

Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Как следует из анализа табл. 3, в структуре конечного продукта сократилась доля материального производства и сопряженных услуг (виды деятельности А–F, I): с 50,74% в 2002 г. до 44,56% в 2015 г. При этом внутри нее произошло повышение доли добычи полезных ископаемых. В структуре промежуточного продукта, напротив, произошло небольшое увеличение доли указанных видов деятельности: с 69,64% в 2002 г. до 70,41% в 2015 г. — прежде всего за счет повышения доли обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, строительства. Более трети всей промежуточной продукции приходится на обрабатывающие производства, причем их роль в формировании промежуточной продукции только усилилась.

Анализ воспроизводственной структуры национального продукта может быть дополнен с привлечением концепции «мультипликатора добавленной стоимости», разработанной С. С. Губановым¹. Данный мультипликатор показывает отношение добавленной стоимости, создаваемой суммарно по видам деятельности А–D, к добавленной стоимости в первичном секторе (виды деятельности А–С)². Некоторые исследователи определяют данный мультипликатор через отношение «совокупной величины товарной массы к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот»³. Однако в этом случае учитывается не только добавленная стоимость, но и стоимость промежуточного продукта, поэтому значения мультипликатора оказываются более низкими. Так, расчет мультипликатора добавленной стоимости как соотношения добавленных стоимостей по видам деятельности А–D и А–С, дает следующий результат: 2,3 в 2002 г. и 1,97 в 2015–2016 гг., подтверждая сделанный ранее вывод о некотором снижении эффективности производства в обрабатывающей промышленности. По другим расчетам, значение мультипликатора добавленной стоимости оказывается еще ниже: 1,6 в 2003 г. и 1,53 в 2013 г.⁴; в этом случае также наблюдается некоторая тенденция к снижению указанного показателя.

Концепция «мультипликатора добавленной стоимости», как она представлена выше, строго говоря, не совсем точно соответствует реальным воспроизводственным процессам, что подтверждается сравнением рос-

---

¹ Губанов С. К идеологии общегосударственных интересов // Российская Федерация сегодня. 2009. № 6.

² Подробнее см.: Леденева М. В. Сырьевая внешнеторговая специализация России: расчет потерь добавленной стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 23. С. 51.

³ Лукин Е. В. Параметры технологического развития экономики России // Вопросы территориального развития. 2015. № 7. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

сийских показателей с показателями развитых стран. Так, по некоторым оценкам, данный мультипликатор в Норвегии в 2003 г. составлял всего лишь 1,51 (ниже, чем в России), в США — 6,8, в Швейцарии — 14,17, а в Люксембурге — 14,94¹. Причина таких расхождений — значительная роль сырьевого сектора в экономике Норвегии и практически полное его отсутствие в экономиках Швейцарии и Люксембурга. Но наличие или отсутствие сырьевого сектора еще не говорит об *эффективности* производства в обрабатывающей промышленности. Более корректно следовало бы соотносить добавленную стоимость, создаваемую в промышленности, не с добавленной стоимостью в первичном секторе, а со стоимостью продукции всех секторов экономики с учетом импорта, идущей в качестве сырья для производства продукции в обрабатывающей промышленности.

Таблица 4

**Структура накопленного прироста (+) / спада (–) ВДС
по видам экономической деятельности, % к итогу**

Виды экономической деятельности	2003–2008 к 2002	2009 к 2008	2010–2011 к 2009	2003–2011 к 2002	2012–2016 к 2011	2015–2016 к 2014
Прирост/сокращение валовой добавленной стоимости, итогу	100	–100	100	100	100	–100
А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,18	0,93	0,47	1,44	14,80	9,90
В. Рыболовство, рыбоводство	–0,06	0,15	–0,14	–0,06	0,52	–0,10
С. Добыча полезных ископаемых	5,12	–3,27	12,41	7,11	3,13	2,19
Д. Обрабатывающие производства	14,47	–37,96	30,65	13,39	29,18	–15,40
Е. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,93	–2,04	1,52	0,84	–0,04	1,45
Ф. Строительство	9,20	–13,79	8,89	8,22	–19,21	–25,99
Г. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	29,13	–17,58	23,26	30,13	–40,01	–78,53

¹ Леденева М. В. Указ. соч. С. 54.

Окончание табл. 4

Виды экономической деятельности	2003–2008 к 2002	2009 к 2008	2010–2011 к 2009	2003–2011 к 2002	2012–2016 к 2011	2015–2016 к 2014
Н. Гостиницы и рестораны	1,13	–2,25	1,55	1,00	–0,35	–2,85
И. Транспорт и связь	8,76	–11,77	13,83	9,28	15,11	–1,55
Ж. Финансовая деятельность	9,43	1,00	2,25	9,91	42,67	–7,57
К. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	13,18	–7,46	11,90	14,03	29,88	2,82
Л. Обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование	1,45	–0,04	–2,48	0,86	12,96	7,54
М. Образование	0,27	–0,57	–0,92	–0,05	–3,04	0,37
Н. здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,29	–0,09	0,65	0,41	4,33	–2,41
О. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,25	–5,24	0,32	0,25	0,64	0,95

Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Статический анализ структуры конечного продукта необходимо дополнить динамическим анализом, перейдя к сопоставлению структуры прироста национального продукта в постоянных ценах. Росстат представляет данные по ВДС в постоянных ценах 2008 г. за период 2002–2011 гг., а данные за последующие годы рассчитаны уже в ценах 2011 г. Подобный ценовой сдвиг не позволяет провести корректное измерение накопленного прироста ВДС за весь период 2002–2016 гг. В табл. 4 и 5 представлены результаты расчетов накопленных приростов ВДС по отдельным периодам. Таблица 5 представляет результаты расчета прироста ВДС по агрегированным секторам экономики; методика выделения указанных секторов была представлена в соответствующей статье¹.

¹ См.: Кульков В. М., Кайманаков С. В., Теняков И. М. Экономический рост в России: национальная модель, качество и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 38. С. 13.

Таблица 5

**Структура накопленного прироста (+) / спада (–) ВДС
по агрегированным секторам экономики, % к итогу**

Виды экономической деятельности	2003–2008 к 2002	2009 к 2008	2010–2011 к 2009	2003–2011 к 2002	2012–2016 к 2011	2015–2016 к 2014
Прирост/сокращение валовой добавленной стоимости, итого	100	–100	100	100	100	–100
Первичный сектор (А–С)	6,24	–2,19	12,74	8,49	18,45	11,99
Вторичный сектор (D–F, I)	33,36	–65,56	54,89	31,73	25,04	–41,49
Третичный сектор (G, H, J, K)	52,87	–26,29	38,96	55,07	32,19	–86,13
Четвертичный сектор (L–O)	3,26	–5,94	–2,43	1,47	14,89	6,45

Источник: рассчитано по данным табл. 4.

Периоды 2003–2011 и 2012–2016 гг. отличаются изменениями в структуре прироста ВДС: *сокращением долей вторичного и в большей степени третичного секторов в приросте ВДС, увеличением долей первичного и четвертичного секторов*. Более детальный анализ (см. табл. 4) показывает, что во втором периоде в приросте ВДС почти в 2 раза повысилась доля обрабатывающих производств, однако имел место отрицательный вклад строительства, что и сказалось на снижении агрегированного результата по вторичному сектору. Доля первичного сектора в приросте ВДС во втором периоде также выросла более чем в 2 раза, причем большая часть этого прироста пришлась на сельское хозяйство (14,8 из 18,45 п.п.), в то время как доля добывающих отраслей снизилась. В частности, сельское хозяйство оставалось одной из немногих отраслей, демонстрировавших рост в кризисный период 2015–2016 гг., что также сказалось на итоговом результате первичного сектора. Снижение вклада третичного сектора во втором периоде произошло за счет абсолютного сокращения оптовой и розничной торговли и ремонта (вид деятельности G). При этом резко повысили свои доли финансово-посреднические виды деятельности (J, K). Следует отметить и влияние ценового сдвига в данных Росстата, о чем было сказано выше: в ценах 2011 г. вклад финансов и страхования значительно увеличился по сравнению с их вкладом в ВДС в ценах 2008 г. В четвертичном секторе во втором периоде основной прирост был достигнут прежде всего за счет вклада вида деятельности L (обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование), а также здравоохранения. При этом

вклад образования в реальном выражении оставался отрицательным в течение всего периода 2002–2016 гг.

Главным позитивным результатом периода 2012–2016 гг. с позиции воспроизводства национальной экономики является *повышение вклада обрабатывающих производств в экономический рост*. Данный результат подтверждается и анализом структуры спада ВДС в периоды кризисов (2009 г. и 2015–2016 гг.). Так, если во время первого кризиса основной спад пришелся на вторичный сектор экономики (65,56% в общем спаде, из них на обрабатывающие производства пришлось 37,96 п.п.), то кризис 2015–2016 гг. в большей степени повлиял на третичный сектор (86,13% в общем спаде, из них на торговлю и ремонт пришлось 78,53 п.п.). На обрабатывающие производства пришлось в этом случае только 15,4% в общем спаде. С некоторыми оговорками можно сделать вывод, что кризис 2015–2016 гг. сыграл определенную оздоровительную роль в структуре воспроизводства национального продукта, сократив разбухший транзакционный сектор (финансово-посреднические и торговые услуги) *в реальном выражении*. Однако в номинальном выражении (в текущих ценах) финансово-посреднические и торговые услуги по-прежнему занимают более трети ВДС (см. табл. 3), а эффективность воспроизводства реального сектора (соотношение конечного и промежуточного продуктов) снизилась по сравнению с началом 2000-х гг. (см. табл. 2). В этих условиях необходимо проведение политики углубленной модернизации реального сектора экономики, повышение эффективности в обрабатывающей промышленности и строительстве, сдерживание дальнейшего разбухания финансового сектора. Положительные сдвиги в структуре экономического роста со стороны предложения, наметившиеся с 2012 г., еще не приобрели достаточную устойчивость.

4. Структура ВВП России со стороны совокупного спроса: потребление, накопление, внутренний и внешний спрос

Рассмотрим теперь структуру конечного продукта (далее будет анализироваться показатель ВВП) со стороны совокупного спроса: соотношение между потреблением и накоплением, а также между внутренним и внешним спросом (экспортом). Указанная структура ВВП представлена в табл. 6 (текущие цены) и 7 (постоянные цены). Анализ структуры конечного продукта в постоянных ценах позволяет сделать выводы о реальных процессах производства, не камуфлируемых изменением относительных цен.

Конечное потребление домашних хозяйств в текущих ценах в целом остается стабильным на протяжении более 20 лет. Некоторые колебания связаны с общей экономической динамикой: в кризисные годы (1998

и 2009-й) доля потребления увеличивалась за счет сокращения в структуре ВВП других компонентов (прежде всего валового накопления). Кризис 2015–2016 гг. стоит особняком: в текущих ценах доля потребления упала, а валового накопления — выросла. Однако расчет указанных компонентов в постоянных ценах (табл. 7) показывает, что в реальном выражении в 2015–2016 гг. доля потребления тоже сокращалась. Доля валового накопления несколько снизилась в 2015 г., но увеличилась в 2016 г., что отличает указанный кризис от кризисов 1998 и 2009 гг., когда доля валового накопления в реальном выражении сокращалась весьма существенно. Отличия указанных кризисов прослеживаются и по показателю «изменение запасов материальных оборотных средств»: в кризисы 1998 и 2009 гг. запасы сокращались (о чем говорит знак «минус»), а в 2015–2016 гг. — напротив, росли.

Таблица 6

ВВП по расходам в текущих ценах, % к итогу

Показатели	1995	1998	2002	2007	2009	2011	2014	2015	2016
Конечное потребление домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства (НКО)	52,09	57,47	51,22	48,78	54,64	50,57	53,44	52,35	51,42
Конечное потребление государственного управления	19,08	18,73	17,95	17,30	20,79	18,05	17,94	17,47	17,98
Валовое накопление	25,44	14,96	20,05	24,16	18,93	24,98	22,14	22,37	23,78
— основного капитала	21,08	16,15	17,92	21,00	22,00	21,35	21,14	20,74	21,13
— изменение запасов материальных оборотных средств	4,36	−1,19	2,13	3,17	−3,07	3,63	0,99	1,63	2,65
Чистый экспорт	3,40	6,67	10,79	8,62	7,44	8,53	6,48	8,06	4,97
— экспорт (внешний спрос)	29,29	31,22	35,25	30,16	27,94	30,27	27,05	28,67	25,54
— импорт (с «−»)	−25,89	−24,55	−24,46	−21,54	−20,50	−21,73	−20,57	−20,60	−20,57
Статистическое расхождение	0,00	2,16	−0,02	1,14	−1,79	−0,57	0,00	−0,24	1,85
Внутренний спрос	70,71	68,78	64,75	69,84	72,06	69,73	72,95	71,33	74,46

Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 7

ВВП по расходам в постоянных ценах¹, % к итогу

Показатели	1995	1998	2002	2007	2009	2011	2014	2015	2016
Конечное потребление домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства (НКО)	50,56	52,79	39,05	46,61	50,32	50,57	54,73	50,85	48,45
Конечное потребление государственного управления	20,22	22,22	23,40	18,16	19,22	18,21	17,54	17,49	17,49
Валовое накопление	27,68	13,52	17,29	24,29	16,32	23,09	20,04	17,95	18,58
Чистый экспорт	3,88	11,16	19,50	12,52	15,70	8,13	8,50	15,09	16,60
— экспорт (внешний спрос)	27,11	30,82	30,76	32,76	32,36	28,25	28,51	30,42	31,21
— импорт (с «←»)	-20,67	-18,77	-11,26	-20,24	-16,66	-20,12	-20,01	-15,33	-14,61
Статистическое расхождение	-3,80	-1,22	-0,91	-1,46	-1,56	0,00	-0,60	-1,08	-1,10
Внутренний спрос	77,80	69,76	67,57	67,36	67,64	71,75	71,70	69,88	68,81

Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Следует отметить противоречивые изменения в соотношении внутреннего и внешнего спроса — в зависимости от того, берутся ли указанные компоненты в текущих либо в постоянных ценах. Так, по данным табл. 6 можно отметить сокращение доли экспорта и соответственно повышение доли внутреннего спроса. При этом «вклад» импорта практически не изменился с 2007 г., хотя и снизился по сравнению с началом 2000-х гг.: импорт «съедает» чуть выше 20% совокупного спроса. Иначе говоря, рост вклада внутреннего спроса произошел не за счет сокращения импорта, а за счет снижения экспорта.

Однако анализ структуры ВВП в постоянных ценах (табл. 7) позволяет сделать вывод, что сокращение вклада экспорта, отмеченное в табл. 6, произошло исключительно за счет снижения цен на экспортируемые товары. В реальном выражении доля экспорта в ВВП не только не снизилась, но даже несколько выросла в последние годы, а в целом за рассматрива-

¹ Для периода 1995–1998 гг. — в ценах 2003 г., для 2002–2009 гг. — в ценах 2008 г., для 2011–2016 гг. — в ценах 2011 г.

емый период колебалась на уровне 30%. То есть российская экономика компенсировала падение экспортных цен в последние годы некоторым увеличением объема экспорта. Соответственно, произошло некоторое сокращение вклада внутреннего спроса. По сравнению с серединой 1990-х гг. произошло снижение доли валового накопления и внутреннего спроса, однако на указанные соотношения могло повлиять изменение структуры относительных цен (данные за 1995 г. Росстат дает в ценах 2003 г.), что снижает ценность данного вывода. Отсутствие в статистике Росстата длительных динамических рядов в неизменных ценах затрудняет проведение сопоставлений воспроизводственной структуры ВВП разных лет¹.

Перейдем теперь к динамическому анализу структуры ВВП со стороны совокупного спроса. Расчет вклада основных компонентов совокупного спроса в накопленный прирост ВВП, взятый в постоянных ценах, представлен в табл. 8. При этом данные за 2012–2016 гг. напрямую не сопоставимы с данными 2003–2011 гг., поскольку имеет место ценовой сдвиг при их исчислении.

Таблица 8

Структура накопленного прироста (+) / спада (–) ВВП по компонентам совокупного спроса², % к итогу

Виды экономической деятельности	2003–2008 к 2002	2009 к 2008	2010–2011 к 2009	2003–2011 к 2002	2012–2016 к 2011	2015–2016 к 2014
Прирост/ сокращение ВВП, итого	100	–100	100	100	100	–100
Конечное потребление домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства (НКО)	68,15	–32,14	70,37	76,91	–41,84	–252,46
Конечное потребление государственного управления	6,95	–1,41	–0,23	6,48	–13,43	–19,21

¹ Проблемы российской статистики, с которыми сталкивается исследователь при анализе макроэкономической динамики, подробно освещены в статье: *Бессонов В.* Что сохранил для истории современная российская статистика? // Вопросы экономики. 2015. № 1.

² Данные за 2003–2011 гг. рассчитаны в ценах 2008 г., данные за 2012–2016 гг. – в ценах 2011 г.

Окончание табл. 8

Виды экономической деятельности	2003–2008 к 2002	2009 к 2008	2010–2011 к 2009	2003–2011 к 2002	2012–2016 к 2011	2015–2016 к 2014
Валовое накопление	41,56	–133,71	101,09	34,87	–173,57	–66,08
Чистый экспорт	–10,83	66,89	–68,80	–12,01	377,76	246,44
— экспорт (внешний спрос)	32,38	–18,96	26,66	34,06	157,32	56,46
— импорт (с «←»)	–43,21	85,85	–95,46	–46,08	220,44	189,98
Статистическое расхождение	–2,56	0,37	–3,06	–3,18	–48,18	–15,14
Внутренний спрос ¹	67,62	–81,04	73,34	65,94	–52,32	–156,46

Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Структурные факторы экономического роста в 2000-е гг. со стороны спроса — это прежде всего конечное потребление домашних хозяйств и валовое накопление. При этом почти треть прироста реального ВВП пришлась на экспорт, однако импорт в реальном выражении увеличивался быстрее, поэтому статистически вклад реального чистого экспорта оказывается отрицательным. Необходимо также проводить субординацию указанных факторов с выделением ключевой роли экспорта. Так, рост экспорта увеличивал доходы соответствующих отраслей и связанного с ними сектора торговли и услуг, а также доходы бюджета. Указанные доходы трансформировались в потребительские и инвестиционные расходы, что дополнительно стимулировало рост ВВП. При этом часть потребления и инвестиций покрывалась растущим импортом, что являлось дестимулирующим фактором по отношению к внутреннему производству. Данная модель роста работала как в 2002–2008 гг., так и в короткий период восстановления после кризиса 2009 г. (2010–2011 гг.), что подтверждают данные табл. 8. Напротив, в период 2012–2016 гг. эта модель перестала работать: несмотря на рост «вклада» экспорта и сокращение импорта (что как фактор роста российского продукта оценивается со знаком «+»), не происходило последующего мультипликативного наращивания потребления и накопления. Вклад обоих этих компонентов оставался отрицательным за весь указанный период (хотя максимальный спад потребления пришелся на 2015–2016 гг.). Отметим также чрезвычайно высо-

¹ Внутренний спрос рассчитан как разность между приростом (спадом) ВВП и вкладом внешнего спроса, так как прямое суммирование вклада компонентов внутреннего спроса дает не совсем точный результат из-за статистических искажений.

кие показатели для компонента «статистическое расхождение»: почти 50% для 2012–2016 гг. Это свидетельствует о падении качества статистики ВВП по расходам для периода 2012–2016 гг., неучтенных расходах по основным компонентам совокупного спроса, сложности с корректной оценкой динамики экспорта и импорта. Качество анализа структурных факторов роста (спада) ВВП со стороны спроса (табл. 8) оказывается в этом случае ниже по сравнению с качеством анализа факторов предложения (см. табл. 4). Сопоставляя обе таблицы, можно отметить, что отрицательная динамика валового накопления (по спросу –66 п.п. в 2015–2016 гг.) соответствует спаду в строительстве и отчасти — в обрабатывающих производствах (по предложению –41 п.п. соответственно), а снижение потребительского спроса отчасти можно сопоставить с сокращением экономической активности в оптовой и розничной торговле (предложение — почти –80 п.п.). Кроме того, огромный отрицательный вклад потребительского спроса следует соотнести с падением импорта, ведь значительная часть потребления покрывалась импортом. Таким образом, из сопоставления структуры падения ВВП в 2015–2016 гг. по спросу и предложению получаем, что сокращение вклада внутреннего спроса на 156 п.п. соответствовало сокращению вклада в ВДС обрабатывающих производств, строительства, торговли, гостиниц и ресторанов, транспорта, финансовой деятельности и здравоохранения — в сумме на 134 п.п. Разница относится как на статистическое расхождение, так и на различие между ВДС и ВВП (в первом случае не учитываются косвенные налоги на продукты). Кризис 2015–2016 гг. сопровождался структурными сдвигами в экономике как по спросу, так и по предложению.

Более точная картина структурных изменений в воспроизводстве национального продукта в России может быть получена, если учесть по каждому виду экономической деятельности доли продукции (услуг), идущие на потребление, накопление и экспорт (в постоянных ценах). Однако такое детализированное представление данных в Росстате отсутствует.

5. Социальный аспект воспроизводственной структуры ВВП России

Перейдем теперь к анализу структуры конечного продукта в социальном аспекте — как соотношения доходов от труда и капитала (табл. 9). Следует отметить, что предоставляемая российской статистикой информация в этом случае является недостаточно полной. Так, Росстат дает данные о структуре ВВП по доходам в номинальном выражении, но отсутствуют данные о структуре реальных доходов в ВВП — их можно оценить лишь косвенным образом. Кроме того, с 2011 г. имели место изменения в методологии расчета указанных показателей. Данные за 2011-й и после-

дующие годы отличаются от итогов за предыдущие годы на величину изменений, связанных с внедрением международной методологии оценки жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья; оценкой потребления основного капитала исходя из его текущей рыночной стоимости; актуализацией данных по итогам разработки базовых таблиц «Затраты – выпуск» за 2011 г., включением оценки услуг домашних работников (домашней прислуги), а также использованием финансового счета, разрабатываемого Банком России, при определении скрытой оплаты труда. С 2014 г. при расчете показателей учтен ряд положений СНС 2008 г.

Таблица 9

Структура ВВП по доходам, % к итогу

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Оплата труда наемных работников	48,1	40,1	40,2	42,7	46,8	47,1	46,1	43,8	44,5	46,7
Чистые налоги на производство и импорт	16,0	15,7	17,1	15,4	17,1	16,0	16,9	19,7	20,0	19,2
Валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	35,9	44,2	42,7	41,9	36,1	36,9	37,0	36,5	35,5	34,1
Год	2008	2009	2010	2011	2011*	2012	2013	2014*	2015	2016
Оплата труда наемных работников	47,4	52,6	49,6	49,6	43,9	44,2	46,7	47,2	45,1	46,7
Чистые налоги на производство и импорт	19,9	16,6	17,8	19,3	14,6	14,7	14,2	13,9	11,1	10,9
Валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	32,7	30,8	32,6	31,1	41,5	41,1	39,1	38,9	43,8	42,4

* С указанного периода изменена методология расчета показателей.

Источник: Росстат. URL: <http://www.gks.ru>

Указанные изменения в статистической методологии существенно повлияли на «вклад» валовой прибыли в ВВП. Для оценки последствий этих изменений можно сравнить две колонки данных за 2011 г. — до изменения методологии расчетов и после (см. табл. 9). В результате доля валовой прибыли в структуре ВВП статистически выросла на 10,4 п.п.,

доля заработной платы снизилась на 5,7 п.п., доля чистых налогов также сократилась на 4,7 п.п. Используя указанные соотношения для 2011 г., можно дать примерную оценку структуры ВВП по доходам в последующие периоды для более корректного сопоставления с данными до 2011 г. Так, для 2016 г. получится, что доля заработной платы составила бы 52,7%, чистых налогов — 14,4%, валовой прибыли — около 32%. Иными словами, наблюдаемый рост доли валовой прибыли и снижение доли заработной платы в ВВП являются в большей степени результатами изменения статистической методологии расчета указанных показателей, нежели следствием реальных экономических процессов. На это обстоятельство указывает и Р. Капелюшников, критикуя тезис об усилении неравенства в доходах между капиталом и трудом в последние годы. Ссылаясь на исследование Рогнайла¹, он пишет, что «рост доли капитала в ВВП произошел *полностью* за счет увеличения доходов от «жилищного» капитала, тогда как доля доходов от «бизнес»-капитала снизилась. По методологии СНС, владельцам жилья вменяется доход, как если бы они арендовали его у самих себя. Из-за непрерывного роста стоимости жилья этот временный доход также быстро увеличивался. По расчетам Рогнайла, доля «жилищного» капитала в чистой добавленной стоимости частного сектора стран G7 повысилась примерно с 3% в конце 1940-х гг. до 9% в настоящее время, в то время как доля «бизнес»-капитала снизилась примерно с 23 до 20%»². И хотя с критикой Р. Капелюшниковым тезиса о растущем неравенстве в мире не во всем можно согласиться, но в данном случае аргументы, подтверждающие во многом статистическую природу повышения доли капитала в ВВП, являются вполне обоснованными.

Таким образом, с учетом поправки на изменение статистической методологии на протяжении постсоветского периода в структуре ВВП по доходам можно отметить слабо выраженную тенденцию к повышению доли заработной платы с 40–42% в начале 2000-х гг. до 48–50% в настоящее время. Доля валовой прибыли в этом случае несколько сократилась с 40–42% в начале 2000-х гг. до примерно 33% в настоящее время. Чистые налоги на производство и импорт являются наименее стабильным компонентом ВВП по доходам, колеблясь от 15 до 20%. Для проведения более корректных сопоставлений необходимо пересчитать весь предыдущий ряд данных по новой методологии, однако в настоящее время такие расчеты Росстатом не проведены.

---

¹ *Rognile M.* Deciphering the fall and rise in the net capital share: Accumulation or scarcity? // *Brookings Papers on Economic Activity.* 2015. Spring. P. 1–54.

² *Капелюшников Р.* Неравенство: как не примитивизировать проблему // *Вопросы экономики.* 2017. № 4. С. 132.

В связи с недостаточной репрезентативностью данных о структуре ВВП по доходам для оценки социальной стороны воспроизводства проанализируем данные о динамике реальных доходов населения, доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в сопоставлении с динамикой реального ВВП (табл. 10).

Социальные результаты воспроизводства национальной экономики и экономического роста в постсоветский период оказываются неоднозначными. Если период роста 2000-х гг. характеризовался, с одной стороны, ускоренным ростом располагаемых доходов населения по сравнению с динамикой ВВП и сокращением как численности, так и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, а с другой стороны, повышением социального неравенства (рост коэффициентов фондов и Джини)¹, то на этапе «новой нормальности», наблюдающемся в стране с 2011 г. по настоящее время, произошло ухудшение социальных показателей воспроизводства. Так, в отличие от кризиса 2009 г., когда удалось избежать падения реальных располагаемых доходов населения, в 2014–2016 гг. имел место спад указанного показателя, причем более глубокий по сравнению с падением ВВП. Был зафиксирован рост доли населения с доходами ниже прожиточного минимума и сокращение среднедушевых доходов населения по отношению к величине прожиточного минимума, что также является негативным социальным результатом сложившейся модели воспроизводства и подтверждает исчерпание сырьевой модели роста в ее социальных аспектах.

Таблица 10

Социальные показатели воспроизводства и экономического роста в России

Год	Темпы прироста реального ВВП, %	Темпы прироста реальных располагаемых доходов населения, %	Население с доходами ниже прожиточного минимума, % от общей численности населения	Соотношение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума, разы	Коэффициент фондов	Коэффициент Джини
1999	6,4	–12	28,4	–	14,1	0,400
2000	10,0	12	29,0	1,885	13,9	0,395
2001	5,1	9	27,5	2,041	13,9	0,397

¹ Подробнее о социальных результатах экономического роста в России см.: *Теняков И. М.* Современный экономический рост: источники, факторы, качество. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015. С. 136–140.

Окончание табл. 10

Год	Темпы прироста реального ВВП, %	Темпы прироста реальных располагаемых доходов населения, %	Население с доходами ниже прожиточного минимума, % от общей численности населения	Соотношение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума, разы	Коэффициент фондов	Коэффициент Джини
2002	4,7	11	24,6	2,183	14,0	0,397
2003	7,3	15	20,3	2,447	14,5	0,403
2004	7,2	10	17,6	2,693	15,2	0,409
2005	6,4	12	17,8	2,68	15,2	0,409
2006	8,2	13	15,2	2,968	15,9	0,415
2007	8,5	12	13,3	3,26	16,7	0,422
2008	5,2	2,4	13,4	3,236	16,6	0,421
2009	-7,8	3,0	13,0	3,279	16,6	0,421
2010	4,5	5,9	12,5	3,333	16,6	0,421
2011	4,3	0,5	12,7	3,263	16,2	0,417
2012	3,5	4,6	10,7	3,567	16,4	0,420
2013	1,3	4,0	10,8	3,549	16,3	0,419
2014	0,7	-0,7	11,2	3,449	16,0	0,416
2015	-2,8	-3,2	13,3	3,141	15,7	0,413
2016	-0,2	-5,9	13,5	3,128	15,7	0,414

Источники: Росстат. URL: <http://www.gks.ru>; Социальное положение и уровень жизни населения России. Росстат, 2003 (с. 108), 2008 (с. 104), 2014 (с. 88); расчеты автора.

6. Возможности для экономического роста: соотношение между сбережениями и инвестициями

В заключение рассмотрим вопрос о соотношении между национальными сбережениями и внутренними инвестициями в России. Данное соотношение характеризует воспроизводство национальной экономики в ее взаимосвязи с мировой экономикой: используются ли национальные сбережения преимущественно для внутреннего воспроизводства, или они являются одним из источников для воспроизводства остального мира. Данные о национальных сбережениях и валовом накоплении основного капитала представлены в табл. 11.

Таблица 11

Соотношение сбережений и накопления в России, % к ВВП

Год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Валовое сбережение (ВС)	21,94	19,32	28,23	36,16	32,53	28,81	28,29	30,31	30,56	30,72
Валовое накопление основного капитала (ВН)	18,29	16,15	14,39	16,86	18,89	17,92	18,41	18,39	17,76	18,50
ВС – ВН	3,64	3,17	13,84	19,29	13,64	10,89	9,87	11,93	12,80	12,22
Чистое кредитование/ займствование	-0,24	1,99	13,18	21,57	7,96	5,16	8,01	9,71	9,37	9,63
Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Валовое сбережение (ВС)	31,30	30,17	21,10	26,36	27,98	26,21	22,32	25,00	27,17	27,33
Валовое накопление основного капитала (ВН)	21,00	22,29	22,00	21,63	19,99	20,20	20,22	21,25	20,74	21,05
ВС – ВН	10,31	7,88	-0,90	4,73	7,99	6,01	2,10	3,75	6,43	6,28
Чистое кредитование/ займствование	5,21	6,14	2,97	4,64	4,89	3,11	1,59	0,41	5,01	1,95

Источник: рассчитано по данным Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

Из анализа табл. 11 следует, что на протяжении последних 20 лет чистое кредитование Россией остального мира оставалось положительным (исключение — 1997 г., не является значительным). Разрыв между валовым сбережением и валовым накоплением основного капитала за отдельными исключениями (2000, 2009) превышал показатель чистого кредитования остального мира. Эта разница статистически относится в том числе на показатель «изменение запасов материальных оборотных средств» (т.е. часть сбережений как бы связывается в форме накопленных запасов), а также на статистическое расхождение, которое в ряде случаев оказывается весьма существенной величиной. Так, оно составило в 1998 г. более 2% ВВП, в 2008–2009 гг. –1,5 и –1,8% ВВП, в 2015 г. –2% ВВП. По этой причине проблематично дать точную оценку национального продукта России, идущего на нужды воспроизводства остального мира. Однако даже показатели, приведенные в табл. 11, свидетельствуют о весьма высоком вкладе

России в воспроизводство остального мира в ущерб внутренней экономике. В среднем этот вклад составлял ежегодно 7,6% ВВП в 2001–2008 гг. В период после кризиса 2009 г. указанный показатель сократился до 5,3% в среднем за 2010–2016 гг., что является положительной тенденцией. Следует, однако, учитывать и влияние изменений в статистической методологии, внедренных в практику с 2014 г., что не позволяет корректно сопоставлять показатели 2014–2016 гг. с показателями предыдущего периода. Сокращение разрыва между валовым сбережением и валовым накоплением основного капитала свидетельствует об исчерпании в перспективе такого источника накопления, как неиспользуемые сбережения. В этой связи продолжение вывоза капитала за границу (что отражает косвенно показатель чистого кредитования остального мира) ставит под угрозу возможность устойчивого расширенного воспроизводства национальной экономики. Необходимо усилить государственное регулирование в сфере вывоза капитала в целях недопущения дальнейшего использования российского экономического потенциала в качестве донора для мировой экономики (прежде всего — развитых капиталистических стран), переориентации сбережений на накопление капитала внутри страны и стимулирование внутреннего производства и экономического роста.

ГЛАВА 6

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ СФОРМИРОВАВШЕЙСЯ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

После начала радикальных рыночных преобразований в России прошло почти три десятилетия. За этот срок потенции нового экономического строя должны были реализоваться в достаточно полной мере. Как можно количественно выразить результаты проведенных преобразований? Самым обобщенным образом это проявляется в темпах роста реального ВВП, несмотря на известные и критикуемые недостатки этого макроэкономического показателя. Резкий и масштабный трансформационный спад российской экономики в 1990-е гг. сократил объем ВВП почти в 2 раза, а начавшийся было в 1997 г. подъем экономики был прерван кризисными событиями 1998 г., которые еще больше углубили катастрофическое падение производства в стране¹.

Наконец, с 1999 г. началось восстановление экономики. Годы первого десятилетия нынешнего века в нашей стране получили впоследствии название «тучных лет». Произошло немало позитивных изменений в российской экономике: прекратилось падение производства, среднегодовые темпы прироста экономики оказались весьма высокими (примерно 7–8% в год), страна практически рассчиталась со своими внешними долгами, были накоплены беспрецедентные для России по масштабу золотовалютные резервы, средний жизненный уровень населения не только вернулся к 1990 г., но и превзошел его.

Казалось бы, начавшееся наконец «триумфальное шествие» рынка в России ведет нас к становлению действительно гармоничной саморегулирующейся экономики современного типа. Однако уже осенью 2008 г. кризис разразился в нашей стране. И хотя его «застрельщиком» можно считать мировой экономический кризис, начавшийся в финансовой сфере, а затем перекинувшийся на реальный сектор мировой экономики и внешнеэкономические отношения, приоритетными причинами кризиса 2008–2009 гг. в России все же следует считать внутренние причины. Не случайно, что глубина этого кризиса в нашей стране оказалась самой большой среди

---

¹ Россия в цифрах. 2010: кратк. стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 30–31.

первой двадцатки экономик мира. Этот кризис еще раз показал, что российская экономика по-прежнему является чрезмерно уязвимой от внешних «шоков», сильно зависимой от мировых экономических процессов, тем самым еще раз выявив ее периферийный характер, проистекающий в конечном счете из ее структурных диспропорций (прежде всего энерго-сырьевого характера экономики), слабости технологической базы, воспроизводственных и институциональных деформаций. Попыткой обернуть нашу слабость в наше преимущество было выдвижение концепции «Россия — ведущая энергетическая держава планеты». Но почти сразу стала видна однобокость этой концепции: и в аспекте выбора приоритета развития, и в более конкретном аспекте, имея в виду, что если по объемам добычи и экспорта нефти, газа, угля Россия действительно занимала лидирующие позиции в мире, то по техническому обеспечению этих отраслей она в значительной мере оставалась зависимой от импорта западных новых технологий и оборудования. Концентрированным выражением внутренних причин неустойчивости российской экономики следует считать неадекватность и неэффективность сложившейся отечественной модели экономического развития.

Постепенный выход нашей экономики из кризиса 2008–2009 гг. формально завершился примерно в 2012 г. И когда казалось, что Россия выходит на прочную траекторию развития, темпы прироста реального ВВП вновь начали заметно замедляться, войдя в 2015–2016 гг. в полосу отрицательных значений. Стало ясно, что позитивное влияние высоких нефтегазовых цен на нашу экономику, характерное для «тучных лет», куда-то исчезло. Другим выводом, более определенным, стало понимание того, что сформировавшаяся в стране модель воспроизводства ведет экономику к стагнации.

Итогом второго десятилетия стал суммарный прирост ВВП всего на 4–5%, т.е. достижение менее 1% среднегодового прироста ВВП, что заметно ниже среднегодового прироста мирового ВВП за тот же период¹. Если же подвести итоги экономического развития России за три последних десятилетия, то придем к следующему выводу: российская экономика выходит на среднегодовой темп прироста за этот продолжительный период примерно в 0,4–0,5%. Если сравнить эти значения с китайскими среднегодовыми темпами прироста примерно в 8–9% за несколько больший период — четыре десятилетия (с 1980 г.), то напрашивается вывод о том, что модели преобразований российского и китайского типов различаются своей эффективностью. Не нужно быть марксистом, чтобы признать: китайские преобразования дали более широкий простор развитию производительных сил в отличие от российских преобразований.

---

¹ Российская газета. 2017. 23 сент.

Как же можно коротко охарактеризовать сложившуюся модель российской экономики? Кроме уже отмеченной важной черты — периферийного характера экономического развития, отметим следующие. Российская экономика — это уже действительно экономика с заметными чертами рыночно-капиталистической системы — такими как отделение непосредственного производителя от средств производства; преобладание частного предпринимательства и присвоения; типично рыночные механизмы регулирования пропорций народного хозяйства (прежде всего в форме перелива капитала в отрасли с нормой прибыли выше средней); формирование рыночных институтов; господство крупного капитала и другие классические характеристики указанного строя. Но для него присущи и такие черты, как сращивание частного крупного капитала с государством; глубокое социально-экономическое расслоение населения; паразитирование крупного капитала на государственных финансах; большой государственный сектор экономики, дающие основания для выводов о «государственном капитализме» или «мутантном капитализме». Признавая эти характеристики, стоит задуматься над тем, насколько они соответствуют критериям современной смешанной экономики, предполагающей наличие и социальной, и инновационно-технологической ориентации, отражающей передовые тренды современного социально-экономического развития.

Следующая особенность связана с историческими чертами формирования рыночной экономики в современной России — такими, как высокая скорость и шоковый характер преобразований, одномоментное открытие почти всего внутреннего рынка в условиях низкой конкурентоспособности большей части производственного потенциала страны, «прихватизация» собственности, активное внешнее влияние и т.п. На все это наложились экономическая тяжесть и последствия развала крупной страны с единым народно-хозяйственным комплексом. «Родимые пятна» преобразований 1990-х гг. дают знать о себе до сих пор, воплощаясь в деформациях сложившейся модели экономики.

Не менее важно еще одно обстоятельство: Россия стала входить в мировой рынок в условиях развития такой модели глобализации, которая с самого начала формировалась как американоцентристская: в ней американский капитал не просто является лидером по многим параметрам, но и диктует всему миру условия и правила ведения экономической и политической «игры».

Нынешний мировой экономический порядок является во многом результатом сформировавшегося после Второй мировой войны господства американского крупного капитала. Это господство сохраняется до сих пор, несмотря на то что роль американской экономики в мире количественно постоянно снижается. Достаточно нескольких цифр, чтобы показать это: сразу после войны в США производилось 46% мирового ВВП, а в 2017 г. —

только около 16%¹. Формально на первое место в мире по производству ВВП уже вышел Китай. Однако американоцентризм и роль США в мире обусловлены не только экономической мощью этой страны. Для мира эта роль американской экономики до сих пор в немалой степени обусловлена ролью американской валюты, да и всей системой мировых финансов. Казалось бы, растущий внешний долг США потихоньку должен подрывать финансовое господство этой страны в мире. Однако в самом правящем классе США постепенно формируется единство во взгляде на то, что США могут позволять себе и в ближайшей перспективе безнаказанно наращивать этот долг, вообще не ставя под удар роль доллара как мировой резервной валюты. Этот долг является не только одним из средств эксплуатировать мир, но и удерживать его от покушений на само господство доллара. При этом у США остаются «в рукаве» и другие, крайние возможности решения проблемы своего госдолга.

Еще одним фактором поддержания своей значительной роли в мировой экономике является сохраняющееся лидерство США в научно-технической сфере. По числу зарегистрированных в год патентов, научных открытий, Нобелевских премий и лауреатов, по затратам на научные исследования США остаются прочно на первом месте в мире. Причем спектр этих исследований очень широк — от фундаментальных до прикладных. США остаются до сих пор и притягательным местом приложения капитала, работы для многих ученых и предпринимателей всего мира. В США (данные за 2017 г.) работает 160 суперкомпьютеров. Для сравнения: в России их шесть, в КНР — 169². Эти конкретные данные меняются очень быстро, но в своей основе указанное соотношение сохраняется. К сожалению, Россия совсем недавно выбыла из списка первой десятки стран мира по этому показателю. В списке ведущих университетов мира единственный российский университет — МГУ.

США остаются и самой мощной военной силой на планете. Прямое военное присутствие вооруженных сил США в мире поразительно: в условиях мирного времени они сохраняют свои военные базы в более чем 70 странах мира. Причем их военные расходы сохраняются на очень высоком уровне, превышая такие же суммарные расходы всех остальных стран мира. Даже если исключить из военного бюджета США значительные расходы на содержание военнослужащих и солидные пенсии отставников, остальные виды расходов, включая расходы на оборонные исследования, превышают такие же суммарные расходы всего остального мира³.

---

¹ Statistical Abstract of the United States. 1989. P. 846; Statistical Abstract of the United States. 2016. P. 738.

² Supercomputers. Top-500.

³ The Military Balance 2016. IISS, February 2016.

Остается огромным политическое влияние США на мир, что позволяет им сохранять свою финансовую и экономическую роль, несмотря на относительное ослабление собственно экономических позиций в мире. Наконец, правовая система США остается уникальным инструментом внешней экспансии этой страны: в ней законодательно закреплён приоритет американских законов над международным правом, что даёт США юридические рычаги влияния на весь мир.

В рамках такой американоцентричной модели глобализации России заведомо отводилась роль периферийной экономики. В новых мирохозяйственных и геополитических условиях внешнее воздействие проявляется в форме всякого рода санкций, применяемых к России со стороны прежде всего США и других западных стран. Объявленная нам санкционная война — это фактически объявление экономической войны России. Если во времена СССР негативное отношение к нашей стране прикрывалось антикоммунизмом, то теперь антироссийская позиция сформулирована вполне открыто и законодательно.

Все это объективно ограничивает наши возможности экономического развития, хотя все не так однозначно. Внешнее давление, оказываемое на Россию, показывает наши слабые места и необходимость их преодоления, заставляет запускать процесс импортозамещения, проводить структурную перестройку отечественной экономики, обеспечивать инновационное развитие, повышать уровень национальной экономической безопасности. Важно при этом не увлечься контрсанкционной политикой, чисто внешнеэкономическими решениями; необходимо в приоритетном порядке проводить внутренние изменения в экономике, очищать ее от накопившихся деформаций воспроизводственного, технологического, социального, институционального характера.

К одной из таких вопиющих деформаций относится глубокое социальное расслоение российского общества. По всем показателям — измерителям экономического неравенства Россия не только сохраняет «лидирующие» позиции среди крупных стран мира, но и демонстрирует рост этих показателей. За последние три года, по официальным данным¹, россияне обеднели на 20% (по уровню реальных денежных доходов), около 23 млн человек получают доход ниже прожиточного уровня. Это происходит на фоне сообщений о том, что в 1916 г. число долларовых миллионеров в России возросло примерно на 20%. Остается едва ли не самым низким среди значимых стран мира налог на дивиденды в России: а ведь предприниматели имеют возможность превращать прибыли в личные доходы не через свои заработные платы, а прежде всего через получение дивидендов, бонусов и премий. Топ-менеджеры даже государственных корпораций

---

¹ Данные Росстата за 2017 г.

получают в год десятки миллионов долларов независимо от результатов деятельности управляемых ими корпораций. Глубокое социальное расслоение содержит не только опасность социальных катаклизмов; оно снижает возможности наращивания человеческого потенциала, а значит, и экономического потенциала страны в целом, что прямо влияет на национальную конкурентоспособность. Это касается и других деформаций, характерных для сложившейся в России экономической модели.

Каковы же возможные оценки перспектив такой модели развития России? По большому счету у этой модели нет позитивных перспектив. В случае попыток (пусть и завуалированных) ее сохранения страну ожидает или нарастание противоречий и «смут» в обществе, или так называемая «аргентинизация». Последний термин взят из истории Аргентины. В начале XX в. эта страна была ведущей экономикой Южной и Латинской Америки. Но через столетие она уступила это место ряду других стран этого континента. При этом Аргентина до сих пор обладает довольно развитым промышленным потенциалом, не скатилась на последние позиции в мире по экономическим показателям. Но ее роль в экономике Латинской Америки многократно уменьшилась, а уровень экономического развития и средней обеспеченности граждан страны за столетие резко снизились. Таков один из возможных сценариев сохранения изжившей себя модели. Таким образом, сложившаяся в России модель имеет явные пределы своего существования.

Россия нуждается в новой экономической модели, которая, учитывая отечественные реалии и особенности, вбирала бы в себя прогрессивные тренды мирового социально-экономического и технологического развития, обеспечивала высокую эффективность и конкурентоспособность экономики, реализовывала стратегические задачи национального экономического развития.

Если бы принятый в 2014 г. Закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» использовать как средство решения стоящих перед страной задач, а выдвижение патриотической национальной идеологии — как целеполагание, приемлемое для всех слоев народа, то страна могла бы сделать реальный рывок в своем развитии. Современный опыт ряда стран убедительно показывает реальность такого решения масштабных национальных задач.

ГЛАВА 7

ОСНОВНЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ СЛОЖИВШЕЙСЯ В РОССИИ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Экономический кризис, которым характеризуются 2015–2016 гг. в России, самый затяжной в новейшей истории страны, не считая трансформационного спада 1990-х гг. Сокращение ВВП продолжается уже восемь кварталов подряд, наблюдается значительное снижение реальных доходов населения на 14% за два последних года. После кризиса 2009 г. российская экономика так и не смогла оправиться и выйти на докризисные темпы роста.

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели Российской Федерации, % к предыдущему году

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Валовой внутренний продукт	108,5	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3	100,7	96,3	99,4
Продукция промышленности	107	100,6	91	107	105	103	100	102	96,6	
Продукция сельского хозяйства	103	111	101	89	123	95	106	104	103	
Инвестиции в основной капитал	123	110	87	106	111	107	99,7	98,5	91,6	

Источник: URL: <http://www.cisstat.com/>

За последние пять лет (начиная с 2012 г.) среднегодовые темпы роста ВВП страны составили 0,19%, что крайне мало — фактически экономический рост отсутствовал. Такая ситуация тем более драматична на фоне того, что весь остальной мир продолжал развиваться довольно высокими темпами. Мировой ВВП в 2014–2015 гг. рос темпом 3,4 и 3,1% соответственно (в 2016 г. — 3,2% роста). Развитые экономики росли

с темпами 1,8 и 1,9%, развивающиеся экономики — с темпами 4,6 и 4,0% за эти годы. Если взять отдельные, наиболее значимые для нас страны, то Германия росла в эти годы с темпами 1,6 и 1,5%; Великобритания — 2,9 и 2,2% (в 2016 г. в целом экономика Евросоюза выросла на 1,7%); США — 2,4 и 2,5%; Китай — 7,3 и 6,9; Индия — 7,3 и 7,3%. Отрицательные темпы роста имели лишь небольшое количество стран: Россия, Украина, Белоруссия, Бразилия, Венесуэла¹. Такая ситуация означает быстрое отставание РФ от других стран — соперниц по экономическому соревнованию. А если учесть, что российская экономика никогда не была в числе передовых, то это отставание носит стратегический характер.

Перед Россией вновь во всю силу встал вопрос возможности ее дальнейшего существования в той исторической определенности, которая сложилась к этому времени. Фактически это был первый вызов в XXI в., на который России только предстоит дать ответ.

К началу второго десятилетия XXI в. в одну болевую точку сложилось несколько негативных событий, предопределивших начало кризиса: во-первых, после 2010 г. отчетливо наметилась тенденция на затухание темпов экономического роста в России с последующим переходом его уже в 2015 г. в полномасштабный кризис. Во-вторых, начался этап понижательного движения цен на нефтегазовое сырье — основной товар российского экспорта. Это уменьшило поступление в страну необходимой валюты, снизило доходы государственного бюджета и той части населения, которая кормилась от этого бюджета. В-третьих, Россия оказалась в чувствительной изоляции со стороны наиболее развитых стран Запада, которые ввели против страны целый комплекс ограничительных мер. Главными из них стали финансовые ограничения, лишившие страну дешевого западного кредита и инвестиционного ресурса. Результатом последних действий стала резкая девальвация национальной валюты (практически на 100% в 2014 г.), быстрый рост цен на товары, отстранение страны от критически важных для дальнейшего развития передовых технологий. Девальвация рубля одномоментно вдвое уменьшила рублевые доходы населения в валютном эквиваленте, а удвоившаяся инфляция обесценила эти доходы в товарном наполнении. Как следствие — значительное падение совокупного внутреннего спроса, что привело к падению в 2015 г. реального производства.

Эти три удара по России поставили перед ней в очередной раз за последние 100 лет вопрос, как развиваться дальше.

В чем причина таких печальных событий, учитывая, что цены на главный российский продукт — нефть, до осени 2014 г. находились

---

¹ *Май В.* Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 12.

на достаточно высоком уровне — свыше 100 долл. за баррель? Из объяснения причин такой ситуации необходимо сразу исключить наложенные на Россию санкции со стороны США и их союзников. Они начали действовать только с лета 2014 г., а экономика страны затормозила, а потом и остановилась начиная с 2012 г., т.е. задолго до украинских событий. Да и в дальнейшем санкции не оказали существенного влияния на экономику России. В 2014 г. ЦБ прогнозировал, что санкции «отъедят» не более 0,2 п.п. ВВП в 2015 г. и не более 0,3 п.п. в 2016 г., и эти прогнозы оправдались. На состояние платежного баланса санкции также не могли повлиять: две трети российского экспорта — углеводороды¹.

Это значит, что причины торможения необходимо искать внутри экономической системы страны.

1. Сложившаяся в России модель экономического роста

Россия на протяжении последних 15 лет развивалась как страна, ориентированная на потребление. И в этом она достигла значительных успехов. Средняя заработная плата в номинальном выражении увеличилась почти в 16 раз. Социальные расходы, определяемые как сумма затрат на образование, здравоохранение, социальную поддержку, в 2011 г. составили 55% расходной части бюджета и почти 20% от ВВП. По данным Росстата, число собственных легковых автомобилей на 1000 человек с начала 1990-х гг. возросло более чем в 5 раз, составив в 2017 г. 305 автомобилей.

В 2000-е гг. огромные доходы, полученные страной в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры сырьевых рынков, ускорив экономический рост и обеспечив рост доходов населения, тем не менее не остановили деградацию народно-хозяйственной структуры страны. Можно сказать, что социальное благополучие, возникшее в России в 2000-е гг., сложилось на зыбкой основе высоких цен на сырьевые товары российского экспорта, а также массированного привлечения дешевых западных кредитов. В то же время промышленное производство продолжало деградировать.

Высокие показатели социально-экономического роста сделали российскую экономику — экономикой дорогого труда. Темпы роста заработной платы на протяжении 2000-х гг. опережали рост производительности труда и темпы роста ВВП страны. Это всегда затрудняло решение задачи ее модернизации. Опыт таких стран, как Япония, Южная Корея, Китай, Бразилия, показал, что основной предпосылкой успеха модернизации является наличие в стране дешевой рабочей силы. Масштабная деваль-

---

¹ Ермаков С. Еще не тлен, но уже безысходность // Эксперт. 2014. 17 ноября.

вация национальной валюты в конце 2014 г., значительно снизив уровень жизни населения страны и в целом ухудшив социально-экономическую ситуацию, имеет одну положительную сторону — она сделала труд более дешевым и тем самым создала потенциальную возможность приступить к реальной модернизации российского народного хозяйства.

Россия, входя в первую десятку стран по ВВП, занимает лишь 17-е место по абсолютному размеру добавленной стоимости в обрабатывающих отраслях. По этому показателю она находится на уровне Турции и Таиланда, вдвое меньше Тайваня, в 3 с лишним раза меньше Южной Кореи и в 24 раза меньше лидера, США. Огромно и отставание России от ведущих (и не только ведущих) промышленных держав по выработке продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. Показатель России за 2010 г. — 504 долл. (в постоянных ценах 2000 г.). Разрыв с Америкой — 11 раз, с лидирующими по этому показателю Сингапуром и Японией — 16 раз. Обходят нас по душевой промышленной выработке такие страны, как Китай, Бразилия, Греция, Таиланд и Уругвай¹. За прошедшие годы ситуация существенно не изменилась.

За благополучные 2000-е гг. произошло утяжеление структуры нашего народного хозяйства: доля топливно-энергетического комплекса в ВВП страны значительно выросла, а машиностроения — сократилась. Доходы от нашего экспорта на 71% были сформированы за счет топливно-энергетических ресурсов, 52% доходов федерального бюджета — нефтегазовые доходы.

В докладе ФАС РФ «О состоянии конкуренции в Российской Федерации (за 2013 г.)» сказано, что количество предприятий, выпускающих машины и оборудование, в нашей стране ежегодно сокращается. Сейчас их всего лишь 0,8% от общего количества предприятий. Особенно быстро прекращают свое существование предприятия в высокотехнологичной сфере. Возможно, санкции Запада в отношении России, необходимость в связи с этим осуществления импортозамещения как-то изменят эту ситуацию. Но осуществить такую программу на практике является делом очень непростым, а по ряду направлений просто невозможным.

Можно сказать, что страна богатела на незаработанных доходах от сырья и дешевых западных кредитах. Доходы в стране росли, но не компенсировались ростом собственного производства — они стимулировали опережающий рост импорта. То есть прирост денежной массы в экономике стимулировал не внутреннее, а зарубежное производство. В этот период социальные проблемы в стране были поставлены впереди задачи достижения достаточной экономической эффективности. Начавшийся в 2015 г. кризис насильственным образом привел жизненный уровень населения

---

¹ Мы ничего не производим // Эксперт. 2012. 26 ноября. № 47.

к реальным возможностям экономики. За 2015–2016 гг. реальные доходы снизились на 14%.

Сложилась ситуация, когда в стране высокая стоимость труда сочеталась с низкой эффективностью и конкурентоспособностью. Такая ситуация не позволяла делать инвестиции в производство даже тогда, когда в стране есть свободные капиталы. Такое сочетание, очевидно, является одной из главных причин бегства из страны капиталов — они просто не находят себе здесь эффективного применения.

Как уже стало понятно практически всем, действовавшая до сих пор модель экономического роста в настоящее время исчерпала себя. Главной составляющей этой модели были растущие мировые цены на нефть и другие сырьевые товары российского экспорта. Суммарная величина нефтегазовых доходов Российской Федерации за 2000–2013 гг. составила 2,1 трлн долл.

Вторым по значимости фактором экономического роста в период 2000-х гг. стали масштабные финансовые поступления из стран Запада в виде валютных кредитов и инвестиций: таких кредитов к 2013 г. набралось более чем на 700 млрд долл. Этот рост можно обозначить как монетарный, не основанный на улучшении состояния российской экономики.

В результате нефтегазовые доходы и потребительские кредиты увеличили внутренний спрос в стране и определили достаточно высокие темпы роста экономики. Средние темпы роста российской экономики до 2009 г. составили 6,9%. Но после 2009 г. — только 1,1%, несмотря на высокие нефтегазовые цены. Это означает, что эта модель роста исчерпала себя. Эти факторы экономического роста перестали действовать.

2. За счет чего возможен экономический рост?

Постоянно действующим условием экономического роста в стране является растущий совокупный спрос на продукцию и услуги. При сокращающемся совокупном спросе населения экономический рост маловероятен: дополнительная продукция просто никому не нужна, более того, уже достигнутый выпуск продукции будет сокращаться вслед за сокращением спроса. Собственно, точно такую ситуацию мы и имеем в экономике Российской Федерации в настоящее время: за 2015–2016 гг. реальные доходы населения снизились на 14%, соответственно снижался и товарооборот и ВВП страны эти два года, правда, последний падал на меньшие величины. Очевидно, спасал экспорт сырьевой продукции, который в натуральном выражении только рос. Исходя из сказанного, ожидать большего экономического роста в ближайшие годы нет оснований.

Совокупный спрос имеет двоякое влияние на экономический рост. Его увеличение вначале приводит к расширению загрузки уже существующих

ющих свободных производственных мощностей — это быстро сказывается на начале экономического роста. Так было после дефолта 1998 г., когда после масштабной девальвации национальной валюты в конце 1998 г. внутренний спрос переключился на более дешевую отечественную продукцию, а это позволило загрузить свободные производственные мощности российских предприятий, и уже в 1999 г. начался значительный экономический рост в России.

В том случае, когда свободных производственных мощностей уже нет, рост внутреннего совокупного спроса может стимулировать в условиях открытой экономики приток в страну импортных товаров или при искусственном сдерживании импорта — усиление инфляционных проявлений. Могут наблюдаться одновременно оба этих процесса: и рост импорта, и повышение цен. В этом случае растущий совокупный спрос хоть и стимулирует приток в страну импортной продукции, но он одновременно создает потенциальные возможности для отечественной экономики, ее дальнейшего экономического развития путем импортозамещения, вытеснения зарубежных товаров.

Когда совокупный спрос внутри страны не растет, наиболее перспективная возможность роста экономики — выход производителей на мировой рынок, где имеются безграничные возможности со стороны спроса для наращивания производства, правда здесь существует и острая конкуренция со стороны других производителей. Собственно, за счет мирового спроса в значительной мере на протяжении 30 с лишним лет и развивалась экономика Китая. Пожалуй, и в России будущий устойчивый экономический рост может быть связан в основном с работой российских производителей на экспорт. Причем это должны быть не только производители сырья, которые и сейчас успешно экспортируют свою продукцию, но этот фактор роста по большей части уже исчерпан, нужны новые производители товаров с большой добавленной стоимостью. Такие производители уже появляются.

Возможно некоторое экономическое развитие и за счет существующего внутреннего совокупного спроса — это предполагает осуществление политики импортозамещения, т.е. замены на рынке импортных товаров отечественными. Этот путь более реален и быстр в импортозамещении зарубежной сельскохозяйственной продукции, продуктов питания и более сложен и менее реалистичен в замещении промышленного импорта, где нужны передовые технологии, которых в стране по большей части нет, и огромные инвестиции, которые в настоящее время не идут в реальный сектор.

Растущий совокупный внутренний спрос лишь создает условия, возможности для экономического роста страны, но не является непосредственным источником или фактором развития страны. Если в ближайшей перспективе совокупный спрос может дать импульс для роста ВВП страны

и без дополнительных инвестиций, то для долгосрочного устойчивого экономического развития необходимы инвестиции, реализующие источники такого роста.

Источников такого роста, т.е. за счет чего может расти экономика страны, строго говоря, всего три. Первый источник роста — это увеличение в экономике средств производства, т.е. строительство новых заводов фабрик и т.п. и возрастание таким образом материальных факторов производства. Увеличение машин, оборудования, сырья, энергии естественным образом ведет к увеличению результата производства, т.е. росту ВВП страны.

Второй источник экономического роста — вовлечение в народное хозяйство дополнительной рабочей силы. Этот источник роста связан с первым: прирост в народном хозяйстве средств производства часто ведет к вовлечению в сферу производства новой рабочей силы, т.е. увеличивает занятость.

Третий источник — связан с техническим прогрессом, т.е. с появлением и внедрением в производство новой более производительной техники, принципиально новых технологий, процессов. На этом этапе наука и ее результаты становятся новой производительной силой. Эти изменения ведут к росту производительности труда человека. Один работник за счет новой техники начинает производить в единицу времени продукции значительно больше, чем раньше на старом оборудовании. В масштабах страны это выливается в рост ВВП за счет роста производительности труда (роста занятости при этом может и не быть). Этот источник экономического роста, очевидно, является главным в настоящее время.

Все три источника экономического роста связаны с инвестициями в экономику страны. Именно благодаря инвестициям в новое строительство, в реконструкцию и модернизацию старого технического потенциала растут количественно и качественно производительные силы страны, в производство вовлекается дополнительная рабочая сила, растет производительная сила труда. Инвестиции в народное хозяйство — это механизм реализации источников экономического роста.

Кроме источников экономического роста, необходимо выделить *факторы роста*. Это те условия, которые в каждой конкретной стране на определенном этапе ее развития в конечном счете воздействуют на источники роста и таким образом влияют на темпы экономического роста: или способствуют, или, наоборот, препятствуют. Таких факторов значительно больше, чем источников, и они не постоянны, т.е. на разных исторических этапах одни факторы появляются, другие — исчезают.

К факторам экономического роста можно отнести такое явление, как девальвация национальной валюты. Этот фактор особенно часто использовался в условиях кризиса 2008–2009 гг., когда различные государства

стремились создать для национальных производителей более выгодные условия. (Девальвировали свою валюту в условиях кризиса США, Россия, Швейцария и другие страны.) Этот фактор сыграл особенно положительную роль для России в 1998 г., когда рубль по отношению к доллару США был обесценен в 4 раза. Это дало моментальный экономический эффект — с 1999 г. в России начался экономический рост.

Но двукратная девальвация рубля в конце 2014 г. уже не имела того эффекта для российской экономики, как в 1998 г. Наоборот, экономика на 3,7% ушла в рецессию. Причина: во-первых, цена нефти и других сырьевых продуктов российского экспорта пошла на снижение¹, во-вторых, не было уже ни свободных производственных мощностей, да и, собственно, чисто российского продукта почти не осталось — все, что производится на российских предприятиях, имеет значительную импортную составляющую.

Существуют ценовые факторы экономического роста. Так, рост мировых цен на товары российского экспорта после 1998 г. (нефть, газ, металлы, удобрения) привел к бурному росту российского ВВП на протяжении десяти лет. Цена одного барреля нефти поднялась с 8 долл. в 1998 г. до почти 150 долл. в июне 2008 г. Это и стало главным двигателем российского экономического роста в 2000-е гг. После 2013 г. этот фактор не действует.

Еще одним фактором быстрого роста российской экономики в 2000-е гг. стали дешевые западные кредиты, которые имели возможность брать российские предприятия и банки в эти годы. В результате частным сектором было набрано кредитов более чем на 700 млрд долл. Часть этих денег стала источником инвестиций в российскую экономику, часть шла на развитие потребительского и производственного кредитования, что способствовало расширению спроса: и то и другое толкало экономику вперед. После введения против России западных санкций этот фактор роста сильно ограничен, хотя и не исчез полностью.

В самом начале российского экономического роста, начиная с 1999 г., свою роль сыграл такой фактор, как окончание перестройки экономических связей, приспособление российских предприятий к новым рыночным реалиям. Российским предприятиям, возникшим и долгое время функционировавшим в условиях плановой экономики, было необходимо время для вхождения и приспособления к рыночной среде, время было необходимо и для перестройки многих экономических связей. Когда этот процесс в конце 1990-х гг. закончился, российская экономика начала оживать и показывать некоторый рост, а когда к этому добавились и другие

---

¹ Цена 1 барреля марки «Брент» за 2014 г. снизилась со 107 долл. в январе до 57 долл. в декабре.

факторы, этот рост стал довольно значительным. После кризиса 2009 г. российская экономика быстро восстановилась, и в настоящее время этот фактор не действует.

Но, конечно, главным, постоянно действующим фактором экономического роста для всех времен и для всех стран являются инвестиции. Для современного Китая (так же и для России, но в меньшей степени) определяющую роль в бурном росте в последние 25 лет сыграли иностранные инвестиции в его экономику. Именно они преобразили промышленное лицо Китая, сделав его «мировой фабрикой». И для России этот фактор играет ключевую роль в решении настоящих экономических проблем.

3. Как можно оценить, исходя из источников экономического роста, перспективы российской экономики в ближайшем будущем?

С вовлечением в народное хозяйство новых средств производства связаны проблемы реиндустриализации экономики страны после продолжительного периода ее деиндустриализации. Основные фонды страны значительно изношены (степень износа по данным Росстата — 50%), что не позволяет форсированно нарастить выпуск продукции, и требуют обновления. Здесь возникает ключевой вопрос: кто этим должен заниматься — государство или частный бизнес? В стране есть сторонники того и другого подходов. Очевидно, что государство должно создавать лишь благоприятные условия для частных инвестиций, но не строить за бюджетные средства заводы и фабрики. В этом случае большая вероятность, что деньги будут потрачены неэффективно, т.е. потеряны. Строительством должен заниматься частный бизнес — лишь тогда новая продукция имеет шанс быть конкурентоспособной и востребованной внутренним и внешним рынком, так как частник кровно заинтересован не потерять свои деньги.

Естественно, реиндустриализация должна осуществляться на новейшей технической основе. В этом смысле источником экономического роста является технический прогресс и повышение эффективности всего общественного производства. Процессу реиндустриализации народного хозяйства страны очень мешают санкции со стороны западных стран в области ограничения продажи технологий и закупки новейшей техники. В подавляющем большинстве случаев передовые технологии можно получить только у развитых стран Запада. Возможно, еще в большей степени ограничителем в трансферте передовых технологий в страну является та значительная девальвация рубля, которая произошла в конце 2014 г. Это сделало западную технику в разы дороже и малодоступной для отечественных товаропроизводителей.

Что касается второго источника экономического роста — вовлечения в экономику дополнительной рабочей силы, то при той ситуации, которая сложилась в российской экономике, ее явно недостаточно. Уровень безработицы в Российской Федерации находится на низком уровне, порядка 5,6% к занятому населению. Численность населения в трудоспособном возрасте снижается примерно на 500 тыс. человек ежегодно¹. Предприниматели в опросах указывают на трудности с привлечением дополнительной рабочей силы, что заставляет их в больших масштабах использовать труд иностранных граждан. Но такая нехватка рабочей силы не является абсолютной, она связана с довольно низкой производительностью труда в народном хозяйстве страны. Очевидно, если повысить ее хотя бы до среднеевропейского уровня, то речь уже будет идти не о нехватке рабочей силы, а о ее значительном избытке. (ВВП РФ примерно равен ВВП Канады, но население России 146 млн человек, а Канады — 36,5 млн человек. Хотя это сравнение довольно условно, но все-таки говорит о многом.)

Несомненно, главным и основным источником экономического роста в настоящее время является технический прогресс, т.е. повышение эффективности производства. Эффективность производства имеет много аспектов, но все они в конечном счете сводятся к росту производительности труда. Это важнейший экономический показатель, которому в России уделяется явно мало внимания. Представляется, что это ключ к решению большинства экономических проблем страны и главный источник устойчивого экономического развития экономики. Уровень производительности труда в стране определяет степень ее экономического развития, конкурентоспособность ее товаров, это определяющий фактор уровня жизни ее населения.

Между тем руководством Российской Федерации задаче роста производительности труда уделяется явно мало внимания. В разрабатываемых стратегиях развития страны на первый план выдвигаются задачи роста ВВП, инфляция, бюджетные, социальные вопросы, доходы населения и в последних рядах рост производительности труда. Так, Стратегия-2020 вопросу роста производительности труда уделила мало внимания, делая упор на более полное использование человеческого и научного потенциала страны. Впрочем, эта концепция устарела еще до своего принятия и не была исполнена ни в какой мере.

4. Проекты ускорения экономического роста экономики России

В 2016 г. в связи с экономическим отставанием Российской Федерации на протяжении последних пяти лет от большинства развитых стран мира и от

---

¹ Капелюшников Р., Ощепков А. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 68.

мирового ВВП по темпам экономического роста остро встал вопрос о разработке мер по ускорению экономического развития России. Для разработки концепции дальнейшего экономического развития сложились по крайней мере три команды экспертов: одна команда в рамках Центра стратегических разработок (ЦСР) во главе с А. Кудриным, вторая объединилась вокруг Столыпинского клуба во главе с С. Глазьевым и Б. Титовым, и третья сформировалась на основе Московского экономического форума с его лидером К. Бабкиным.

Две первые концепции имеют некоторые общие точки соприкосновения. Они предполагают снижение налоговой, тарифной, административной нагрузки на бизнес, реформу государственного управления, правоохранительной и судебной систем, укрепление прав собственности, необходимость развития рынка облигаций, увеличение инвестиций. Расхождения в концепциях начинаются по вопросу источников инвестиций.

В концепции А. Кудрина источником инвестиций в первую очередь и по преимуществу могут быть собственные средства предприятий, но для их стимулирования необходимо провести институциональные преобразования. Расширение же использования кредита должно произойти естественным образом по мере снижения инфляции до 4%, после чего в экономике появятся длинные деньги.

Замедление темпов роста российской экономики в концепции ЦСР связано с отсутствием внутренних источников такого роста внутри страны, т.е. замедление носит фундаментальный характер, и преодолеть его быстро невозможно. Для создания новых источников роста экономики необходимо провести глубокие структурные преобразования. Таковые включают в себя: снижение инфляции до 4%, увеличение числа работающих, сдерживание доли зарплат в ВВП, повышение мобильности трудовых ресурсов, повышение производительности труда, стимулирование вложений частных компаний в НИОКР, повышение пенсионного возраста, реформу государственного управления, совершенствование судебной и правоохранительной системы. Осуществление многих из этих мероприятий — дело долгое, значит, и существенный экономический рост России не грозит на ближайшие годы. В это время, по мнению разработчиков, будет наблюдаться рост экономики в пределах 1%.

Программа Столыпинского клуба ставит перед страной задачу повышения ее доли в мировом ВВП до не менее чем 5%, достижения устойчивого экономического роста выше мирового уровня, развития малого и среднего бизнеса. Ключевым моментом достижения этих целей является значительный экономический рост, а для этого клуб предлагает стимулирующую денежно-кредитную политику, которая заключается в предложении реальному сектору экономики доступного, под низкую ставку долгосрочного кредита. То есть речь идет о российском варианте количественного

смягчения стимулирования роста экономики. Конкретно — о рефинансировании Банком РФ коммерческих банков и увеличении капитализации институтов развития на общую сумму не менее 1,5 трлн руб. в год в течение пяти лет. Это вливание денег в экономику необходимо для финансирования высокотехнологичных проектов под залог или через выкуп проектных облигаций специальных обществ проектного финансирования. Эти средства также должны пойти на поддержку малого и среднего бизнеса по определенной схеме.

Чтобы эмиссионные деньги ЦБ не привели к неконтролируемой инфляции, инвестиционные займы должны быть связанными, целевыми, предназначенными конкретным предприятиям под конкретные отраслевые и национальные проекты, новые технологии с просчитанным результатом и отдачей.

Столыпинский клуб предлагает Банку России отказаться от таргетирования инфляции в стране и сосредоточиться на стимулировании роста ВВП, для чего предлагается кардинальное снижение ставок по долгосрочным кредитам. Инфляция же снизится, по мнению авторов этой концепции, сама собой в результате роста экономики и производительности труда.

Командой во главе с К. Бабкиным подготовлена «Стратегия-2030», принятие которой правительством обеспечит стране, по мнению ее разработчиков, экономический подъем темпом 15% в год на протяжении 15 лет. Реализация этой стратегии, как заявляют ее разработчики, стимулирует реальный сектор и новую индустриализацию, наполнит страну доступными отечественными товарами, обеспечит экономический рост на десятилетия вперед. Очень впечатляющая перспектива. Чем же она обеспечивается?

В денежно-кредитной политике предлагается обязать Банк России заниматься не таргетированием инфляции, а стимулированием экономического развития страны. Предлагается обеспечить реальный сектор доступными кредитами за счет снижения ключевой ставки до 1% в 2019 г.; сократить объемы золотовалютных резервов, направив высвободившиеся средства на развитие экономики; смягчить валютный контроль при осуществлении предприятиями экспортных операций. Предлагаются значительные изменения в банковской сфере: установить судебный порядок отзыва банковских лицензий, выделить категорию промышленных банков, обеспечить доступ малых и средних банков к системе рефинансирования Банка России.

Налоговую систему стратегия предлагает нацелить на стимулирование развития обрабатывающих отраслей. С этой целью выдвинут ряд мер по изменению налогового режима в стране, которые, впрочем, не носят какой-то оригинальный характер.

Большое внимание уделяется изменениям во внешнеэкономической деятельности, общий смысл которых — установление мягкого протекционистского режима для экономики страны и всемерная помощь государства экспортерам несырьевой продукции. Эти меры в мире хорошо известны, стратегия предлагает перенести их на российскую почву.

Оценивая эти три концепции будущего развития России, можно сказать, что, учитывая расклад общественно-политических сил в стране, наибольшие шансы на практическую реализацию имеет стратегия, готовящаяся командой Кудрина. На наш взгляд, она наиболее реалистично оценивает будущие возможности экономического развития. Источников высоких темпов экономического роста в стране нет и в ближайшем будущем — не предвидится, внутренний совокупный потребительский спрос сжался, а выход на внешние рынки российских производителей — задача сложная и нескорая, поэтому впереди страну ждут невысокие темпы роста на протяжении ближайших пяти лет. За этот период должны быть созданы условия для более высоких темпов развития.

Если говорить о предложениях Столыпинского клуба, то главная мера стимулирования экономического роста — эмиссия денег под проектное инвестирование реального производства под низкие проценты в настоящее время в ограниченном масштабе государством реализуется. Оно проводит политику субсидирования процентной ставки по кредитам для предприятий агропромышленного комплекса, ВПК, автомобильной промышленности. Оказывается прямая финансовая помощь многим предприятиям реального сектора: в 2013 г. на поддержку АПК государство потратило 170 млрд руб., в 2014 г. — 190 млрд руб., в 2015 г. — 222 млрд руб., в 2016 г. — 214 млрд руб., а на 2017 г. запланировано — 204,5 млрд руб.¹ Но это в целом не меняет довольно печальную картину в развитии российской экономики: общий объем капитальных вложений падает², как результат — экономика не растет.

Сторонники идей С. Глазьева главной причиной кризиса российской экономики считают нехватку в ней денег, высокую ставку банковского кредита, недоступную для большинства предприятий обрабатывающей промышленности, из-за чего реальное производство не в состоянии развиваться. Но такое объяснение причин стагнации экономики страны логически не согласуется с тем фактом, что сальдо прибыли и убытков компаний реального сектора последние годы растет: в 2015 г. оно увеличилось на 73%, в 2016 г. — на 5%. В 2016 г. небанковский сек-

¹ Лобыкин А. Завершение замещения // Эксперт. 2016. № 48. С. 32.

² Прирост инвестиций в основной капитал в 2013 г. составил 100,8%, в 2014 г. — 98,5%, в 2015 г. — 89,9%. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#

тор накопил свободных средств почти на 8 трлн руб. Это отразилось на резком росте объемов корпоративных депозитов у компаний всех секторов экономики, в том числе и у предприятий малого бизнеса¹. То есть деньги у предприятий реального сектора есть, и деньги свои, беспроцентные — казалось бы, инвестируй их в собственное развитие. Но нет, почему-то не инвестируют. Почему? Можно предположить, у предприятий нет уверенности в будущем: внутренний совокупный спрос падает, выйти на внешний рынок сложно, какой смысл расширять, модернизировать производство? Кроме того, большую часть оборудования при модернизации российские компании приобретают за рубежом за валюту, но после девальвации 2014 г. иностранная техника подорожала в разы, покупать невыгодно, не окупится — это тоже причина неинвестирования.

Кроме сбережений предприятий у населения на банковских депозитах накопилось 24 трлн руб.², в разы выросли прибыли банков. Если ко всем этим сбережениям прибавлять ежегодно, как предлагает программа Столыпинского клуба, по 1,5 трлн руб. в течение пяти лет, то экономика вряд ли только от этого расцветет, деньги и сейчас есть, но они не идут в дело. Поэтому прежде всего необходимо разобраться с теми ограничителями, которые тормозят ее развитие в настоящее время. Для приложения имеющихся в экономике денег ко всему прочему необходимы проекты, в которые эти деньги могут быть влиты. А с этим существуют определенные сложности. Именно в силу последнего в большей мере в страну не идут иностранные инвестиции — кроме нефтехимического комплекса, не во что вкладываться.

Одна из главных претензий к программе С. Глазьева состоит в том, что такое масштабное вливание в российскую экономику денежной массы наверняка приведет к росту инфляции. И хотя в ответ на эту критику авторы говорят о механизме проектного финансирования конкретных объектов, что должно исключить повышение инфляции, но все-таки это не спасет экономику от всплеска последней. Ведь какая-то доля этих инвестиций выплеснется на рынок в виде заработной платы, инвестиционного спроса, и в условиях отсутствия или недостаточного по многим товарам собственного потребительского и капитального производства, как следствие, начнется рост цен и одновременно в условиях открытого внутреннего рынка приток иностранных товаров. Приток

---

¹ Матовников М. Трансформация, а не восстановление // Эксперт. 2016. № 43. С. 112. Позитивным итогом 2016 г., по данным ЦБ РФ, стало почти пятикратное увеличение в сравнении с 2015 г. прибыли кредитных организаций (соответственно 930 млрд и 192 млрд руб.) (Эксперт online. 2017. 28 янв.).

² Эксперт. 2017. № 3. С. 14.

товаров зарубежного производства будет убивать отечественного производителя¹.

Стратегия-2030 по некоторым позициям схожа с программой Столыпинского клуба: то же требование доступных кредитов, низкой банковской ставки. Главный недостаток этой концепции — ее лозунговый характер, в ней не виден механизм осуществления всех этих благих пожеланий. Требование снизить ключевую ставку до 1% в 2019 г. никак не увязывается с уровнем инфляции в этом году, а ведь это связанные показатели. Требование снижать налоги на бизнес никак не увязывается с состоянием бюджета. Требование обеспечить российским экспортерам всемерную поддержку, не меньшую, чем у зарубежных конкурентов, не согласуется с возможностями государства. Одно из требований концепции — исходить из предпосылки, что все существующие в России несырьевые производства являются конкурентоспособными и достойны поддержки и защиты. То есть, даже если производство убыточно, неконкурентно, то государство за счет бюджета все равно должно его содержать. Это какая-то обратная логика: не бизнес налогами содержит государство, а государство за счет рентабельных производств тянет убыточные. Но это уже было, это ведет лишь к консервации технической отсталости — тупиковый путь.

5. Барьеры экономического роста

Очевидно, среди всего многообразия предлагаемых целей необходимо найти такую, достижение которой обеспечило бы высокий и устойчивый экономический рост. Снижение инфляции до 4%, к чему стремится Банк России, не обеспечит само по себе экономического роста, насыщение экономики деньгами также не приведет к высоким темпам роста, снижение ключевой ставки до сопоставимого с западными странами уровня не обеспечит успеха на этом фронте. Уже сейчас в экономике довольно много денег, но в реальное производство они не идут.

Таким ключевым звеном, потащив за которое можно было бы распутать весь клубок экономических проблем и в конечном счете прийти к высоким темпам роста ВВП страны, является достижение высокого уровня производительности труда, который в настоящее время совершенно недостаточный. На основе такого уровня производительности труда невоз-

---

¹ В странах, проводящих политику количественного смягчения, годовая инфляция не превышает 2% (США), а в отдельных странах наблюдается дефляция. Это позволяет держать ставку рефинансирования около нуля и вливать в экономику огромные объемы денег. Но при этом жестко отслеживается уровень инфляции, и ее рост является сигналом к свертыванию практики количественного смягчения.

можно решать никакие задачи, несмотря на все теоретические схемы. На основе высокой производительности труда можно снижать затраты производства, производить дешевую и качественную продукцию, т.е. делать ее конкурентоспособной на внешних рынках и наращивать несырьевой экспорт, повышать заработную плату и доходы населения, тем самым наращивая совокупный спрос внутри страны и создавая условия для капитальных вложений. Но задача достижения российскими производителями лучших показателей мирового уровня производительности труда никогда не ставилась и не ставится государством. Этот показатель всегда был как бы второстепенным, производным от других. Поэтому, в частности, даже на самых современных отечественных производствах производительность труда, как правило, ниже, чем на аналогичных зарубежных. А это проигрыш в конкурентоспособности.

Каков же современный уровень производительности труда в российской экономике? Он составляет 26,8% от показателя Соединенных Штатов Америки, 40% от показателя Японии и Германии, 33,3% от показателя Франции, 36% от показателя Швеции. Целый ряд бывших советских республик опережают Россию по этому показателю: Армения, Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Казахстан. Наблюдается отставание в темпах роста производительности труда России от показателей стран — партнеров по БРИКС. Согласно данным Росстата, в 2010 г. производительность труда выросла в целом по экономике на 3%, в то время как в Китае — на 8,5%, в Индии — на 5,5%, в Бразилии — на 4%¹. С началом экономического кризиса производительность труда только падала².

Крайне низка эффективность российских компаний. 1 млн долл. выручки ведущих западных корпораций обеспечивается в среднем трудом двух сотрудников. В России же даже лидерам для этого нужны по меньшей мере пятеро. Производительность труда в крупном бизнесе России составляет всего 40% от мирового уровня. В отраслевом разрезе соотношение производительности труда у российских и мировых компаний-лидеров выглядит следующим образом: выше среднего уровня 40% показывают российские розничные сети (61%), энергетики (49%), нефтяники и газовики (48%), телеком (48%) и в значительной мере принадлежащая иностранцам пищевая промышленность (45%). А вот компании черной металлургии, несмотря на рост инвестиций, почти вдвое превышающий среднероссийский, демонстрируют лишь 38% от уровня производитель-

---

¹ Доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» / под ред. академиков А. Д. Некипелова, В. В. Ивантера, С. Ю. Глазьева. М., 2013. С. 84.

² В 2015 г. производительность труда в целом по экономике составила 98,1% от 2014 г. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

ности глобальных конкурентов; почти такой же (35%) показатель у лидеров нашего цветмета¹. Даже в такой передовой высокотехнологичной отрасли, как ракетно-космическая, по высказыванию Д. Рогозина, выручка на одного работающего в России в 9 раз меньше, чем в США².

Последние годы были успешными для российского сельского хозяйства: в 2016 г. прирост сельскохозяйственной продукции составил 4,8%. Но если посмотреть с точки зрения производительности труда, то картина несколько меняется. По данным Росстата и Всемирного банка, в 2013 г. производительность труда в ней составляла 17 тыс. долл. продукции в среднем на одного занятого, а в США — 635 тыс. долл., т.е. в 6,4 раза больше. Почти настолько же выше производительность труда и в сельском хозяйстве Бразилии. И даже наши соседи имеют здесь более высокие показатели: Белоруссия — в 1,7 раза, а Польша — в 2,7 раза. И только Украина с 16 тыс. долл. продукции на занятого в отрасли находится ниже России³. Между тем низкая производительность труда в отрасли и связанные с этим высокие издержки производства продукции уже сейчас стали значительными препятствиями для экспорта. Снижение цен на мировом рынке на сельхозпродукцию, в частности на зерно, делают ее экспорт из-за высоких издержек низкорентабельным или вообще убыточным, ставя под вопрос дальнейшее наращивание производства. И это происходит тогда, когда еще действует эффект девальвации рубля, который сделал экспорт особенно выгодным.

При такой низкой производительности труда решать задачи экономического и социального развития успешно невозможно. Если не изменить ситуацию, то и в дальнейшем Российской Федерации обеспечено отставание от передовых стран по всем параметрам. То есть государство должно было бы поставить своей главной задачей изменение к лучшему этой ситуации, создать систему стимулирования и экономического принуждения как государственных, так и частных производителей к повышению этого показателя до мирового уровня. Сначала это должно касаться отдельных наиболее современных компаний, а затем постепенно распространиться и на всех производителей. Но на деле государственная власть поступает по-другому. Она стремится всякими неформальными методами сохранять занятость на предприятиях, тем самым снижая вероятность социальных протестов. С одной стороны, это выглядит как забота о населении, решается тактическая задача сохранения стабильности, но, с другой стороны, стратегически страна теряет свое будущее. Нарастает общая неэффектив-

¹ Эксперт. 2013. 7–13 октября. № 40. С. 98–101.

² Эксперт. 2016. 30 мая – 5 июня. № 22. С. 7.

³ Производительность труда в России и мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни // Аналитический вестник. 2016. № 29. С. 50.

ность, отставание от других стран, проблемы усугубляются и переносятся на будущие поколения.

Особенно такое поведение характерно в периоды кризисов. Предприятия вместо того, чтобы сокращать количество занятых, как это происходит в странах со зрелой рыночной экономикой, переводят работников на неполную рабочую неделю (сокращают рабочее время) и уменьшают заработную плату. Такая политика характерна как для государственных предприятий, так и для частного сектора. Это связано с политикой власти, ее стремлением избежать социальной напряженности. Но такая модель закрывает пути быстрого выхода из кризиса, переводя его в стагнацию.

Кризис имеет одну положительную функцию — чистить экономику от неэффективных производств. При существующей практике эта функция не реализуется. Неэффективные, убыточные производства продолжают сохраняться, получая поддержку из бюджета. При закрытии неэффективных производств увеличивается открытая безработица. Сокращение занятых работников позволяет повышать работающим заработную плату, это ведет к увеличению объема совокупного спроса в стране, как результат, создаются условия для экономического роста. В модели, когда при кризисе открытая безработица не растет, что наблюдается в экономике России, снижаются реальная заработная плата и доходы населения — кризис переходит в длительную стагнацию с темпами роста около нуля.

Главная причина отставания российских предприятий по производительности труда от аналогичных зарубежных компаний — устаревшие физически и морально основные производственные фонды и технологии¹, используемые отечественными производителями. Модернизация производства приводит к росту производительности труда на предприятиях в разы. Например, масштабная реконструкция производства в компании «Сибур» привела к тому, что выручка на одного работника выросла с 1,9 млн руб. в 2007 г. до 9,3 млн руб. в 2013 г., т.е. почти в 5 раз, а число занятых уменьшилось с более чем 70 тыс. человек до 26 тыс.² Но и это еще не обеспечило достижения компанией мирового уровня производительности. Очевидно, есть и другие причины отставания по этому показателю от зарубежных производителей.

Во многих случаях, даже при использовании самых передовых технологий, производительность труда на российских предприятиях оказывается ниже, чем на аналогичных зарубежных. Это связано с недостаточной квалификацией производственного персонала, с отсталой организацией

---

¹ По данным Росстата, средний возраст машин и оборудования на конец 2017 г. составил 11,4 года (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/technol/osn-fond.htm), что очень много.

² Эксперт. 2014. № 43. С. 98.

труда и производства, отсутствием стандартов осуществления производственных процессов, которые распространяли бы лучшие методики труда, с недалёковидной позицией властей.

Не способствует росту производительности труда и наблюдающееся последние годы огосударствление экономики. В 2000-е гг. был создан целый государственный сектор экономики, состоящий из государственных компаний, фондов, корпораций, банков. По оценкам, в 2007–2011 гг. доля государства в рыночной капитализации российских компаний колебалась в пределах 50–65%¹. В государственном секторе производится более 50% ВВП страны. Этот сектор функционирует на не вполне рыночных принципах, имея льготное кредитование, налогообложение в целом покровительство государства.

Между тем в десятке лидеров по производительности труда в российской экономике нет ни одной государственной компании. Проведенное Всемирным банком обследование 79 тыс. российских предприятий за 2003–2008 гг. показало, что у предприятий государственной и муниципальной форм собственности значительно худшие показатели производительности труда. Консалтинговая компания «Инталев» провела исследование эффективности работы 18 крупнейших российских государственных компаний за период с 2011 по 2013 г. В соответствии с методикой исследования эффективными признавались компании одновременно и результативные, и экономичные. Результаты исследования показали, что за последние три года общая эффективность 18 компаний упала до 94% (за 100% взят результат работы в 2010 г.), а расходы, необходимые, чтобы заработать один рубль прибыли, выросли на 22%. Очевидно, что в эти расходы вошли и вознаграждения топ-менеджерам, которые за пять лет (с 2009 по 2013 г.) у десяти крупнейших госкомпаний Российской Федерации выросли в 3,3 раза. В то время как среднедушевые доходы населения за тот же период увеличились на 53%².

Гарантированное государством стабильное положение таких компаний, очевидно, не способствует росту их эффективности. У них и так все хорошо, они чувствуют себя непотопляемыми. Независимо от результатов своей работы госкомпании всегда могут рассчитывать на помощь государства. Такое их поведение в целом значительно искажает рыночную среду в экономике, делая ее менее эффективной по сравнению со странами со зрелой рыночной экономикой.

Кроме того, в ряде случаев более низкая производительность труда на российских предприятиях по сравнению с мировым уровнем связана

¹ Радыгин А., Симачев Ю., Энтов Р. Государственная компания: сфера проявления «провалов государства» или «провалов рынка»? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 57.

² Огородников Е. Когда лобби сильнее прогноза // Эксперт. 2015. № 5. С. 28.

с проводимой властями политикой по сдерживанию высвобождения избыточных работников с целью недопущения роста безработицы и избегания возникающих в связи с этим социальных проблем. Но такая сегодняшняя забота о населении оборачивается в будущем консервацией отсталости российского производителя и все большим отставанием страны, в том числе и в социальном плане.

Низкий уровень производительности труда в российской экономике напрямую связан с высокими издержками отечественных производителей. Низкая производительность труда по сравнению со странами Запада сама по себе рождает более высокие издержки производства по сравнению с этими странами.

Имевшиеся раньше у страны некоторые конкурентные преимущества по издержкам к началу 2010-х гг. были исчерпаны. Отпускная цена на электроэнергию для промышленных потребителей в России была на 55% выше, чем в США. Газ и уголь нашим ТЭС обходились примерно в ту же цену, что и американским.

Особого внимания в деле наращивания издержек заслуживает сложившаяся в 2000-е гг. тенденция опережающего роста заработной платы по сравнению с ростом производительности труда (табл. 2).

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	2281	8088	18 958	20 780	23 221	25 928	27 766	30 473	30 757
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	112,0	112,4	105,9	100,5	104,6	104,0	99,3	96,8	101,2
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб.	2223	8555	20 952	23 369	26 629	29 792	32 495	34 029	
Реальная начисленная заработная плата, % к предыдущему году	120,9	112,6	105,2	102,8	108,4	104,8	101,2	91,0	100,5
Динамика производительности труда в экономике РФ, % к предыдущему году	107,0	105,5	103,2	103,8	103,5	101,8	100,9	96,8	

Источник: Социальное положение и уровень жизни в России. 2017. Стат. сб. Росстат, 2017.

Согласно Росстату, в период с 2000 по 2015 г. средняя номинальная численная заработная плата выросла с 2223 до 34 029 руб., или в 15,3 раза, увеличиваясь в среднем почти на 19,9% в год. Производительность труда росла в этот период в среднем на 2,9% в год, а в последние пять лет прирост снизился до 2%.

До начала 2015 г. по средней «чистой» зарплате (23 410 руб., или 582 евро в месяц по итогам 2012 г.) Россия не только обогнала все страны СНГ, но и ряд членов ЕС, например Венгрию (494 евро), Литву (488 евро) и Латвию (487 евро), притом что по количеству рабочего времени, интенсивности труда Россия уступает этим странам¹.

Все последнее пятнадцатилетие темпы роста реальной заработной платы устойчиво опережали темпы роста производительности труда и темпы роста ВВП стран² (табл. 3). Характерно, что российские предприятия, как правило, не ставили перед собой задачу по снижению издержек на заработную плату.

Таблица 3

Доля предприятий, сокращавших затраты на оплату труда, %

Год	Россия	Болгария	Польша	Чехия
2008	4,5	15,9	13,8	18,2
2012	5,5	25,9	21,8	25,0

Источник: Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 14.

В результате доля заработной платы в ВВП страны превысила 50%, что привело к 2014 г. к уменьшению валовой прибыли в экономике, ограничению ресурсов для развития и, как результат, нулевому экономическому росту. Российская экономическая система стала более социально ориентированной, но менее инвестиционно привлекательной. Растущая себестоимость российской продукции из-за низкой производительности труда вела к постоянно снижающейся рентабельности российских производителей (табл. 4)³.

¹ Эксперт. 2013. 7–13 окт. № 40. С. 98–101.

² Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 12.

³ Девальвация рубля в конце 2014 г. радикально изменила эту ситуацию: Россия стала конкурентной по издержкам на зарплату и электричество и вообще коммунальным платежам. В этом смысле российские производители имеют преимущество перед зарубежными конкурентами, в том числе и перед Китаем. Но эти преимущества временные, с укреплением рубля и ростом цен они нивелируются. Между тем высокий уровень производительности труда дает постоянное превосходство в издержках над конкурентами.

Таблица 4

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего в экономике	13,5	10,0	9,6	8,6	7,0	7,3	8,1
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,7	9,1	9,1	10,7	5,2	17,4	20,7
Добыча полезных ископаемых	35,6	31,9	31,4	28,0			
Из нее:							
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	34,7	29,2	27,5	25,8	20,8	17,4	22,3
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	42,8	53,5	64,6	45,3	32,7	35,1	47,5
Обрабатывающие производства	15,3	14,8	13,2	10,7	8,8	9,9	11,9

Источник: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin12_bd.htm

Возможности инвестиций в реальное производство у российских производителей за счет собственных средств до 2015 г. сильно сокращались. Инвестирование за счет заемных средств на внутреннем рынке было также ограничено из-за высокого банковского процента на кредиты. А после повышения ключевой ставки ЦБ РФ в декабре 2014 г. до 17% годовых (и даже после ее снижения до 14%, а затем и до 10%) внутренние кредиты для предприятий стали недоступны.

Но в 2015 г. ситуация резко изменилась: выросли прибыли компаний и банков. Компании реального сектора накопили порядка 8 трлн руб. свободных средств, которые могли бы направить в инвестиции. Но этого не произошло из-за сжатия внутреннего спроса и низкой конкурентоспособности российской продукции на мировых рынках¹. Доля инвестиций в ВВП снизилась до 24% (в советское время составляла примерно 35%).

Высокая стоимость труда, к началу второго десятилетия снижающаяся рентабельность российской экономики сделали ее непривлекательной для иностранного капитала. В мире есть много стран, где иностранный

¹ Доля российских машин и оборудования на мировых рынках увеличилась незначительно — с 0,28 до 0,32%. См.: Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 15.

капитал может найти дешевую рабочую силу и высокую рентабельность производства. Более того, российский капитал последние годы бежит из страны по тем же причинам — вести производство при высоких издержках и снижающейся рентабельности нет никакого смысла. В 2014 г. отток капитала из страны составил порядка 155 млрд долл. Хотя ситуация с издержками производства после 2014 г. резко изменилась, но к увеличению инвестиций это не привело.

Кризис резко изменил ситуацию со стоимостью рабочей силы в России. После девальвации рубля в декабре 2014 г. средняя заработная плата в долларовом выражении резко снизилась. В 2015 г. она в среднем составляла 34 029,5 руб., что соответственно равнялось примерно 567 долл., или 486 евро. Пузырь по заработной плате и денежным доходам, возникший начиная с 2000 г. на высокой стоимости нефти и других сырьевых товаров, после падения мировых цен сдулся, и денежные доходы были приведены к действительному состоянию и возможностям экономики. Средняя заработная плата в России в долларовом выражении стала наименьшей в Европе, более того, она уступает даже средней заработной плате городского населения Китая. То есть дешевая рабочая сила как стимул для иностранных капиталовложений — это уже не преимущество Китая в сравнении с Россией. Но пока это преимущество не находит реализации в росте инвестиционной активности.

Вообще девальвация рубля резко снизила все затраты на производство продукции на территории России. Но это преимущество временное, по мере укрепления рубля, инфляционного роста цен оно быстро теряется. Единственным постоянно действующим фактором снижения издержек производства, повышения конкурентоспособности товаров является рост производительности труда. Но достичь его высокого уровня — задача сложнейшая, в отличие от девальвации национальной валюты, что можно сделать в течение нескольких дней решением денежных властей страны.

Тем не менее, несмотря на то что в 2016 г. ВВП снизился по году на 0,6%, в экономике отмечаются сектора роста. Промышленное производство растет шесть месяцев и увеличилось в годовом выражении на 1,1%. Обрабатывающая промышленность начала расти в июне и показала положительный результат по году 0,1%, добыча полезных ископаемых выросла на 2,5%. Наблюдавшийся промышленный рост в ряде секторов происходит при сокращающихся инвестициях и практически полной загрузке производственных мощностей. Из этого можно сделать вывод, что этот рост осуществляется на существующих мощностях промышленности, и он практически ограничен по объему и времени, т.е. ждать значительного и продолжительного экономического роста не приходится.

Таким образом, для достижения высокого и устойчивого роста в России необходимо поднять уровень производительности труда, это позволит снизить издержки производства, поднять конкурентоспособность российской продукции, выйти с этой продукцией на зарубежные рынки. Только производство на экспорт отечественных производителей позволит нарастить темпы экономического роста, состояние внутреннего рынка с падающими доходами населения в настоящее время не дает такой возможности. В этом смысле импортозамещение, которое проводится в стране, с самого начала должно ориентироваться не только на внутренний рынок, который не так уж велик, но и на мировой — только в этом случае можно наладить масштабное производство, что позволит производить конкурентную продукцию.

Собственно, экономическое чудо перехода из крайней бедности в разряд экономически развитых стран, который проделали в свое время Япония, Южная Корея, Сингапур, Китай, свидетельствует именно об этом — они достигли своего успеха именно за счет развертывания масштабного экспорта. Россия не сможет решить свои экономические проблемы на путях импортозамещения и протекционизма.

Сейчас же российский экспорт в долларовом выражении падает — это касается как нефтегазового, так и ненафтегазового экспорта. Причина — в узком ассортименте этого экспорта и в том, что страна элементарно мало производит конкурентной продукции.

6. Каким же образом можно поднять производительность труда в экономике России?

На пути решения этой задачи необходимо преодолеть множество проблем разного уровня сложности, но некоторые из них достаточно просты и могут быть решены в короткие сроки.

Это прежде всего касается увеличения фонда рабочего времени, которое население страны использует для производительной деятельности. Дело в том, что Россия в последние 15 лет оказалась в мировых лидерах по отдыху, т.е. по количеству праздничных и нерабочих дней в году. Портал Hotels.com провел исследование, которое показало разницу в суммарном количестве дней оплачиваемого отпуска и государственных праздников в разных странах. Россияне в 2015 г., кроме выходных (субботы и воскресенья), позволили себе дополнительно 43 нерабочих дня в году. Сюда входят 28 дней оплачиваемого отпуска и 15 дней официальных праздников с переносом. То есть дополнительно к выходным россияне отдыхали 43 дня. В то время как жители Мексики отдыхали лишь 13 дней помимо выходных, Китая — 16 дней, США — 20, Германии — 29 дней и т.д.

Проведя исследование по 30 странам, Hotels.com определил среднее количество дней, которое приходится как на официальный отпуск, так и на государственные праздники, и оно составило 28 дней в году. Россияне отдыхают на 15 дней больше среднего показателя¹, всего же в 2017 г. — 118 дней. Получается, россияне работают значительно меньше, чем граждане развитых богатых стран, где людям можно было бы отдыхать и больше, и тем более меньше, чем в странах, совершающих модернизационный рывок. Если учесть ранний выход российских граждан на пенсию, то получается, что жизненный фонд рабочего времени отдельного работника в России значительно меньше, чем в развитых странах. Конечно, при таком отношении к труду нельзя никого догнать и тем более перегнать, нельзя решить стоящие перед страной серьезные задачи модернизации и повышения производительности труда.

Увеличение фонда рабочего времени в стране — это простейший путь повышения производительности труда, не требующий никаких дополнительных затрат со стороны государства и бизнеса, но он не используется.

Но, конечно, это далеко не главный фактор повышения производительности труда в стране. Главные возможности связаны с модернизацией существующих основных фондов, обновлением машинного парка народного хозяйства. При существующем уровне техники и технологиях производить конкурентную по цене и качеству продукцию невозможно. (Степень износа основных фондов на 2015 год — 47,7%, удельный вес полностью изношенных машин и оборудования на конец 2015 года — 24,5%². Для модернизации промышленного потенциала страны необходимы капитальные вложения, но начиная с 2012 г. они снижались (табл. 5).

Таблица 5

**Динамика инвестиций в основной капитал в РФ
в сопоставимых ценах**

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
В % к предыдущему году	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9

Источник: Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#

¹ За Россией следуют Италия и Швеция с 36 нерабочими днями, что также значительно выше среднего показателя. URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/10439321/rossiya_zanimaet_pervoe_mesto_v_mire_po_chislu_prazdnichnyh

² http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#

Каким образом оживить инвестиционный процесс? Над решением этой проблемы работают несколько экспертных групп, основные положения их предложений были изложены выше. Но загадка состоит не в том, откуда взять эти инвестиции, над чем бьются эксперты, а в том, что сбережения в стране и в реальном, и в банковском секторах есть, и довольно значительные, но они не направляются в развитие экономики страны. Более того, после масштабной девальвации 2014 г. сложились, казалось бы, благоприятные условия для роста инвестиционной активности: низкая стоимость рабочей силы (ниже Китая) и энергетических ресурсов (в долларовом выражении), выгодный курс рубля, делающий отечественную продукцию конкурентоспособной. Но инвестиции не растут, валовые накопления находятся на низком уровне: 22,3% в 2015 г. и 24,2% в 2016 г. В чем же дело?

Очевидно, общеэкономическая ситуация не способствует увеличению инвестиций в экономику, при падающем и даже стагнирующем совокупном спросе в увеличении инвестиций нет надобности. Кроме того, для внутреннего инвестора непонятно, в какие проекты вкладывать деньги — все традиционные ниши заняты известными мировыми производителями. Вытеснить их с российского рынка, начав производство с нуля, можно только в условиях протекционизма, так как и производительность труда, и издержки, и качество продукции, и финансовые возможности несоизмеримы. Но жесткий протекционизм в современном мире невозможен и бесперспективен. Завоевать долю мирового рынка задача еще более сложная — все ниши заняты. В 2016 г. объем экспорта составил примерно 275 млрд руб., что является худшим результатом за десять лет. По сравнению с 2015 г. объем всего экспорта уменьшился на 21%, сырьевого экспорта — на 22%, высокотехнологичного экспорта — на 6%¹.

Можно ли что-то сделать в этой ситуации? Необходимо обратиться к собственному опыту и опыту зарубежных стран. Как известно, индустриализация в СССР в 1930-е гг. проходила путем закупки целых заводов (проектов, оборудования, станков, технологий) за рубежом и переносом их на отечественную почву. Так в кратчайшие сроки возникли все наши автомобильные, тракторные, станкостроительные и другие заводы, Магнитка, Днепрогэс. Одновременно в страну приехали тысячи зарубежных специалистов для установки и отладки завезенного оборудования. Одновременно передавались передовой опыт и знания отечественным кадрам. В 1950-е гг. многие заводы были вывезены из Германии в счет репараций. По такой же схеме индустриализация страны продолжалась в 1960-е гг. Все это позволило быстро нарастить промышленный потенциал и стать второй страной мира по экономической мощи. Другое дело, что этот потенциал создавался и действовал в условиях закрытой страны и отсутствия

---

¹ Шурыгин Ю. Дикий провал и большие возможности // Эксперт. 2017. № 3. С. 32.

конкуренции, т.е. в нерыночных условиях, поэтому оказался неконкурентоспособным при первом же столкновении с зарубежными компаниями, постоянно работавшими в условиях жесткой конкуренции. Именно поэтому в 1990-е гг. значительная часть российской промышленности перестала существовать, не выдержав конкуренции с иностранной продукцией.

Если посмотреть на опыт США, то они стали первой экономикой мира, привлекая из всех остальных стран капиталы, передовой опыт, технологии и лучшие умы. По тому же пути шли в свое время Япония, Южная Корея. Китай стал «мировой фабрикой» и лидирующей экономикой не за счет собственного китайского производства и технологий, а создав условия для привлечения на свою территорию капиталов и технологий из самых развитых стран мира. Китай даже через 30 лет рыночных реформ больше известен не собственно своей продукцией, а продукцией мировых производителей, выпускаемой на своей территории. Конечно, и для самой страны зарубежный опыт не прошел даром, позволив поднять национальные науку и технологии. Китай сам производит в настоящее время огромное количество продукции, основываясь на технологиях, заимствованных разными путями у западных компаний. Кроме того, что эти страны добились успеха за счет иностранных инвестиций, у всех у них экономика экспортно ориентированная. Только такая ориентация дает простор для роста национальных компаний до размера глобального производителя, а национальной экономике позволяет развиваться быстро и устойчиво.

Из сказанного можно сделать вывод, что без привлечения западных инвестиций с их новыми технологиями, оборудованием, знаниями Россия обречена на ускоряющееся отставание в экономике, социальной сфере. Западные компании приходят на российский рынок не только с передовыми технологиями и организацией труда, но и со своей долей мирового рынка и знанием, как действовать на его просторах, т.е. они так жестко не зависят от стагнирующего внутреннего российского спроса, поэтому могут наращивать выпуск на экспорт. Это и позволит наращивать темпы экономического роста и поднимать уровень жизни и совокупный спрос внутри страны. Уже сейчас западные компании, создавшие производственные мощности на российской территории, начали экспорт в другие страны: Procter&Gamble 30% своей продукции с российских предприятий экспортирует, мировые автоконцерны из-за падения российского рынка начали экспортировать комплектующие с российских предприятий за рубеж. Представляется, что привлечение западного капитала в страну — это самый реальный и быстрый путь сделать экономику эффективной, поднять производительность труда, решить проблему примитивизации и отсталости.

Но и зарубежные инвестиции не помогут ускорить экономическое развитие, если не изменить конкурентную среду внутри России. Фун-

даментальная причина всех бед российской экономики — неразвитость рыночных начал в стране. Фактически была построена модель государственно-монополистического капитализма, далекая от постоянно звучащего в обществе утверждения о ее либеральном характере. В этой модели очень значительна роль государства, монополий, сильны патерналистские тенденции как со стороны граждан, так и хозяйствующих субъектов. Все это вместе ограничивало такую фундаментальную черту рыночной экономики, как конкуренция, позволяя наряду с эффективными производителями сохраняться и неэффективным. У компаний, работающих на государство, исчезает стимул снижать издержки производства, повышать конкурентоспособность. То же самое можно сказать и о монополиях. Ресурсы в этой ситуации не перетекают от худших производителей к лучшим, повышая в целом эффективность и конкурентоспособность экономики. Исследование Всемирного банка и НИУ ВШЭ показало, что разрыв в уровне производительности между 20% лучших и 20% худших предприятий составляет 10–20 раз. Между тем на последние приходится значительная доля материальных ресурсов и занятости. Возможно, в коренной модернизации этих худших компаний или при невозможности либо нецелесообразности этого в их ликвидации скрывается резерв повышения эффективности в целом российской экономики и более рационального использования бюджетных средств.

Для правящей власти Российской Федерации время приятных для всех решений по перераспределению нефтегазовых доходов прошло, настало время для непопулярных, но совершенно необходимых мер по созданию конкурентной экономики. Повсеместно должна поддерживаться и усиливаться конкурентная среда. Сильная конкуренция в экономике может стать тем ключом, который поможет открыть пути к решению всех остальных задач.

Очевидно, что во главу угла на этом этапе должны быть поставлены задачи повышения эффективности производства, что может обеспечить снижение затрат у производителей и повышение конкурентоспособности российской продукции на мировом и внутреннем рынках. Обеспечение роста производительности труда должно стать главной целью экономической политики российского государства. Решение социальных вопросов должно стоять в зависимости от решения задачи роста эффективности производства. При этом необходимы государственные меры по радикальному снижению необоснованной дифференциации доходов населения.

Социальная поддержка должна носить адресный и ограниченный характер. Государству нужно постепенно отказываться от политики патернализма как в отношении граждан, так и предприятий. Начать необходимо с того очевидного факта, что страна и ее граждане должны не больше всех в мире отдыхать, а больше работать, хотя бы на среднеевропейском уровне.

Было бы неплохо, если бы в стране работало в реальном производстве не 15 млн человек из 146 млн россиян, а несколько больше. Для этого необходимо сократить число занятых в государственных органах и органах власти (по данным Росстата — 2,2 млн человек на конец 2017 г.) и других категорий граждан, связанных с непроизводительным трудом.

Государственные компании и компании с государственным участием должны оцениваться строго по их конкурентоспособности, а доходы руководителей — быть поставлены в зависимость от достигнутой сравнительной эффективности с лучшими аналогичными мировыми производителями. Неэффективные государственные компании необходимо приватизировать.

Государство не должно поддерживать неэффективные, неконкурентоспособные компании, а также противодействовать высвобождению излишней рабочей силы с подобных предприятий.

Если ситуацию не изменить, то и на экономический рост рассчитывать нельзя. Страна будет наращивать отставание от передового мира.

ГЛАВА 8

ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ КАК ОСНОВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Машиностроение — отрасль, продукция которой имеет самое разнообразное назначение. К ней относятся многие виды *предметов потребления* (инструменты и техника, используемые в быту и в личном подсобном хозяйстве; личный автотранспорт и т.д.) и *средств производства*, в том числе *предметов труда* (инструменты, применяемые в производстве; детали, узлы, комплектующие и т.п.) и *средств труда* (используемые в производстве и сфере услуг машины и оборудование, транспортные средства, измерительные приборы, вычислительная техника, средства связи и т.п.).

Роль продукции машиностроения в воспроизводственном комплексе страны неодинакова. Наиболее важную роль играет производство орудий труда для самого *машиностроения*, к продукции которого относятся станки, машины и оборудование для обработки металлов и прочих твердых материалов, а также ряд других видов технологического оборудования. Этот вид производства будем условно называть «станкостроением».

Значение станкостроения в том, что технико-экономические характеристики его продукции и обусловленные ими технологии являются главным *материальным* фактором, в конечном счете определяющим конкурентоспособность всех отраслей машиностроения, в том числе и самого станкостроения. Поскольку же машиностроение создает средства труда для всех видов экономической деятельности, то продукция станкостроения в конечном счете определяет уровень конкурентоспособности национальной экономики в целом, а значит, и степень экономической независимости и политического суверенитета страны¹.

Сегодня многое говорится и пишется о роли знаний как определяющем факторе производства. Однако сами по себе знания, если они не воплощены в соответствующих средствах труда, не материализуются в производ-

---

¹ Уровень развития средств труда имеет и значительно более широкое значение. К. Маркс, как известно, отмечал, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191).

ственным процессе, обладают лишь потенциальной ценностью. Их можно наращивать и продавать за рубеж, но от этого продукция национального производства не становится более конкурентоспособной.

Нет сомнения в том, что преимущества в конкуренции дают более совершенные технологии, но любые технологии прежде всего предполагают использование определенных *средств труда*, с которыми они неразрывно связаны и без которых они просто неосуществимы.

Отставание в развитии станкостроения независимо от уровня развития научных знаний и числа изобретений, как показывает опыт не только нашей страны, но и других стран, приводит к неконкурентоспособности большинства обрабатывающих отраслей, утрате технологической безопасности, подрыву экономической и политической независимости государства.

Для станкостроения и машиностроения в целом характерны следующие черты.

1. Наиболее высокая в сравнении с другими отраслями степень обобществления производства. В выпуске *конечной продукции* машиностроения практически принимает участие большинство видов экономической деятельности: научные исследования и разработки, образование, добывающие производства, производство инструментов, материалов, деталей, узлов, комплектующих, энергетика и др. Для обеспечения конкурентоспособности производимой техники требуется высокое качество результатов труда всех участников этого процесса — от исследователей и разработчиков до сборщиков готовой продукции.

2. Высокий уровень наукоемкости продукции машиностроения. Для развития машиностроения жизненно необходимы передовые НИОКР и инновации. Уровень исследований и разработок, инновационной деятельности в стране в первую очередь зависит от состояния машиностроения — находится ли оно в упадке или активно развивается.

3. Конечная продукция машиностроения обладает наиболее высокой долей добавленной стоимости. Капиталовложения в машиностроение дают наибольший прирост высокотехнологичных рабочих мест и национального дохода на единицу вложений. (Речь, разумеется, идет не о сборочном производстве из импортных комплектующих, а о производстве, охватывающем весь производственный цикл — от добычи сырья до выпуска готовых изделий.)

4. Ускорение обновляемости и морального износа продукции машиностроения. Средний полезный срок службы средств труда в современном производстве составляет пять-десять лет. Накопление и использование в производстве морально изношенного оборудования неминуемо снижают конкурентоспособность продукции, понижают доходы производителей.

5. Темпы роста производства средств труда в современной экономике значительно превышают темпы роста производства предметов труда и предметов потребления. Так, в США за период с 1972 по 2010 г. объем производства средств труда увеличился в 4,75 раза, материалов — в 2,17 раза, предметов труда — в 1,36 раза¹. Как отмечают специалисты, в последние годы темпы развития станкостроения в мире ускоряются. Так, в 2015 г. производство станков в мире выросло на 10–12%², что намного выше, чем темп прироста мировой экономики в целом (2,4%)³.

Благодаря планомерной организации экономики в Советском Союзе в годы первых пятилеток было создано собственное станкостроение, на основе которого была достигнута технологическая независимость государства. Причем наша страна добилась технологической независимости и поддерживала ее, несмотря на действие множества крайне неблагоприятных факторов, враждебного окружения. Плановая экономика создавалась и развивалась при начальном существенном технологическом отставании от развитых стран капитализма, вынуждена была восполнять огромные потери, понесенные в ходе Гражданской и Великой Отечественной войн, в течение длительного периода находилась под воздействием санкций со стороны империалистических стран, в том числе направленных на недопущение в нашу страну современных технологий (КОКОМ), была поставлена перед необходимостью нести огромные военные расходы ввиду угрозы агрессии со стороны США и их союзников.

Сегодня некоторые авторы утверждают, что в СССР якобы не было развитого станкостроения⁴. Однако факты опровергают такого рода суждения.

В 1956 г. в Советском Союзе использовались в основном отечественные станки, доля импортных в потреблении составляла всего 2,6%⁵. При этом по ряду важнейших видов продукции машиностроения экспорт из СССР значительно превышал импорт (табл. 1).

---

¹ Рассчитано по: Statistical Abstract of the USA. 2012. Table 789. Industrial Production Indexes by Industry and Major Market Groups. URL: <http://www.census.gov/compendia/statab/>

² Авдеева К. Мы проигрываем свой внутренний рынок // Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/156534/>

³ Прогноз ООН: темп роста мировой экономики в 2016 году не изменится // РИА Новости. 2016. 12 мая. URL: <https://ria.ru/economy/20160512/1432133012.html>

⁴ Так, С. Воробьев пишет: «Все разговоры о развитии станкостроения в СССР — это бред идиотов» (Воробьев С. Индустрия из топора. Почему в Российской Федерации нет и не будет современного станкостроения // Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/170856/>).

⁵ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М.: Государственное статистическое издательство, 1957. С. 47.

Таблица 1

Экспорт и импорт отдельных товаров Советским Союзом в 1956 г.¹

№ п/п	Вид товаров, ед. измерения	Вид торговли	Объем
1	Тракторы, шт.	Экспорт	5377
		Импорт	127
2	Сельскохозяйственные машины, млн руб.	Экспорт	62,6
		Импорт	27,3
3	Автомобили, шт.	Экспорт	32 747
		Импорт	916
4	Подшипники, тыс. шт.	Экспорт	3590
		Импорт	117

В последующие годы зависимость от импорта важнейших видов металлообрабатывающего оборудования, хотя и выросла, оставалась сравнительно низкой (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес импорта в потреблении отдельных видов орудий труда в СССР, % от общего объема в натуральном выражении²

Вид орудий труда	1970	1980	1985	1988
Металлорежущие станки	4,6	6,1	7,8	8,0
Кузнечнопрессовые машины, включая молоты	6,7	3,9	3,6	4,6

Стабильной оставалась и доля экспорта в производстве этих видов оборудования (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес экспорта в производстве отдельных видов продукции СССР, % от общего объема производства в натуральном выражении³

Продукция	1970	1980	1985	1988
Металлорежущие станки	7,2	7,8	5,3	7,1
Кузнечнопрессовые машины, включая молоты	4,6	3,6	2,9	4,2

При этом вплоть до 1988 г. экспорт металлорежущих станков из СССР превышал их импорт в нашу страну. Причем станки экспортировались,

¹ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. С. 32.

² Народное хозяйство СССР в 1988 г. М.: Госкомстат СССР, 1989. С. 647.

³ Там же. С. 643.

в том числе и в наиболее развитые капиталистические страны, например в ФРГ. Аналогичное положение было и с кузнечнопрессовым оборудованием. К этому следует добавить успехи Советского Союза в космосе, ядерной энергетике, ракетостроении и ряде других высокотехнологических производств.

Экспорт продукции машиностроения из СССР увеличивался до начала перестройки, инициированной М. С. Горбачевым (табл. 4).

Таблица 4

Экспорт и импорт СССР некоторых видов продукции машиностроения¹

№ п/п	Наименование продукции, ед. измерения	Вид торговли	1970	1980	1988
1	Машины, оборудование и транспортные средства, млн руб.	Экспорт	2480	7842	10 873
		Импорт	3753	15 072	26 601
2	Металлорежущие станки, тыс. шт.	Экспорт	12,3	14,0	9,0
		Импорт	9,2	13,0	11,8
3	Кузнечнопрессовое оборудование, млн руб.	Экспорт	13,6	29,3	48,1
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
4	Энергетическое оборудование, млн руб.	Экспорт	217	885	1394
		Импорт	67,3	386	520
5	Металлургическое оборудование, млн руб.	Экспорт	н.д.	н.д.	н.д.
		Импорт	135	423	735
6	Оборудование для пищевкусовой промышленности, млн руб.	Экспорт	52,2	120	84,4
		Импорт	124	455	778
7	Оборудование для текстильной промышленности, млн руб.	Экспорт	18,9	155	198
		Импорт	72,9	392	665
8	Оборудование для химической промышленности, млн руб.	Экспорт	53,2	89,5	142
		Импорт	218	1244	868
9	Оборудование для лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, млн руб.	Экспорт	10,2	46,7	72,9
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
10	Тракторы, тыс. шт.	Экспорт	28,3	50,7	47,8
		Импорт	5,3	5,5	3,0
11	Сельскохозяйственные машины, млн руб.	Экспорт	59,5	221	398
		Импорт	140	772	1177

¹ Народное хозяйство СССР в 1988 г. С. 631, 647.

Окончание табл. 4

№ п/п	Наименование продукции, ед. измерения	Вид торговли	1970	1980	1988
12	Грузовые автомобили, тыс. шт.	Экспорт	33,9	41,9	36,3
		Импорт	4,7	9,7	13,8
13	Автобусы, шт.	Экспорт	1380	2560	2904
		Импорт	4900	10 800	11 100
14	Легковые автомобили, тыс. шт.	Экспорт	84,8	329	341
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
15	Швейные машины бытовые, тыс. шт.	Экспорт	117	154	135
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
16	Холодильные шкафы бытовые, тыс. шт.	Экспорт	78,6	506	1341
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
17	Часы бытовые, включая механизмы, млн шт.	Экспорт	10,7	22,4	17,0
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
18	Фотоаппараты, тыс. шт.	Экспорт	621	1225	832
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
19	Телевизоры, тыс. шт.	Экспорт	123	690	1231
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.
20	Радиоприемники, тыс. шт.	Экспорт	1211	1021	1113
		Импорт	н.д.	н.д.	н.д.

Вместе с тем, как видно из этой таблицы, в сравнении с периодом до 1956 г. в советском машиностроении, несмотря на его быстрое развитие, образовалась и стала усиливаться тенденция к отставанию экспорта машиностроительной продукции от ее импорта по определенным видам и в целом, а по ряду видов товаров — даже к сокращению экспорта.

Если в 1970 г. объем импорта машин, оборудования и транспортных средств был больше объема их экспорта в 1,5 раза, то в 1980 г. — в 1,9, а в 1988 г. — уже в 2,4 раза. Доля продукции машиностроения в экспорте СССР сократилась с 21,5% в 1970 г. до 16,2 % в 1988 г. За тот же период удельный вес этой продукции в импорте возрос с 35,6 до 40,9%¹.

Отмеченные негативные тенденции свидетельствовали о возникновении и усилении отставания советского машиностроения от развитых капиталистических стран, что привело и к понижению темпов роста экономики Советского Союза в те годы. Главной причиной этой тенденции, на наш

¹ Народное хозяйство СССР в 1988 г. С. 639, 643.

взгляд, была неспособность тогдашнего руководства страны организовать *планомерное* техническое перевооружение значительной части предприятий, в том числе машиностроительных, у которых материально-техническая база была сформирована еще в годы первых и послевоенных пятилеток и с тех пор не претерпела существенной модернизации, и на этой основе перейти от преимущественно экстенсивного к преимущественно интенсивному экономическому росту. Для того чтобы осуществить такое перевооружение, необходимо было внести определенные коррективы в организацию управления и планирования народным хозяйством — нацелить предприятия не на рост стоимостного вала, а на плановое снижение издержек и рост качества продукции, повысить централизацию капиталовложений и преодолеть их распыление по многочисленным объектам. Но этого сделано не было.

За годы капиталистической реставрации производство орудий труда, как и продукции машиностроения в целом, сократилось в России в десятки и сотни раз (табл. 5).

Таблица 5

Производство основных видов продукции машиностроения в России¹

Вид продукции, ед. измерения	1990	2000	2010	2015
Турбины, млн кВт	12,5	2,1	9,3	3,6
Комбайны проходческие, шт.	406	93	54	33
Краны мостовые электрические, шт.	2 943	638	2 600	1 800
Краны на автомобильном ходу, тыс. шт.	14,0	2,4	2,9	2,1
Краны башенные грузоподъемностью 5 т и свыше, шт.	2 526	36	62	88
Металлорежущие станки, тыс. шт.	74,2	8,9	2,8	3,4
из них станки с числовым программным управлением, шт.	16 700	200	129	204
Кузнечно-прессовые машины, тыс. шт.	27,3	1,2	2,2	3,2
из них кузнечно-прессовые машины с числовым программным управлением, шт.	370	5	—	—
Линии автоматические и полуавтоматические для машиностроения и металлообработки, комплектов	556	11	—	—
Троллейбусы, шт.	2 308	498	406	62

¹ Российский статистический ежегодник. 2003. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/; Российский статистический ежегодник. 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/year/year16.rar

Окончание табл. 5

Вид продукции, ед. измерения	1990	2000	2010	2015
Грузовые автомобили, тыс. шт.	665	184	155	128
Легковые автомобили, тыс. шт.	1 103	969	1210	1215
Автобусы, тыс. шт.	51,9	54,0	40,9	36,4
Мотоциклы и мотороллеры, тыс. шт.	765	29,1	10,4	20,2
Тракторы, тыс. шт.	214	19,2	7,7	5,9
Сеялки тракторные, тыс. шт.	51,1	5,2	2,5	2,1
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	5,2	4,3	4,4
Мотоциклы и мотороллеры, тыс. шт.	765	29,1	10,4	20,2
Тракторы, тыс. шт.	214	19,2	7,7	5,9
Сеялки тракторные, тыс. шт.	51,1	5,2	2,5	2,1
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	5,2	4,3	4,4
Косилки тракторные, тыс. шт.	22,6	6,5	3,2	4,4
Погрузчики универсальные сельскохозяйственного назначения, тыс. шт.	29 200	1500	652	1978
Машины для внесения в почву минеральных удобрений и извести, тыс. шт.	21 100	200	541	302
Доильные установки, тыс. шт.	30,7	0,4	2,5	10,8
Экскаваторы, тыс. шт.	23,1	3,4	2,1	1,4
Бульдозеры, тыс. шт.	14 100	3000	911	577
Автогрейдеры, тыс. шт.	4800	1700	943	482
Машины прядильные, шт.	1509	8	—	—
Станки ткацкие, тыс. шт.	18 300	100	5	42

В ходе «перехода к рынку» в 1990-х гг. станкостроение России оказалось в глубочайшем кризисе. Он был вызван рядом причин:

- развал СЭВ и разрыв существовавших не одно десятилетие кооперационных связей предприятий станкостроения с партнерами по СЭВ;
- разрушение СССР и прекращение кооперационных связей уже с партнерами из бывших советских республик;
- «шоковая терапия» 1990-х гг., вызвавшая обвальное сокращение производственных инвестиций (в 1998 г. — более чем в 8 раз в сравнении с 1990 г.) и резкое сокращение спроса на отечественные орудия труда со стороны российских предприятий;
- существенное уменьшение финансирования государством исследований и разработок в области станкостроения и др.

Последствиями кризиса для отрасли стали:

- свертывание НИОКР;
- нарастание износа технической базы большинства предприятий;
- снижение конкурентоспособности значительной части продукции;
- потеря квалифицированных кадров;
- закрытие большого числа предприятий.

Доля станкостроения в ВВП России в настоящее время составляет всего 0,2%, в то время как в странах Европы и Америки — 2–5%¹.

Разрушение отечественного станкостроения и обвальное падение инвестиций в основные производственные фонды в 1990-е гг. привело к аналогичным последствиям и в производстве других видов технологического оборудования и продукции машиностроения в целом.

В то же время на большинстве российских предприятий во всех отраслях экономики вследствие резкого снижения затрат на обновление производственных фондов накопились физически и морально изношенные средства труда, что значительно снизило эффективность производства и конкурентоспособность их продукции, привело к закрытию немалого числа предприятий. Проблема масштабного технического перевооружения производства — по сути, новой реконструкции народного хозяйства — резко обострилась и стала ключевой проблемой российской экономики.

Увеличение инвестиций в основные фонды, которое началось после кризиса 1998 г., в условиях развала и низкой конкурентоспособности отечественного машиностроения неизбежно привело к росту импорта машин, оборудования и транспортных средств, к вытеснению этих видов отечественной продукции импортом, что стало дополнительным негативным фактором, препятствующим возрождению машиностроения в России. В настоящее время на российском рынке машин, оборудования и транспортных средств преобладает импортная техника, да и то, что производится внутри страны, существенно зависит от импорта комплектующих.

Д. О. Рогозин справедливо охарактеризовал зарубежные поставки машин и оборудования как «вторую иглу» наряду с нефтегазовой, способную завести страну в «технологическое рабство». Он подчеркнул: «Чрезвычайно важно локализовать производство станкостроения... Это основа нашего технологического суверенитета, если кто-то этого не понимает, тот ничего не понимает в экономике»². Характеризуя ситуацию, сложившуюся в отечественном станкостроении, Президент РФ В. В. Путин поставил задачу восстановления технологической независимости России: «Надо на новой

¹ Авдеева К. Указ. соч.

² Килина В. Рогозин рассказал, какая отрасль может стать «второй иглой» для России // Накануне. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2016/4/19/22433843/#sthash.8tbht2X8.dpuf>

базе стремиться к тому, что в Советском Союзе было, когда мы были независимы технологически»¹.

Утрата Россией технологической независимости — главная причина засилья на отечественном рынке не только машиностроительной продукции, но и продукции многих других видов обрабатывающих производств, превращения нашей страны, по существу, в сырьевой придаток промышленно развитых стран. По той же причине инновационная активность большинства российских предприятий находится на крайне низком уровне, несмотря на многократные призывы руководства страны перейти к «инновационному развитию», несмотря на организацию «инновационных центров», в которых создается все больше изобретений. Однако инновации — это не просто изобретения, а их применение в производстве продукции, но до этого, как правило, не доходит ввиду того, что предприятия предпочитают импортные машины, оборудование и технологии.

Необходимо отметить, что руководством страны принимались меры по возрождению отечественного станкостроения. Начиная с 2011 г. был принят ряд постановлений по развитию станкостроения, направленных на снижение зависимости российского ОПК от импорта оборудования, которые неоднократно дополнялись и корректировались. Принятые меры дали определенные положительные результаты: был выполнен ряд проектов по созданию и освоению новых видов техники, в финансировании которых приняло участие государство. Однако кардинально изменить ситуацию пока не удалось².

Меры, которые правительство предпринимало для подъема станкостроения, сводились к следующим:

- участие в финансировании ряда проектов разработки и освоения новой техники в разной форме (общий объем годового финансирования из средств бюджета обычно не превышал 1,5 млрд руб.);
- стимулирование спроса на отечественную технику (запрет государственным организациям приобретать импортную технику при наличии отечественных аналогов) (запреты постоянно и многократно нарушались).

---

¹ Путин: промышленность должна стать технологически независимой от импорта // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/economy/20160908/1476448636.htm>

² Как отмечает президент российской ассоциации «Станкоинструмент» Г. В. Самодуров, «в рамках федеральной программы по НИОКРам мы получили определенную сумму. На первом этапе (2011–2013 гг.) наши предприятия создали опытные образцы самой современной техники — 101 изделие было изготовлено и выпущено в металле. На втором этапе (2013–2016 гг.) должен был идти процесс переоснащения предприятий. Но все периформатировали и свернули. Такие вещи недопустимы!» (Авдеева К. Указ. соч.).

Однако после небольшого прироста в 2012 г. (на 2,7%), в 2013–2016 гг. производство машин и оборудования в целом продолжило сокращаться и снизилось за эти годы в целом на 21,4%¹. В I квартале 2017 г. в производстве машин и оборудования наметилось долгожданное оживление. В целом объем производства по этому виду экономической деятельности вырос на 8,3% по сравнению с I кварталом 2016 г. Причем темпы прироста по месяцам снижались: январь: +10,4%, февраль: +9,0%, март: +5,3%².

Таблица 6

Производство основных видов машин и оборудования в России в I квартале 2017 г., % к I кварталу 2016 г.³

Вид оборудования	В % к I кв. 2016 г.
Турбины газовые, кроме турбореактивных и турбовинтовых, тыс. кВт	102,7
Подшипники шариковые или роликовые, млн шт.	104,5
Краны мостовые электрические, шт.	72,8
Тракторы для сельского хозяйства прочие, шт.	140,3
Сеялки, тыс. шт.	125,3
Станки металлорежущие, шт.	118,4
Машины кузнечно-прессовые, шт.	82,6
Станки деревообрабатывающие, шт.	106,8
Машины литейные для металлургического производства, тыс. т	96,6
Комбайны проходческие, шт.	160,0
Бульдозеры и бульдозеры с поворотным отвалом, шт.	67,1

Как видно из табл. 6, динамика производства по разным видам машин и оборудования была неодинаковой. Наиболее быстрыми темпами росло производство сельхозтехники, что в значительной степени было обусловлено дотациями сельхозпредприятиям на ее покупку. Что касается металлообрабатывающего оборудования, то при росте выпуска металлорежущих станков на 18,4% производство кузнечно-прессовых машин сократилось на 17,4%.

¹ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm; Социально-экономическое положение России – 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_01/Main.htm

² Социально-экономическое положение России – 2017 г.

³ Там же.

В 2016 г. было произведено металлорежущих станков 3857 шт., кузнечно-прессовых машин — 2423 шт., деревообрабатывающих станков — 4584 шт.¹. По сравнению с 2012 г., не говоря уже о 1991 г., и с потребностью в станках — это незначительная величина. Только машиностроению страны, в котором используется около 1,5 млн станков, большинство из которых требует замены из-за высокой степени износа, в ближайшее время потребуется примерно 1,2 млн новых единиц этого оборудования². Импортируется же станков в сотни раз больше, чем производится (табл. 7). Отметим, что значительная часть импорта станков идет на реэкспорт.

Таблица 7

Производство и импорт станков в Российской Федерации³

Вид продукции, ед. измерения	2012	2013	2014	2015
Станки металлорежущие, тыс. шт.				
Производство	3,5	2,9	3,9	3,4
Импорт	673,0	845,0	788,0	406,0
Станки деревообрабатывающие, шт.				
Производство	166	137	227	204
Импорт	313 000	346 300	308 100	232 700

Импорт станков в 2015–2016 гг. сократился⁴. «По данным Минпромторга, в 2016 г. доля импорта в станкоинструментальной отрасли составила 70%. Для сравнения — в 2015 г. эта цифра составляла 83%, а в 2014 г. — 87%»⁵. Однако многие производимые в стране виды станков изготавливаются с высокой долей импортируемых комплектующих и поэтому лишь условно могут быть названы отечественными.

Уменьшение доли импорта на отечественном рынке машин и оборудования в 2014–2016 гг. было вызвано в первую очередь не ростом производ-

¹ Социально-экономическое положение России – 2016 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/Main.htm

² Миллиарды на станки // Эксперт Online. URL: <http://expert.ru/expert/2016/12/milliardy-na-stanki/>

³ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник. 2016; Социально-экономическое положение России – 2016 г.

⁴ Российский статистический ежегодник. 2015; Социально-экономическое положение России – 2016 г.

⁵ Дмитрий Медведев назвал производство станков и оборудования критически важным для России // Газета «Наша версия». URL: <https://versia.ru/dmitrij-medvedev-nazval-proizvodstvo-stankov-i-oborudovaniya-kriticheski-vazhnym-dlya-rossii>

ства и продаж отечественных станков, а сокращением импорта техники, обусловленным санкциями США и их союзников, резким удорожанием иностранной валюты, уменьшением инвестиций российских предприятий в основной капитал. Что же касается производства отечественных станков, то, несмотря на их относительное удешевление по сравнению с импортными, связанное с обвалом рубля, кардинальных сдвигов к лучшему, как уже говорилось, за 2014 — начало 2017 г. в нем не произошло. (Здесь, видимо, сказалось и то, что многие виды орудий труда в России изготавливаются из импортных комплектующих, которые стали менее доступными.)

Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев в феврале 2017 г. охарактеризовал станкостроение как «слабое место» экономики, производство станков и оборудования — «критически важное» для России¹. Д. О. Рогозин поставил задачу: «Мы должны перейти к тому, что половина станков, которые мы закупим в будущие годы, должны быть российского производства»². Ранее Д. Медведев сообщал, что к 2020 г. *по прогнозу* (но не по плану!) намечается «запустить сто заводов» (в их числе — прежде всего существующие неконкурентоспособные заводы), долю импорта на рынке станков — сократить до 58%³.

Меры, которые намечены Минпромторгом России для решения поставленных задач, сводятся к следующим⁴:

- 1) финансовые меры и инструменты:
  - субсидирование процентных ставок;
  - проектное финансирование;
  - поддержка НИОКР;
  - субсидирование пилотных партий оборудования;
  - поддержка региональных программ, технопарков и кластеров;
  - стимулирование лизинга;
  - поддержка экспортного кредитования;
  - частичное возмещение затрат на инжиниринг, производство и экспорт;
  - финансирование институтов развития (ФРП, ВЭБ, РЭА и др.);

---

¹ Дмитрий Медведев назвал производство станков и оборудования критически важным для России // Газета «Наша версия». URL: <https://versia.ru/dmitrij-medvedev-nazval-proizvodstvo-stankov-i-oborudovaniya-kriticheski-vazhnym-dlya-rossii>

² Рогозин в Кирове рассказал о возрождении станкостроения // Сетевое издание «Девятка Ру». URL: <http://devyatka.ru/news/vlast/484758/>

³ Первые успехи станкостроения России // Политическая Россия — общественно-политический интернет-журнал. URL: <http://politruussia.com/ekonomika/stankostroenie-716/>

⁴ Огородников Е. Мы точно не обездоленные // Эксперт. № 3 (1013). URL: <http://expert.ru/expert/2017/03/myi-tochno-ne-obezdolennyye/media/293549/>

- 2) нефинансовые меры и инструменты:
- специальные инвестиционные контракты;
  - выставки, ярмарки, конференции, продвижение на внешних рынках;
  - защита интересов российских производителей за рубежом;
  - регулирование госзакупок промышленной продукции;
  - поддержка проектных консорциумов;
  - развитие инжиниринговых центров;
  - стандартизация и техническое регулирование.

Заметим, что и в прошлые годы (2011–2016) использовались те же методы и инструменты, и *прогнозные* показатели по развитию станкостроения и машиностроения в целом определялись достаточно высокие. Однако эти показатели не были достигнуты, перелома в развитии отрасли не наступило, несмотря на реализацию ряда проектов по привлечению иностранного капитала, прежде всего китайского. Причинами этого, на наш взгляд, являются не только введение санкций со стороны США и их союзников по запрету экспорта капитала и технологий в Россию, сравнительно низкий уровень финансирования государственных программ развития станкостроения, а затем и его сокращение, но прежде всего то, что принимаемые меры сводятся к косвенному регулированию деятельности предприятий и не содержат заданий, идущих от государства, элементов государственного планирования, как это имеет место в ОПК, который в последние годы является наиболее успешно развивающейся отраслью отечественного машиностроения.

Представители отечественного машиностроения в СМИ предложили разнообразные рекомендации по возрождению российского станкостроения. Это — значительное увеличение государственного финансирования конкретных проектов развития станкостроения; снижение или субсидирование процентной ставки по кредитам для реализации проектов модернизации производства; изменение условий банковского кредитования предприятий станкостроения и порядка расчетов предприятий — получателей техники с предприятиями-изготовителями; сокращение общего уровня налогов; освобождение производственных инвестиций и НИОКР от налогов на прибыль; улучшение подготовки кадров для машиностроения; привлечение иностранного капитала для создания сборочных предприятий с последующим переходом к повышению уровня локализации производства компонентов и комплектующих; протекционистские меры; повышение участия государства в финансировании НИОКР; усиление централизации в регулировании машиностроения (госкорпорации «Ростех», «Росатом», ОАК); вовлечение малого бизнеса в машиностроение и др.

По сути, все перечисленные меры относятся к совершенствованию государственного воздействия на экономику преимущественно косвенными

методами. На наш взгляд, они способны создать условия для реализации лишь сравнительно небольшого числа проектов на ряде предприятий, но не кардинально ускорить возрождение отечественного станкостроения, поскольку они не учитывают главную причину, приведшую его в нынешнее состояние. Этой причиной, по нашему мнению, является основное экономическое противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, которое возникло в процессе реставрации капитализма в России и проявляется в своеобразной конкретно-исторической форме.

Как уже говорилось, машиностроение — это высоко обобщественное производство, для достижения конкурентоспособности продукции которого необходима эффективная работа множества организаций, прямо или косвенно участвующих в изготовлении его конечной продукции, — от НИОКР и образования до сборки готовых изделий. Частная же собственность на средства производства разделяет участников этого обобщественного процесса, капиталы которых ограничены, а интересы и цели нередко противоположны.

Чтобы возродить станкостроение в условиях отставания от промышленно развитых стран, ускоренно переходящих на новейшую технологическую базу, и острой конкуренции с их стороны, необходимо решить целый комплекс взаимосвязанных задач, включающий в себя масштабное проведение НИОКР, подготовку кадров, снабжение качественными материалами и комплектующими или их производство, обновление технической базы станкостроения современной техникой, обеспечение сбыта продукции. Осуществить это невозможно, используя только те методы государственного регулирования и поддержки предприятий, которые намечены на ближайшую перспективу. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Большинство станкостроительных — и вообще машиностроительных — предприятий либо находится на грани банкротства, либо едва сводит концы с концами. Они не располагают средствами для решения масштабных задач. Уровень рентабельности активов в машиностроении намного ниже процентной ставки по кредитам, что делает кредит для большинства предприятий отрасли недоступным. В машиностроении идет жесткая конкурентная борьба, и для российских предприятий выход на этот рынок сопряжен со значительными рисками в сравнении с другими видами деятельности или выводом капитала за рубеж. США и их союзники проводят политику по превращению России в сырьевой придаток и стремятся не допустить развития в нашей стране высокотехнологического производства (ограничение поставок оборудования и технологий двойного назначения). Российские предприятия, как правило, нацелены на приобретение импортной техники, поскольку она более эффективна и условия креди-

тования ее приобретения более выгодны для них, поэтому они нередко покупают импортную технику даже в обход установленных ограничений.

Собственникам капитала невыгодно вкладываться в производство машин и оборудования. Капитал движется в те виды деятельности, где степень риска ниже, а рентабельность выше. Иностранные компании идут в российское станкостроение, но, как правило, передают не самые передовые технологии; ключевые комплектующие производятся за рубежом; характер локализации производства во многих случаях не позволяет вести производство при прекращении импортных поставок; работа импортных станков зачастую контролируется и может быть остановлена дистанционно, через встроенные чипы.

Неспособность российского капитала самостоятельно решать проблему подъема станкостроения и машиностроения в целом свидетельствует о том, что частный характер собственности на средства производства препятствует развитию обобщественного производства.

Основное экономическое противоречие капитализма, как известно, может быть полностью разрешено лишь при условии перехода к общественной собственности на средства производства и плановому ведению хозяйства, но в рамках капиталистического производства оно может приобретать определенные формы частичного разрешения. Суть этих форм заключается в усилении элементов народно-хозяйственной планомерности посредством повышения роли государства в экономике.

В сложившейся ситуации для обеспечения форсированного развития производства орудий труда, на наш взгляд, невозможно обойтись без государственного планирования этой отрасли.

Использование государственного планирования, как известно, позволило СССР стать страной, вывозящей станки, занять второе место в мире по их производству, успешно реализовать атомный, космический и другие крупные проекты. И в наши дни, даже в условиях «рынка», с помощью государственного планирования успешно осуществлены, например, проекты модернизации Вооруженных сил страны, подготовки Олимпийских игр в Сочи. Государственное планирование, как известно, стало главным фактором «экономического чуда» в Японии и Южной Корее, совершивших в свое время мощный рывок в технологическом развитии, сыграло значимую роль и в технологическом развитии послевоенной Франции.

В высокотехнологической продукции, которую экспортирует Россия, преобладает вооружение. Наша страна вышла на второе место в мире по экспорту оружия, что говорит о сохранении высокой эффективности отечественного ОПК. И здесь важно понимать, что предприятия ОПК работают в основном на основе госзаказов, т.е. не на рыночной, а по сути — на *плановой* основе, что является *главным фактором сохранения его эффек-*

тивности. Разумеется, организация работы ОПК претерпела изменения за годы «рыночных реформ», но она сохранила и ряд важных черт плановой организации, приобретенных за годы социализма. Однако благодаря созданию «рыночной среды», в которой они хозяйствуют, и предприятия ОПК оказались в серьезной зависимости от импорта оборудования, преодолеть которую руководство страны пытается с 2011 г.

Разумеется, государственное планирование в условиях современной российской экономики, где преобладает капиталистический хозяйственный уклад, не может не отличаться от государственного планирования в СССР. По своему характеру оно должно быть индикативным, строиться на заинтересованности предприятий в выполнении показателей плана. Тем не менее определенные черты советского опыта планирования вполне применимы к нынешним российским реалиям. Это — установление конкретных заданий исполнителям, — пусть и в форме госзаказов, на конкурсной основе; ответственность предприятий за их выполнение; согласованность всех заданий, обеспечивающая достижение плановых целей в намеченные сроки.

Государственное планирование призвано обеспечить достижение следующих целей:

- конкурентоспособность продукции станкостроения;
- оптимальность участия России в международном разделении труда в сфере производства орудий труда;
- локализация производства ключевых компонентов изделий, обеспечивающих их конкурентоспособность, при импорте остальных частей, которые могут быть без труда произведены в стране, если потребуется;
- достижение в течение пяти-десяти лет удельного веса национального производства на внутреннем рынке важнейших видов орудий труда на уровне 70–80% (это показатель стран — лидеров станкостроения — Германии, Японии, США, КНР и др.);
- сбалансированность всех составляющих процесса производства новой техники — от проектирования до выпуска готовой продукции и ее реализации, создание необходимых условий для их развития;
- заинтересованность исполнителей в эффективном использовании ресурсов.

Организация государственного планирования предполагает образование соответствующего органа планирования. Он может быть создан, например, на базе госкорпорации «Ростех» и привлекать к разработке планов ведущих специалистов станкостроения.

Успешный отечественный и зарубежный опыт планирования учит, что государственное планирование должно сочетать долгосрочные (пятидесятилетние) и годовые планы при ведущей роли долгосрочных планов.

Исходным пунктом составления плана должны стать научно обоснованные прогнозы тенденций развития спроса и предложения на мировом рынке орудий труда (по важнейшим видам техники и технологиям). На этой основе необходимо определить и обосновать ту нишу, которую должно занять российское станкостроение на внутреннем и внешнем рынках в соответствующем планируемом периоде (год, пять лет, десять лет) для достижения технологической независимости. На каждый период планирования требуется установить виды техники, производство которых намечено освоить в стране, объемы их производства, их планируемые технико-экономические показатели и степень локализации производства.

Для массового производства конкурентоспособной техники необходимо располагать, *во-первых*, ее образцами, прошедшими испытания и подтвердившими свои качества; и, *во-вторых*, соответствующей материально-технической базой для ее изготовления.

Поэтому планирование станкостроения должно прежде всего решить задачу организации НИОКР по созданию в сжатые сроки соответствующих образцов орудий труда. В нашей стране накоплен богатый опыт проведения таких работ на конкурсной основе, который необходимо в полной мере использовать в нынешних условиях. Если среди действующих организаций, выполняющих исследования и разработки, не найдется таких, которые были бы способны выполнить условия задания на создание тех или иных образцов орудий труда с планируемыми технико-экономическими параметрами в нужные сроки, то необходимо их укреплять квалифицированными кадрами и новейшим оборудованием или создавать новые НИИ и КБ для решения поставленных задач, оборудованные самой современной техникой. (В СССР даже в период Великой Отечественной войны создавались новые НИИ и КБ. Так, в 1942–1943 гг. были созданы ВНИИ «Инструмент», ВНИИ «Алмаз»).

Доведение материально-технической базы производства до самого передового уровня необходимо начинать с лучших предприятий отечественного станкостроения, которые и в наше время способны создавать конкурентоспособные станки. В России остались еще от советских времен такие предприятия, продукция которых более предпочтительна на мировом рынке по цене и техническим характеристикам, ведь 40–45% продукции станкоинструментальной отрасли России отправляется в настоящее время на экспорт в 62 страны мира, в том числе в Японию, США, Германию, Италию¹. Причем одновременно необходимо наладить — если его нет, — отечественное производство важнейших материалов и комплектующих для этих предприятий соответствующего уровня качества, т.е. дооснастить имеющиеся предприятия-смежники по всей технологической цепочке

---

¹ Авдеева К. Указ. соч.

передовой техникой или заново создать такие предприятия или производственные подразделения в рамках станкостроительных предприятий (вертикальная интеграция).

Относительно действующих предприятий станкостроения необходимо ответить на вопрос: что эффективнее, их дооснащение передовой техникой или закрытие и создание вместо них новых предприятий, вооруженных самой передовой технической базой? Причем эти задачи должны решаться в сжатые сроки.

Одновременно необходимо планировать в государственных учебных заведениях подготовку квалифицированных кадров рабочих и ИТР для работы в станкостроении.

Сразу после создания образцов конкурентоспособных орудий труда и технической реконструкции станкостроительных предприятий и их смежников необходимо переходить к массовому производству этих образцов техники, не прекращая при этом НИОКР по созданию еще более эффективных моделей орудий труда.

Для эффективного достижения целей технического перевооружения экономики в сжатые сроки производство конкурентоспособных видов орудий труда должно развертываться в определенной последовательности: от производства орудий труда для самого станкостроения к производству орудий труда для других отраслей машиностроения и далее к производству орудий труда для других отраслей экономики.

В целях недопущения возникновения трудностей со сбытом продукции станкостроения необходимо использовать имеющиеся возможности по применению протекционистских мер, существенно улучшить условия кредитования, снизить процентную ставку по кредитам и предоставить налоговые льготы покупателям отечественной техники. Если производимые орудия труда действительно конкурентоспособны, то эти меры позволят успешно вытеснить импорт станков отечественным производством.

Государственное планирование далее должно включать в себя установление заданий предприятиям, охваченным планированием, на *производство и реализацию* в планируемые сроки конкретных видов орудий труда, обладающих заданными технико-экономическими параметрами. То же относится и к проектно-конструкторским организациям, производителям материалов и комплектующих. С одной стороны, содержание заданий и условия их выполнения должны быть выгодными для организаций; участвуя в реализации государственных планов, они имеют реальную возможность улучшить свои позиции на рынке в долгосрочной перспективе. С другой стороны, предприятия должны нести жесткую ответственность за выполнение этих заданий и в случае их срыва возвращать выделенные

государством ресурсы с уплатой заранее оговоренных неустоек и лишаться предоставленных льгот.

Для реализации государственных планов развития станкостроения потребуются кардинальное перераспределение объемов государственных инвестиций между видами экономической деятельности. Прежде всего нужно сократить расходы на малоэффективные с точки зрения технологического развития страны, использовать огромные средства бюджета, выделенные, но не использованные по назначению.

Кроме перераспределения средств, разумеется, требуется и их увеличение. Источниками средств для целей инвестирования могут быть:

- налоги на российский капитал, вывезенный за рубеж;
- налоги на приобретение предметов роскоши;
- внутренние государственные займы;
- привлечение средств иностранных инвесторов.

Эффект от централизованного финансирования выполнения заданий должен измеряться не размерами дисконтированных приростов налогов, уплачиваемых предприятиями, — как это делается сейчас, — а народнохозяйственным эффектом — приростом национального дохода, полученным в результате технического перевооружения российской экономики.

ГЛАВА 9

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И СФЕРА УСЛУГ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА

Актуальность сферы услуг с точки зрения экономической теории (политэкономии) имеет большое значение. В первую очередь это связано с ролью социальных отраслей сферы услуг и значимостью экономических видов деятельности по оказанию социальных услуг, совокупность которых образует социальную сферу в экономическом и социальном развитии цивилизованных стран. В числе наименее исследованных в последнее время проблем можно назвать проблемы качественно нового построения социальной сферы, являющегося интеллектуальным потенциалом общества. Опыт промышленно развитых стран свидетельствует о том, что никакой прогресс в обществе, а также в экономике невозможен за пределами развития человека и производства, распределения, обмена и потребления нематериальных благ и услуг.

Хозяйственный опыт стран мира показывает, что преимущественный рост сферы услуг в сравнении со сферой материального производства является закономерным фактом и проявляется во всех развитых цивилизованных государствах. Во-первых, уровень развития этих сфер служит одним из показателей экономического развития страны, производительности общественного труда и эффективности экономической системы в целом. Во-вторых, развитие сферы услуг отражает гуманизацию общественных отношений, образно говоря, тенденцию перехода от производства товаров к производству «человеческого капитала». Известный американский экономист У. Ростоу в своей работе «Политика и стадии роста» (1971) делит общество с точки зрения развития производительных сил на стадии роста, характеризуя последнюю, шестую стадию как «поиск качества жизни». В этом обществе духовное развитие человека, преимущественный рост сферы услуг выдвигаются на первый план.

На рубеже 1980—1990-х гг. доля сферы услуг в валовом внутреннем продукте в развитых странах мира составляла 63%, а в развивающихся странах — 49%. В настоящее время в развитых странах абсолютная и относительная численность занятых в сфере услуг превышает численность занятых в материальном производстве национального хозяйства. В США

доля занятых в сфере услуг превысила 50% в 1955 г., в Великобритании — в 1960 г., во Франции — в 1970 г., в Японии — в 1975 г., в ФРГ и Италии — в 1980 г., в России — в 1995 г. Превращение сферы услуг в доминирующий сектор национального хозяйства по производству валового внутреннего продукта и численности занятых получило название информационно-технологической революции¹.

1. Критерии разграничения материального производства и сферы услуг

Вся человеческая деятельность характеризуется прежде всего ее отношением к производству материальных благ. Основным отличительным признаком, или критерием, выделения материального производства из всех других видов жизнедеятельности общества и человека является его преобразующее воздействие на вещество и силы природы, создание общественно-потребительных стоимостей, продуктов в вещной форме, форме энергии или в форме полезного эффекта труда — услуги перемещения, связи, информации, услуги, связанные с обслуживанием движения продуктов за пределами сферы материального производства. Сущность материально-трудовой деятельности определяется обменом веществ между человеком и природой, при котором в качестве предмета труда выступает вещество и силы природы, а преобразующее воздействие на последнюю происходит при помощи средств труда. Следовательно, критериями выделения материального производства являются содержание процесса труда и наличие трех его моментов — целесообразная деятельность, или сам труд, предмет труда и средства труда. Все другие виды деятельности общества, не обеспечивающие непосредственный обмен веществ между человеком и природой, находятся за пределами сферы материального производства и образуют в своей совокупности сферу услуг экономики. «Под сферой услуг понимается совокупность разнородных отраслей национальной экономики, труд работников которых непосредственно направлен не на изменение и преобразование форм материи и сил природы, а на производство особой потребительной стоимости в форме конкретной трудовой деятельности и ее полезного эффекта, удовлетворяющего потребности общества и производства в целом, а также личные потребности людей»².

В науке существует давний вопрос: вещная форма продукта труда при-
суща только материальному производству или же она возникает и в сфере

---

¹ Жильцов Е. Н., Казаков В. Н. Экономика социальных отраслей сферы услуг. М.: МГУ; ТЕИС, 2007. С. 21.

² Там же. С. 12.

услуг? Так, результаты труда социальных отраслей сферы услуг — писателей, скульпторов, художников существуют отдельно от труда создающего их субъекта, принимают вещную форму — книги, скульптуры, картины — и могут вовлекаться в экономический оборот, отделяясь от труда исполнителей. Однако не вещная форма определяет содержание и функциональное назначение этих видов труда, а творческое отражение ими внешнего материального мира. Труд этих работников, хотя и связан с вещами и принимает вещную форму, призван оказывать воздействие на человека, на его духовное развитие через вещи, воплощающие определенную идею. Потребительское свойство результатов этой деятельности определяется не естественными свойствами вещей, а талантливостью духовного, художественного выражения образов. Поэтому, строго говоря, материализует результаты деятельности писателей, скульпторов, художников не их труд, а труд в отраслях материального производства (типография), которые тиражируют произведения искусства и тем самым превращают их в продукт материального производства, в товар.

В сфере услуг деятельность человека в отличие от материального производства не связана с преобразующим воздействием на вещество и силы природы и не выступает как обмен веществ между человеком и природой. Объектом ее воздействия является человек, социальное условие его функционирования и деятельности, а также общество как социальный организм. Результаты труда работников социальных отраслей сферы услуг не материализуются, а выступают, во-первых, в виде целесообразной полезной деятельности, отражающей материальный мир в человеческой голове в виде научных знаний, произведений искусства и т.д., во-вторых, в виде деятельности, оказывающей услуги в форме полезного эффекта, потребляемого в самом процессе труда (образование, здравоохранение и т.д.). В этой сфере создается и реализуется специфическая потребительная стоимость — услуга. Характеризуя понятие услуги, К. Маркс писал: «Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому труду; особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название «услуги» потому, что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности...»¹

Вторая отличительная особенность труда в социальных отраслях сферы услуг (актеров, учителей, врачей и т.д.) состоит в том, что в ней имеет место совпадение процесса создания и потребления услуг, результаты труда здесь неотделимы от их исполнителей, не существуют отдельно от них, не принимают вещественной формы, следовательно, не подлежат хране-

---

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 151.

нию. Создание многих видов услуг выступает в форме «потребительского производства» в качестве деятельности. Невещный характер результатов усложняет потребительский выбор. Полезность услуг оценивается не заранее, а после их создания, косвенным путем на основе мнения других потребителей. Невещная форма услуг делает невозможным их транспортировку и накопление, развитие сферы услуг по сравнению с материальным производством в большей мере зависит от регионального фактора, и в связи с этим рынок услуг носит локальный характер.

Третья специфическая особенность сферы услуг заключается в том, что результаты ее труда используются только для непроектного потребления. Материальные средства, используемые в сфере услуг, выступают не в качестве средств труда, а как предметы потребления. Следовательно, сфера услуг не обладает необходимыми признаками процесса труда, поскольку в этой сфере, строго говоря, нет средств труда, а имеются предметы потребления. Материальные средства, применяемые в данной сфере, а это так называемые непроектные фонды, создаются не в I, а во II подразделении общественного производства.

Четвертой особенностью сферы социальных услуг является то, что труд в ней не создает стоимости и не переносит стоимость используемых в данной сфере материальных средств на результат труда. Нестойкий характер отношений в сфере социальных услуг признается как отечественной, так и мировой экономической теорией и практикой¹. Подтверждением этого является то, что оценка бесплатных услуг в международной статистической практике в рамках ООН производится на основе данных о затратах на текущее содержание учреждений, оказывающих бесплатные услуги, без учета прибавочного труда работников сферы услуг. Однако в условиях рынка услуги принимают стоимостную, денежную форму. Услуга, приобретающая форму стоимости (цену) и вместе с тем не имеющая стоимости, не является единственным случаем. В реальной действительности стоимостную оценку получают вещи, которые не обладают стоимостью. Так, денежную оценку получают земля, ценные бумаги, дары природы, которые имеют цену, но не имеют стоимости.

Автор возражает тем экономистам, которые в качестве критерия разграничения материального производства и сферы услуг берут характер применяемого труда — производительного труда в сфере материального производства и непроизводительного труда в непроектной сфере². Представляется, что рассмотрение производительного и непроез-

---

¹ Черковец В. Н. Образовательная сфера: взаимодействие с материальным производством в инновационном развитии экономики // Российский экономический журнал. 2009. № 9–10. С. 60–67.

² Социальная инфраструктура: вопросы теории и практики. Киев: Наука думка, 1982. С. 16.

водительного труда в методологическом плане является самостоятельной проблемой и не может выступать в качестве решающего критерия разграничения двух сфер общественного труда. Не следует отождествлять понятие производительного труда не только с трудом в материальном производстве, но и с трудом в сфере услуг. В материальном производстве может функционировать непродуцируемый труд, и, наоборот, в сфере услуг — производительный труд. Мы исходим из того, что определение производительного труда как экономической категории выводится не из сущности процесса труда, а из его специфически общественной формы, включая и внешние формы его проявления¹.

Разграничение народного хозяйства на сферу материального производства и сферу услуг позволяет выделить своего рода первичный сектор экономики, который образует материальную основу всех видов деятельности, и вторичный, который не принимает непосредственного участия в производстве материальных благ, а функционирует на материальном базисе, создаваемом первичным сектором. Однако это вовсе не означает, что сфера услуг полностью находится на иждивении материального производства и что здесь вообще ничего не создается. Сфера услуг вносит существенный вклад в увеличение экономического роста страны и роста благосостояния народа. Это находит свое выражение в создании нематериальных (непроизводственных) услуг, которые выступают в качестве особых потребительных стоимостей. Они с экономической точки зрения такие же продукты труда, как и материальные блага. Поэтому не следует отрицать реальность результатов сферы услуг и в то же время допускать их отождествление с результатами материального производства. Выяснение роли и места любой отрасли и вида деятельности должно начинаться с того, что, куда и к какому сектору они относятся. В этой связи в международной статистической службе ООН выделяются три сектора национальной экономики, в основу чего положена модель структуры общественного производства А. Фишера и К. Кларка. По К. Кларку, каждая страна проходит три стадии развития: аграрную (производительности в стране растет медленно), промышленную (рост производительности достигает максимума) и стадию преимущественного роста сферы услуг (темпы роста производительности замедляются). Первичный сектор включает сельское хозяйство и добывающую промышленность, вторичный — обрабатывающую промышленность, третичный — сферу услуг. Первичный и вторичный секторы охватывают отрасли и виды деятельности материального производства, а третичный — включает услуги как производственного, так и непроизводственного характера.

---

¹ *Бабаев А. П.* Непроизводственная сфера: социальная сущность и динамика. М.: Экономика, 1992. С. 9.

Таблица 1

Доля секторов экономики в ВВП в ряде стран мира, %¹

Сектор	Сельское хозяйство			Производство, добыча			Услуги		
	1997	2007	2014	1997	2007	2014	1997	2007	2014
США	1,4	1,1	1,3	23,9	22,2	20,7	74,7	76,8	78,0
Великобритания	1,1	0,6	0,7	27,0	21,5	20,1	71,9	77,8	79,2
Германия	1,1	0,8	0,8	31,5	30,5	30,5	67,4	68,6	68,7
Франция	2,6	1,8	1,7	23,7	21,1	19,6	73,7	77,1	78,7
Италия	3,1	2,1	2,2	28,3	26,5	23,4	68,6	71,4	74,5
Япония	1,6	1,1	1,2	32,7	28,2	26,9	65,7	70,6	72,0
Швеция	2,4	1,6	1,3	30,4	30,3	25,7	67,2	68,1	72,9
Россия	6,8	4,4	4,2	38,7	36,4	32,1	54,5	59,2	63,7
Азербайджан	21,5	7,1	5,7	40,1	70,0	58,0	38,4	22,9	36,3
Казахстан	11,9	5,8	4,7	26,7	38,7	35,9	61,4	55,5	59,4

Так, удельный вес сектора услуг в ВВП большинства развитых стран составляет свыше 70% в 2014 г. (табл. 1). Необходимо отметить, что промышленность в абсолютном выражении в большинстве рассматриваемых стран (кроме Италии и Японии) все же растет, хотя и более низкими темпами. Динамика развития секторов хозяйства неравномерна по развитым странам. Германия, Япония и Швеция, будучи развитыми странами, тем не менее сохраняют заметный удельный вес промышленности в ВВП. Таким образом, если говорить о «сервисной экономике», то этот термин не применим ко всем развитым странам. Из рассматриваемых стран к сервисным можно отнести США, Великобританию и Францию². В развивающихся странах, таких как Казахстан и Россия, доля промышленности также остается существенной (35,9 и 32,1% соответственно), хотя и с преобладанием сферы услуг в структуре экономики. В Азербайджане удельный вес промышленности в ВВП, хотя и снизился с 2007 по 2014 г. с 70,0 до 58,0%, тем не менее остается существенным. При этом удельный вес сектора услуг в ВВП составляет 36,6%.

В зависимости от характера труда и его результатов услуги, как известно, бывают как материального характера, или материальные услуги,

¹ Гаджиева А. Г. Место сферы услуг в концепциях социально-экономического развития XX–XXI вв. // Экономическое возрождение России. 2017. № 1(51). С. 141–158; 25 лет Содружества Независимых Государств. 1991–2015. Статистический сборник. М., 2016. С. 73, 77, 80.

² Там же. С. 144–145.

так и нематериальные, чистые услуги. Результаты труда по оказанию материальных услуг не выражаются в создании новых, вещественных продуктов, не приобретают форму вещей, а восстанавливают потребительную стоимость вещественных продуктов и тем самым увеличивают срок их потребления. Поэтому материальные услуги по характеру производственной деятельности не включаются в социальную, т.е. непродуцированную сферу, и их следует отнести к сфере услуг. Последняя отличается от социальной (непродуцированной) сферы тем, что она представляет собой комплекс отраслей, результаты труда которых не принимают предметную форму, не получают самостоятельную форму существования, а выступают в форме услуг, полезного эффекта, удовлетворяющих разнообразные общественные потребности. С этой точки зрения сфера услуг представляет собой набор отраслей народного хозяйства, включающих услуги транспорта и связи, торговли и общественного питания производственного назначения, производственные виды бытового обслуживания, а также все непродуцированные виды деятельности общества. Технологическое единство создания материальных и нематериальных услуг, общность их управления и сервисное назначение всех услуг позволяют рассматривать третичный сектор в качестве какого-то интегрированного хозяйственного комплекса. В то же время целостное рассмотрение сферы услуг не исключает возможности выделения социальной (непродуцированной) сферы в целом из третичного сектора народного хозяйства как сферы, создающей нематериальные услуги.

В современной науке все большее признание получает мнение, что выделение весьма разнородной сферы услуг в третичный сектор экономики весьма спорно. Так, пятисекторальная модель Д. Белла, хотя и имеет в своей основе трехсекторальную модель, однако дополнена еще двумя секторами («четвертичным» и «пятеричным»), делающими переход от индустриального к постиндустриальному обществу более многоэтапным. Последователи теории постиндустриального общества признают, что современная сфера услуг весьма неоднородна, кроме того, частично может быть отнесена к материальному производству. Они учитывают этот факт, выделяя различные секторы уже внутри самой третичной сферы. В первую очередь это относится к таким отраслям, как транспорт, связь, коммунальное хозяйство, деятельность которых в значительной степени представляет собой продолжение процессов производства в сфере обращения и потребления. Эти отрасли сферы услуг относятся собственно к третичному сектору экономики. Очевидно, что и результаты деятельности этих отраслей, по крайней мере в основной их части, по объективным основаниям теоретически должны быть отнесены к результатам материального производства. К «четвертичному» сектору экономики относятся торговля, услуги банковского дела, финансов, страхования, а также операции с не-

движимостью. Представляется, что торговлю более логично было бы отнести к третичному сектору, поскольку эта отрасль выполняет ряд функций производственного характера (хранение, упаковка, доставка и т.п.), связанных с представлением произведенных товаров-вещей конечному потребителю. Что же касается услуг финансового характера, то их отделение от третичного сектора выглядит вполне уместным. К «пятеричному» сектору экономики Д. Белл относит здравоохранение, образование, научно-исследовательскую деятельность, государственное управление, а также виды деятельности, связанные с обеспечением условий для отдыха людей¹. Именно о нем-то и идет речь как о структурном новшестве в области услуг, характеризующем постиндустриальную экономику.

В экономической литературе отдельными теоретиками сфера услуг рассматривается как неоднородная в той ее части, которую можно отнести к «непроизводственной» сфере, лежащей за пределами материального производства. Из нее выделяется та группа отраслей, которая теперь обычно называется социальной сферой в узком смысле слова: здравоохранение, образование, наука, культура. Услуга как особая потребительная стоимость вообще объективно разделяется на услуги указанной группы (а), услуги развлекательного характера, культовые (б), услуги, нарушающие нравственные принципы общества, вредные с медицинской точки зрения и предстающие противозаконной деятельностью (в). Соответственно можно было бы говорить о «производительном труде особого рода», создающем услуги (а), и «непроизводительном труде», предлагающем услуги (в). Промежуточное положение занимают услуги (б). Однако и «непроизводительный труд» в условиях всеобщих рыночных отношений объективно приобретает социальную форму «производительного» труда, если он приносит прибыль предпринимателю. В этом случае можно говорить о превращенной форме производительного труда, адекватной рыночной экономике².

Все вышеизложенное пока относится к чисто теоретическим научным изысканиям, поскольку в официальной международной статистике такая классификация, основанная на пятисекторальной модели экономики, в настоящее время не применяется. Тем не менее следует признать, что пятисекторальная модель имеет ряд преимуществ, связанных с тем, что в ней отдельное внимание уделяется отраслям «пятеричного» сектора, развитие которых крайне важно для формирования будущего высокотехнологического общества.

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 158.

² Человеческий капитал и образование / под ред. В. Н. Черковца, Е. Н. Жильцова, Р. Т. Язблук. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. С. 168–169.

2. Усиление взаимосвязи материального производства и сферы услуг

Экономически обе сферы реального сектора экономики — материальное производство и сфера услуг — находятся в диалектической взаимосвязи. Взаимосвязь двух сфер просматривается как с точки зрения влияния материального производства на развитие сферы услуг, так и, наоборот, воздействия последнего на первое. Влияние материального производства на сферу услуг осуществляется как путем оснащения социальных отраслей материальными средствами, так называемыми непроектными основными фондами, лекарствами, различными материалами, энергией, так и путем обеспечения работников сферы услуг предметами первой необходимости — питание, одежда, жилье и т.д. Следовательно, взаимосвязь обеих сфер экономики осуществляется по вещественным и личным факторам. В процессе создания нематериальных благ и услуг участвуют оба эти фактора. Внедрение достижений современного научно-технического процесса во всех отраслях сферы услуг выражается в том, что удельный вес прошлого труда по сравнению с живым в совокупных затратах возрастает, что проявляется в росте технического строения сферы услуг — отношения непроектных основных фондов к численности занятых в этой сфере. В современных условиях происходит рост технического строения сферы услуг, которое является результатом применения в сфере науки, медицины, образования и т.д. различных машинных систем, механизации и автоматизации трудовой деятельности работников сферы услуг. Однако внедрение достижений науки и техники в сфере услуг не заменяет собой живой труд, не вытесняет последний в той мере, в какой это имеет место в сфере материального производства. Характерная особенность роста технического строения в сфере услуг в отличие от материального производства состоит в том, что она влияет не столько на увеличение количества конечного результата, сколько на повышение качества конечного нематериального результата за счет сокращения затрат труда на вспомогательные операции и сосредоточения усилий работников на выполнении основных функций. Так, применение различных машинных систем в здравоохранении, оснащение медицинских кабинетов передовой техникой не столько связаны с увеличением количества принятых пациентов, хотя и это имеет место, сколько с повышением качества и эффективности медицинского обслуживания. Технические средства обучения, широко применяемые в сфере народного образования, не ведут к увеличению наполняемости классов, а способствуют повышению качества преподавательского труда, делают его более эффективным.

Переход к новому качеству экономического роста, усиление его социальной направленности предусматривают значительное опережение раз-

вития сферы услуг, возрастание роли нематериальных элементов накопления. Высокие уровни развития образования, здравоохранения, науки, культуры становятся непосредственными факторами экономического роста. Вложения в сферу услуг по сравнению с вложениями в вещественные элементы производства приобретают большую эффективность. Остаточный принцип выделения ресурсов, технократизм, недооценка «человеческого капитала» привели к существенному отставанию материально-технической базы сферы услуг. Приоритетное развитие сферы услуг, преодоление отставания ее материально-технической базы как новая модель экономического роста предполагает изменение ряда народнохозяйственных пропорций. Поскольку материальную основу функционирования сферы услуг составляет общественное материальное производство, то приоритетное развитие сферы услуг оказывает влияние на динамику и структуру общественного производства, в частности его I и II подразделений.

Возрастание роли и значения услуг во всей жизнедеятельности общества предполагает перераспределение ресурсов в пользу отраслей материального производства, как создающих предметы потребления, материальные средства сферы услуг (II подразделение), так и в пользу отраслей, производящих средства производства для производства средств сферы услуг («I для II»). Используя продукт II подразделения в качестве производственных фондов в сфере услуг, общество получает возможность расширить численность занятых в данной сфере и тем самым создавать больше нематериальных благ и услуг. Ускоренное развитие сферы услуг требует дополнительных вложений ресурсов в производство средств производства для этой сферы. В современных условиях сфера услуг становится одним из главных потребителей «средств производства» — приборов, оборудования, инструментов, зданий. Так, современная медицина использует множество видов продукции медицинской, приборостроительной и электронной промышленности, которые ориентируются на выпуск диагностических приборов, устройств для наблюдения за больными, средств обработки медицинской информации, лазерной аппаратуры, электронных приборов и аппаратов для массовых медицинских обследований, медицинских инструментов и средств механизации труда в больницах. Сфера образования предъявляет спрос на звуко- и видеозаписывающую аппаратуру, телевизоры, магнитофоны, информационную аппаратуру, вычислительную технику, которые широко применяются в учебном процессе. Настало время создания новой подотрасли машиностроения — образовательного машиностроения. В бытовом обслуживании широко применяются культурно-бытовая техника, различные машины и приборы, предназначенные для механизации труда в домашнем хозяйстве. Следовательно, для удовлетворения потребностей сферы услуг в современной

технике и технологии необходимо обеспечить ускоренное развитие «социального» машиностроения и прежде всего приборостроения и электронного машиностроения. Сфера услуг оказывает влияние на развитие II подразделения общественного производства непосредственно и I подразделения — опосредованно.

В условиях современной научно-технической революции возникают качественно новые формы взаимосвязи материального производства и сферы услуг, связанные с выходом материального производства за пределы своей сферы, продолжением производственного процесса не только в сфере обращения, как это было раньше, но и в пределах социальных отраслей сферы услуг. Оснащение современными машинными системами и техническими аппаратами, опирающимися на мощный энергетический потенциал науки, медицины, сферу образования, жилищного хозяйства и других отраслей, связанных с бытовыми услугами, направлено на создание энергии, лучей, полей, тепла, холода и т.д., т.е. осуществление функции материального производства в рамках сферы услуг. Другими словами, орудия материального производства в данном случае используются для создания материального продукта в пределах сферы услуг.

Следовательно, если раньше сфера услуг была связана с материальным производством по преимуществу отношениями потребления его результатов, которые в готовом виде поступали в сферу услуг, то в современных условиях она своими силами создает материальные блага, общественные материальные потребительные стоимости, которые удовлетворяют потребности сферы услуг. Это означает все больше переплетение, соединение материально-трудовых и нематериально-трудовых видов деятельности человека в рамках сферы услуг.

Вместе с тем наблюдается вторжение, проникновение функций сферы услуг в сферу материального производства. Так, в современных условиях в рамках материального производства осуществляются не только такие ранее известные виды непроектируемой деятельности, как учет, бухгалтерия, без которых невозможно нормальное функционирование общественного производства, но и такие, как создание заводских пунктов здравоохранения, стол заказов, парикмахерских, учреждений по повышению квалификации рабочей силы и т.д., функции которых непосредственно направлены на обслуживание воспроизводства человеческого капитала.

Таким образом, осуществление функций материального производства в рамках сферы услуг или, наоборот, функций сферы услуг в пределах материального производства говорит о более тесном взаимопроникновении и взаимовлиянии между этими сферами, но не о стирании границ между ними.

Таблица 2

**Добавленная стоимость по секторам экономики в развитых странах,
доля в ВВП, %¹**

	Год	ВВП*, %	В том числе в отраслях	
			материального производства**	социальной сферы***
Германия	2014	100	31,5	18,3
Дания	2014	100	23,8	23,4
Италия	2014	100	25,6	17,2
Канада	2010	100	29,1	20,0
Соединенное Королевство (Великобритания)	2014	100	20,5	18,3
США	2013	100	21,9	22,6
Франция	2014	100	21,2	23,2
Швеция	2014	100	27,1	24,5
Япония	2013	100	27,5	11,4

* Валовая добавленная стоимость в текущих ценах.

** Промышленность, строительство, сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота.

*** Государственное управление, оборона, образование, здравоохранение, социальные услуги.

Сфера услуг, развиваясь на основе материального производства, оказывает обратное активное влияние на его развитие. Это выражается двояким образом. Прежде всего торговля, материально-техническое снабжение, общественное питание и т.д. обслуживают распределение, обмен и потребление продуктов материального производства и тем самым обеспечивают бесперебойность всей системы расширенного воспроизводства. Вместе с тем развитие образования, здравоохранения, отраслей бытовых и культурных услуг оказывает влияние на дееспособность работников, способствует формированию и наиболее рациональному использованию свободного времени и тем самым всестороннему развитию личности. Сфера услуг оказывает все возрастающее воздействие на развитие материального производства через совершенствование человеческого капитала. Таким образом, воспроизводственная роль разных отраслей сферы услуг различна. В современной экономике наибольшее значение имеют образовательные и медицинские услуги, непосредственно воспроизводящие рабочую силу, а профессиональные и деловые услуги повышают эффективность материального производства.

¹ Россия и страны мира. 2016: стат. сборник. Росстат. М., 2016. URL: <http://www.gks.ru>

Устойчивое развитие социальной сферы способствует изменениям в структуре общественного производства: доля материального производства в ВВП относительно сокращается в пользу увеличения доли социальной сферы.

Как показывают данные табл. 2, в развитых экономиках мира доля добавленной стоимости, создаваемой в отраслях социальной сферы, вплотную приблизилась к аналогичному показателю по отраслям материального производства. Более того, в США и во Франции в отраслях социальной сферы создается валовой добавленной стоимости больше, чем в отраслях материального производства.

В условиях современной инновационной экономики усиливается интеграция материального производства и сферы услуг для достижения конечных социально-экономических результатов. Внутри сферы услуг возрастает влияние элементов материального производства, применение машинных систем, которые требуют совместного труда ученых, инженеров, техников и рабочих. Одновременно внутри материального производства происходит усиление роли сферы услуг, что проявляется в повышении роли интеллектуального и культурного развития человеческого фактора, соединении профессионально-технического и среднего образования с производительным трудом, влиянии здравоохранения на поддержание и развитие всесторонних способностей личности. Усиление связи индустриального производства с услугами здравоохранения, образования и науки находит отражение в создании единого медицинско-промышленного научно-производственного комплекса, научно-учебно-производственных объединений. Однако возрастание функциональной роли, духовного элемента, умственного труда, усиление роли науки, знаний, охраны здоровья и физической культуры в производстве не означают, что границы между материальным производством и сферой услуг и их результатами исчезают. Это также не означает, что материальное производство преобразуется в разновидность нематериального и, наоборот, нематериальное производство в разновидность материального. Качественное отличие материального производства и его роль основы всей жизни общества и всех других видов деятельности, включая и духовную, сохраняются на всех этапах развития человеческого общества. Непроизводственная (духовная) форма деятельности выступает не как однопорядковая с материальной, она экономически вторична по отношению к ней по своему содержанию и функциональной роли в общественном воспроизводстве.

Усиление взаимосвязи, интеграции материального производства и сферы услуг выдвигает проблему теоретического и практического значения: куда, к какому подразделению общественного производства (материального производства) следует отнести производство материально-вещественных элементов непроизводственных фондов.

Некоторые экономисты отождествляют материальные средства, используемые в сфере услуг, со средствами производства и рассматривают их как продукцию I подразделения, что фактически приводит к отождествлению материального производства и сферы услуг. Нам представляется, что материальные средства, применяемые в сфере услуг, являются предметом потребления. Следовательно, материально-вещественные элементы непроизводственных фондов как предметы непроизводственного назначения следует причислить к продукции II подразделения общественного производства.

В экономической литературе по поводу обмена деятельностью между материальным производством и сферой услуг существуют различные и часто противоположные мнения. Ряд экономистов, не отождествляя материальное производство и сферу услуг, отрицают экономическое значение существования непосредственного результата труда в данной сфере, возможности его денежной оценки, отрицают и реальность обмена результатами между двумя сферами и тем самым включение сферы услуг в схему воспроизводства. Другие, проводя параллель между материальным производством и сферой услуг, рассматривают место и роль сферы услуг в системе общественного воспроизводства как сферу, где создается стоимость, и считают, что Марксовы схемы реализации общественного продукта следует дополнить величиной стоимости, создаваемой в сфере услуг.

Нам представляется, что нельзя признать правомерными обе точки зрения, согласно которым сфера услуг в системе общественного воспроизводства связана с трудом, создающим и не создающим стоимость. С моей точки зрения, вряд ли можно согласиться с авторами, считающими, что труд в социальной сфере услуг создает стоимость, которую необходимо включать в национальный доход и, следовательно, перейти к новой, расширенной концепции национального дохода. Это касается всех отраслей социальной сферы в целом, поскольку во всех этих отраслях результат труда не получает овеществленной формы. Те, кто утверждает, что в социальной сфере услуг создается стоимость, должны ответить на вопрос: как может услуга воплощать стоимость — овеществленный труд? Ведь сама услуга есть труд, а труд не имеет стоимости, хотя и создает стоимость, является ее источником. Тогда надо пересматривать само понятие стоимости. Услуга выступает экономической формой труда, который потребляется в виде ее деятельности. В социальной сфере услуг нет вещественного носителя для появления стоимости, так как труд по оказанию услуг не фиксируется в продукте, имеющем вещественную форму. Другое дело — учет услуг и их объединение с материальными благами в едином синтетическом показателе валового национального продукта (ВНП). Наиболее правильной представляется позиция авторов, которые, рассматривая обмен деятельностью между производственной и социальной сферами,

считают, что для объективного отражения пропорции обмена необходимо дать стоимостную дооценку нематериальных благ и услуг, адекватно отбрасывающую все затраты живого и овеществленного труда.

Известно, что К. Маркс при анализе воспроизводства общественного капитала в третьем отделе II тома «Капитала» абстрагировался от влияния сферы услуг на пропорции общественного воспроизводства. Во-первых, в середине XIX в. непроизводственная (социальная) сфера была развита незначительно и не была охвачена капиталистическими производственными отношениями. Во-вторых, К. Маркс исходил из того очевидного факта, что, как бы ни развивалась непроизводственная сфера при различных производственных отношениях, материальное производство сохраняет свою самостоятельность и ведущую роль в развитии общественного организма, развивается по собственным внутренне присущим ему объективным законам и функционирует как самовоспроизводящийся процесс. Он дал методологическое обоснование положения о том, что отношения, складывающиеся в сфере услуг, обусловлены отношениями материального производства, показав, что первое может функционировать и развиваться только на основе и за счет второго. Такой методологический подход позволяет и в современных условиях, когда происходит интенсивный рост сферы услуг, прежде чем исследовать воспроизводство всего народного хозяйства, рассмотреть внутренние закономерности развития базисной сферы деятельности общества — материального производства. Изучение обмена деятельностью между двумя сферами экономики происходит на новой более конкретной ступени исследования, чем изучение общественного воспроизводства в пределах материального производства.

На наш взгляд, обмен деятельностью между материальным производством и сферой услуг на основе Марксовых схем воспроизводства может быть совершен, если предположить, что, во-первых, кроме материального производства, существует и сфера услуг, участвующая в системе общественного воспроизводства; во-вторых, в сфере услуг, и прежде всего социальных, создаются нематериальные блага и услуги, которые принимают в условиях товарно-денежных отношений стоимостную форму и получают денежную оценку; в-третьих, фонды сферы услуг создаются во II подразделении общественного производства.

Воспроизводственная проблема применительно к сфере услуг требуют решения вопросов об *источниках возмещения, накопления и потребления в единстве натурально-вещественной и стоимостной (денежно-ценовой) сторон.*

Термин «воспроизводство» применительно к сфере услуг прежде всего означает, что элементы, формирующие ее материально-техническую базу (здания, сооружения и инвентарь, лаборатории и их оборудование, компьютеры, телекоммуникационная связь), не создаются в дан-

ной сфере. Далее, для обеспечения и повышения уровня благосостояния работников сферы услуг необходимы соответствующие предметы потребления, опять-таки создаваемые за ее пределами. Следовательно, немалая часть материального производства работает и должна работать *непосредственно на сферу услуг*, и общество (государство, рынок) так или иначе стоит перед необходимостью финансировать этот сегмент общественно-полезной деятельности. Результаты деятельности в сфере услуг (ее продукты) не находят материального выражения: они потребляются непосредственно в процессе их оказания и реализуются не в продуктах, а в квалификации будущего работника, специалиста, в степени их способности к труду.

Возникает вопрос: откуда берутся накопления для расширения и качественного развития сферы услуг? Создается ли в ней самый реальный ВВП? Если да, то какая часть? В частности, очевидно, что в расходной структуре ВВП есть расходы на развитие сферы услуг (доля ВВП). А вот имеется ли ее реальный вклад в доходную часть ВВП, в ВНД (валовой национальный доход)? При этом следует иметь в виду, что в статистике, согласно «Системе национальных счетов», под ростом «реального ВВП» подразумевается его измерение, очищенное от влияния инфляционного фактора. В данном же случае ставится вопрос о «физическом» наполнении ВВП. Это товары в виде вещей и услуги в виде деятельности, не имеющие вещественного воплощения. Платные услуги в составе ВВП (по «Системе национальных счетов») представлены своей ценой, а если какая-либо услуга бесплатная, то она оценивается каким-то другим, косвенным способом. Следовательно, ВВП, если говорить о его однородной мере, категория исключительно денежная, ценовая, отражающая поток денег, идущих на рынке «навстречу» потоку оцененных товаров и услуг, движущихся из материального производства и сферы услуг. Таким образом, весь труд, создающий товары и любые услуги, является *по критерию и логике формирования ВВП* трудом «производительным», и тогда снимается (по данным, рыночным, разумеется, мотивам) сама постановка вопроса не только о «производительном и непроизводительном» труде, но и об «общественно полезном» труде в рыночной экономике, поскольку всякий труд оплачивается¹.

Некоторые авторы, анализируя проблемы соотношения материального и духовного производства и их результатов, отмечают, что между ними не существует «субстанциональных» (принципиальных) различий, что поиски таких различий несостоятельны и бесполезны. Отрицание субстанционального различия между материальным и духовным производством позволяет объединить их под одним понятием «общественное

---

¹ Человеческий капитал и образование. С. 167–168

производство» различных форм деятельности. Возникает вопрос: что следует понимать под общественным производством, всю ли совокупность трудовой деятельности людей, или же только часть; должна ли она рассматриваться узко, только как материальное производство, или же более широко, как включающее все виды созидательной продуктивной деятельности людей, в том числе, например, и политическую, духовную и тому подобную деятельность?

Материальное производство и общественное производство в определенном смысле понятия тождественные, поскольку всякое материальное производство совершается в общественной форме, есть прежде всего производство общественных индивидов, общественно определенное производство. Следовательно, неправомерно разграничивать в экономической теории понятия «материальное производство» и «общественное производство». Вместе с тем понятие «общественное производство» имеет и другие смысловые оттенки, когда используется, например, понятие «производство», ведущееся в общественном масштабе, в отличие от индивидуального, в частности, общественное воспроизводство и индивидуальное воспроизводство. На наш взгляд, нет оснований понимать под общественным производством и материальное производство, и вообще всякую общественно полезную трудовую деятельность людей. В таком случае исчезает всякий рациональный смысл в использовании особого понятия «общественное производство». Всякие иные толкования общественного производства, конечно, не запрещаются, но они ведут к размыванию понятий и не способствуют разграничению и анализу взаимодействия материального производства и других видов нематериальной деятельности. Так, рассмотрение общественного производства как совокупности производства материального и нематериального логически совершенно очевидно стирает границы между ними. Согласно этой концепции нельзя ответить, находясь на материалистических позициях, на вопрос о самых глубинных закономерностях развития общества. Ответ на него неизбежно приводит к выводу, что именно деятельность в материальном производстве образует «единую основу развития человеческой жизнедеятельности».

Между материальным и духовным производством и их результатами имеются, однако, субстанциональные различия. В сфере материальной деятельности человек воздействует на природу, преобразует ее, приспособляет ее вещества к своим потребностям. Труд же в духовной сфере этим критериям, как известно, не отвечает. Впрочем, поскольку и в ней создаются полезные результаты, удовлетворяющие общественные и личные потребности, постольку здесь можно применять понятие производства, но производства «особого рода». К. Маркс использовал термины «нематериальное производство», «духовное производство», «научное производство», «производство знания», «производство сознания» и т.п. Од-

нако это отнюдь не экономические понятия производства, так как имеются в виду не материальные продукты труда, а эффекты идеального, духовного плана, поэтому нельзя отождествлять эти виды деятельности с материальным производством. В политической экономии под производством, мы считаем, должно подразумеваться производство в экономическом смысле, т.е. процесс создания материальных благ, выступающий как простое и расширенное воспроизводство.

Материально-трудовая и непродуцирующая-трудовая деятельность — это принципиально различные виды экономической трудовой деятельности, поэтому нет оснований объединять их в единый вид «общественного производства». Поэтому нельзя, на наш взгляд, приписывать К. Марксу положение о том, что он якобы, кроме материального производства, выделяя нематериальное, духовное производство, общественное производство понимал шире, чем материальное производство.

Развернувшаяся в последние десятилетия научно-техническая революция обусловила коренные изменения в развитии общественного производства. Доля традиционных отраслей (в том числе материального производства) в ВВП относительно сокращается, а получают развитие отрасли сферы услуг, среди которых выделяются образование, наука, культура, здравоохранение и разного рода финансовые и торговые услуги. Удельный вес сферы услуг в ВВП в начале XXI в. варьирует в пределах от 62% в Японии до 72% в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т.д.)¹. Это обстоятельство, однако, в литературе трактуется неоднозначно. Некоторые авторы пытаются обосновать вывод о том, что сфера производства замещается социальной сферой, тем самым экономика в целом превращается в постэкономику, а само общество соответственно в постиндустриальное, постэкономическое. Бесспорно, под воздействием НТР, новых информационных технологий произошла реструктуризация экономики, которая не могла не отразиться на динамике занятости. Но это вовсе не означает, что материальное производство как таковое упраздняется вообще, вследствие чего наступает некая эпоха постэкономики, постэкономического общества. Такой вывод вряд ли можно признать обоснованным, поскольку он не соответствует реальной действительности.

По нашему мнению, необходимо отказаться от парадигмы постиндустриального общества, поскольку никакого постиндустриального общества пока нет, и скорее всего наступает новый этап наукоемкого индустриального общества. Следует согласиться с В. Н. Черковцом, который

---

¹ Смолин О. Н. Образование и глобальный контекст российской модернизации // Экономическое возрождение России. 2016. № 2(48). С. 59.

отмечает, что нет оснований судить об уровне так называемого «пост-индустриального» развития страны по таким «вторичным» показателям, как возрастание доли услуг в ВВП, доли ассигнований на социальную сферу из государственного бюджета и т.д. Такие показатели могут отражать как высокий, так и низкий уровень развития страны¹.

Принципиально важнее «первичные» показатели, на которых должен выводиться анализ коренных сдвигов в отношении людей к природе, т.е. в материальном производстве, и в характере труда, занятого в нем. Именно в орудиях, средствах труда и технологиях — главный пункт качественных изменений в производительных силах. Глубокие перемены в этой сфере приобретают, видимо, форму революций как в производительных силах, так и в общественно-экономическом строе. Современная экономика даже в США продолжает оставаться преимущественно индустриальной². Именно индустриальный базис является фундаментальной основой современного развития отдельных инноваций, таких как новейшие информационные системы, биотехнологии и нанотехнологии.

---

¹ *Зяблюк Р. Т., Титова Н. И.* Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность (обзор материалов круглого стола по неоиндустриализации экономики России) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 2. С. 121–122.

² *Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2016. С. 34–35.

ГЛАВА 10

ВОСПРОИЗВОДСТВО КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ЕГО СОСТОЯНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Формирование класса наемных работников в России происходило в условиях длительного трансформационного кризиса. С 1990 по 1998 г. число занятых сократилось на 22,4% — с 75,3 до 58,4 млн человек, безработица достигла 8,9 млн человек, или 13,3% к активному населению¹. Только за 1992 г. в результате либерализации цен, проведенной Ельциным и Гайдаром, реальная заработная плата снизилась в 2,4 раза, увеличив число бедных в 20 раз (с 1,5% до 1/3 населения)². Низкая занятость и высокая безработица оказали пагубное воздействие на заработную плату российских работников. *Она не обеспечивала воспроизводство рабочей силы.* Пятая часть работников на свою заработную плату были не в состоянии прокормить себя, 45% — не в состоянии содержать двух детей³.

В 2000-е гг. по мере оживления экономики уровень безработицы снижался. По данным Росстата, уровень безработицы, рассчитанный по методологии МОТ⁴, в 2007 г. составил 6,8%, но затем, в период кризиса 2008—2009 гг., вновь увеличился до 8,4%. В 2010-е гг. продолжилась тенденция к уменьшению уровня безработицы, и к середине 2018 г. он составил 4,7%⁵, т.е. ситуация в России, судя по этому показателю, лучше, чем во многих европейских странах. Однако государственная статистика стремится приукрасить положение с безработицей. Особенностью России является об-

---

¹ Россия в цифрах. 2002: крат. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 78; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. М., 1995. С. 55.

² Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. М., 1995. С. 77.

³ Труд и занятость в России, 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

⁴ В соответствии с методологией Международной организации труда к безработным относят лиц в экономически активном возрасте, отвечающих следующим критериям: не имеют работы, занимаются поиском работы, готовы приступить к работе в течение недели.

⁵ Росстат. Обследования рабочей силы за соответствующие годы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

разование в процессе реформ армии «неактивного населения». При учете скрытой безработицы — занятых только в домашнем хозяйстве и «полу-безработных» (лиц, не ищущих активно работу в силу сложившихся условий), уровень безработицы намного выше. По данным на 2015 г., число занятых только в домашнем хозяйстве составляло 5,5 млн человек, число «полубезработных» — 3,9 млн человек. Соответственно общий уровень безработицы превысил 17% (при официальном уровне в 2015 г. — 4,8%)¹.

Средний возраст безработных составляет 36 лет, наибольшие проблемы с поиском работы испытывают молодые люди в возрасте от 20 до 29 лет. Наибольшие различия в уровне безработицы мужчин и женщин наблюдаются в возрастной группе 55–59 лет (табл. 1). Это можно объяснить разницей в пенсионном возрасте. У женщин, вышедших на пенсию, возникают сложности с трудоустройством, а мужчины этой возрастной группы еще находятся в предпенсионном возрасте. Что касается структуры безработицы по уровню образования, то 3/5 всех безработных составляют люди, получившие высшее и среднее профессиональное образование (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение численности безработных по возрастным группам
и по уровню образования в 2016 г., % к итогу²**

	Всего	Мужчины	Женщины
Средний возраст безработных, лет	35,8	36,0	35,5
Безработные всего	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:			
15–19	4,2	4,5	3,9
20–24	19,1	19,4	18,7
25–29	16,5	15,8	17,4
30–34	13,1	12,5	13,9
35–39	10,8	10,8	10,9
40–44	9,0	9,1	8,9
45–49	6,4	7,7	8,2
50–54	9,8	9,5	10,3
55–59	6,4	7,9	4,6
60–72	3,1	3,0	3,2

¹ Расчет по данным за 2015 г. Труд и занятость в России, 2015: стат. сб. / Росстат, М., 2015.

² Россия в цифрах 2017: крат. стат. сб. / Росстат, М., 2017. С. 107.

Окончание табл. 1

	Всего	Мужчины	Женщины
В том числе имеющие образование:	100	100	100
Высшее	20,5	17,1	24,3
Среднее профессиональное	40,4	41,5	39,1
Среднее общее	29,8	30,2	29,4
Основное общее	8,7	10,3	6,8
Не имеющие основного общего образования	0,6	0,8	0,4

Таблица 2

Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации, май–июль 2018 г.¹

% безработных	Средний	Min	Max
Центральный федеральный округ	2,8		
г. Москва		1,2	
Ярославская область			6,0
Северо-Западный федеральный округ	3,8		
г. Санкт-Петербург		2,4	
Ненецкий автономный округ			8,1
Южный федеральный округ	5,5		
г. Севастополь		4,0	
Республика Калмыкия			10,6
Северо-Кавказский федеральный округ	10,1		
Ставропольский край		5,0	
Республика Ингушетия			26,4
Приволжский федеральный округ	4,3		
Республика Татарстан		3,4	
Удмуртская Республика			5,4
Уральский федеральный округ	4,7		
Ямало-Ненецкий автономный округ		2,0	
Курганская область			7,5
Сибирский федеральный округ	6,9		
Красноярский край		4,6	

¹ Росстат. Обследование рабочей силы в мае–июле 2018 г.

Окончание табл. 2

% безработных	Средний	Min	Max
Республика Тыва			10,5
Дальневосточный федеральный округ	5,0		
Чукотский автономный округ		3,4	
Еврейская автономная область			7,0
Российская Федерация	4,7		

Таблица 2 содержит данные Росстата по региональной структуре безработицы на середину 2018 г.: усредненные значения по федеральным округам, а также минимальные и максимальные уровни безработицы в субъектах Федерации в каждом из округов. Хуже всего положение Северо-Кавказского федерального округа, в котором средний уровень безработицы составляет 10,1% — в 2 раза выше, чем в среднем по России. В этом округе наиболее благоприятная ситуация в Ставропольском крае — 5% безработных, наиболее бедственное положение — в Ингушетии. В этом регионе самый высокий уровень безработицы среди субъектов Российской Федерации — 26,4%, что в 5 раз выше, чем в среднем по России, почти в 3 раза выше, чем в средней показатель по Северо-Кавказском округу, и в 22 раза выше, чем в Москве, где практически полная занятость (уровень безработицы — 1,2%, самый низкий в России). Серьезные проблемы с трудоустройством и в других республиках округа: в Чеченской Республике уровень безработицы 13,9%, в Карачаево-Черкесии — 11,4%, Дагестане — 10,8%, в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии — 9,7%. Массовая безработица на Северном Кавказе в свое время привела к терроризму.

В Центральном округе практически нет проблем с трудоустройством, там самый низкий уровень безработицы среди всех федеральных округов — всего 2,8%. В большинстве областей этот показатель ниже, чем в среднем по России, самый низкий — у Ярославской области (6%), и при этом он ниже, чем у большинства субъектов Федерации. В остальных округах «усредненная» ситуация вполне благополучна: уровень безработицы колеблется в диапазоне от 3,4% (Северно-Западный округ) до 6,9% (Западно-Сибирский округ). Однако усредненные данные не дают представления о различиях в уровнях безработицы субъектов Федерации в каждом из округов, хотя они и заметно меньше, чем на Северном Кавказе (см. табл. 2). Заметны различия в уровне безработицы в Северо-Западном, Южном и Сибирском федеральных округах. В первый входит Санкт-Петербург, в котором уровень безработицы настолько низок, что соперничать с ним не может подавляющее большинство регионов России; во второй — один из наиболее проблемных регионов — Калмыкия; в южной

части третьего расположены республики и автономные округа, находящиеся в состоянии длительного застоя.

За годы либеральных реформ (1990-е гг.) кардинально изменилась отраслевая структура занятости. Число работников сферы материального производства сократилось на 17,2 млн человек (на 36%), в том числе в промышленности на 9,5 млн человек (на 42%). На столько же процентов уменьшилось число строителей. Основная масса сокращенных работников пополнила ряды торговцев и ремонтников машин (их число увеличилось на 6,5 млн человек (в 2,1 раза). В 1,5 раза увеличилось число финансовых работников, и на 2,4 млн — работников, занятых в органах управления¹.

В 2000-х гг. общее число занятых выросло на 7 млн человек, превысив уровень 1992 г. (но не достигнув уровня 1990 г.), при этом, несмотря на улучшение условий функционирования экономики, в структуре занятости изменений в лучшую сторону не произошло до настоящего времени. В 2016 г. по сравнению с 2005 г. численность занятых в отраслях обрабатывающей промышленности сократилась на 1,8 млн человек, в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве — на 1,2 млн человек, в образовании — на 0,5 млн человек. Как и в 1990-е гг., увеличилось число занятых в торговле (на 1,1 млн человек), в операциях с недвижимым имуществом и арендой (на 1,1 млн человек), в органах государственного управления (на 0,3 млн человек)². Росла занятость по обслуживанию богатых (охрана, няни, уборка, повара, садовники и пр.).

Значительно число занятых в теневом и неформальном секторах экономики, где имеет место нерациональная занятость (табл. 3). Количество занятых в теневом секторе, по данным Росстата, за 2014 г. составило 14 млн человек. Для 85% такой тип занятости является основным. В 2014 г. в неформальном секторе было занято 11,5 млн человек. Работники неформального сектора больше пострадали от кризиса, их численность сократилась. Среди работающих по найму в неформальном секторе доля ищущих другую работу в 4,4 раза выше, чем среди наемных работников, т.е. наблюдается стремление уйти из этого сектора³. К нерациональной занятости относится и преобладающая часть занятых в домашних хозяйствах: их 15,3 млн человек, в том числе 13,7 млн производили продукт для собственного конечного потребления, а 1,6 млн человек — для продажи и обмена.

¹ Россия в цифрах. 2017. С. 92; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. М., 1995.

² Россия в цифрах. 2006: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017; Россия в цифрах. 2017.

³ Там же.

Таблица 3

Численность лиц, нерационально занятых, 2014 г.¹

Наименование деятельности	Млн человек
<i>Незанятые в экономике</i>	
«Неактивные» трудоспособного возраста	16,9
в том числе скрытая безработица (3,9 млн человек, желающих работать, и 5,5 млн человек, занятых только в домашних хозяйствах)	9,4
Официально признанная безработица	4,2
Потенциальная безработица	13,0
Итого (без потенциальной безработицы)	21,1
<i>Нерационально занятые</i>	
Занятые в теневой экономике	14,0
Занятые в неформальном секторе экономики	11,5
Вторичная занятость производством продукции в домашнем хозяйстве	9,2
Итого (без занятых в домашнем хозяйстве)	25,5
ВСЕГО незанятых и нерационально занятых в экономике	46,6

Изменения в структуре занятости во многом отражают изменения в объеме и структуре производства. По сути, в постсоветские годы шла деиндустриализация страны. Как видно из табл. 4, объем промышленного производства в 2016 г. составил 86% от уровня 1990 г., производство машин и оборудования сократилось более чем в 2 раза, производство транспортных средств и оборудования сократилось на треть, объем строительства — на одну пятую. Инвестиции составили 56% от уровня 1990 г. Таким образом, в стране имеет место «суженное производство».

Таблица 4

**Соотношение объемов производства 2016 г. к 1990 г.
по отраслям экономики²**

Отрасли экономики	2016 г. к 1990 г., %
Промышленность, в том числе:	86
производство машин и оборудования	46
производство транспортных средств и оборудования	66

¹ Труд и занятость. 2015 / Росстат. М., 2015.

² Россия в цифрах. 2017; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. М., 1991.

Окончание табл. 4

Отрасли экономики	2016 г. к 1990 г., %
текстильная и швейная промышленность	23
кожевенная и обувная	28
Сельское хозяйство	99
Инвестиции	54
Грузооборот транспорта	88
Пассажиروоборот	47
Бытовые услуги	44
Строительство	80

В ключевой отрасли промышленности — машиностроении отдельные производства реформаторами практически разгромлены. Производство металлорежущих станков в 2016 г. составило всего 5,2% от уровня 1990 г., тракторов — 3%, зерноуборочных комбайнов — 10%, экскаваторов — 6%, электродвигателей переменного тока — 26%, вычислительной техники — 16%, гражданских самолетов — 22%, вагонов пассажирских — 13%, грузовых автомобилей — 19%, турбин всех видов — 11%. По сравнению с советским периодом стали произведено 77%, значительно сократилось производство стройматериалов. Производство конструкций и сборных железобетонных изделий составило 24% от уровня 1990 г., кирпича — 34%, цемента — 66%, пиломатериалов — 30%. Бедственное положение сохраняется в текстильной и швейной, кожевенной и обувной промышленности, там производство сократилось до 23 и 28% соответственно. Не все благополучно и в пищевой промышленности: производство колбасных изделий сократилось на 30%, животного масла — на 70%. Возросло только производство мяса, включая субпродукты первой категории, — оно составило 109% от уровня 1990 г.¹

Если судить по объему производства, положение сельского хозяйства значительно лучше, чем в обрабатывающей промышленности: объем сельскохозяйственного производства в 2016 г. достиг уровня 1990 г. (чему в том числе способствовало введение санкций), но при этом структура сельскохозяйственного производства изменилась. Так, поголовье крупного рогатого скота снизилось в 2,5 раза, овец и коз — в 1,5 раза. Растущей отраслью животноводства является лишь птицеводство и свиноводство². В 2016 г. более половины продовольствия было завезено из-за границы. Одновременно в аграрно-промышленном секторе и пищевой промышленности

¹ Россия в цифрах. 2017.

² Там же.

страны растет доля иностранного капитала. Доля последнего в пищевой промышленности России, по данным Министерства сельского хозяйства, уже составляет 60%.

Таким образом, докризисного уровня 1990 г. не удалось достигнуть практически по всем показателям, за исключением товарооборота и ВВП. Причем последний показатель пришлось «накачать» по новому методу, чтобы ни в 2015 г., ни в 2016 г. его падения не было¹. Современная экономика России носит кризисный характер. Заблудившись в историческом развитии, страна потеряла больше четверти века, и неизвестно, сколько лет ей потребуется для достижения уровня высокоразвитой социально ориентированной экономики. Ясно одно: *выйти из растянувшегося на 25 лет кризисного состояния мешает сложившийся либерально-монетаристский курс руководства страны.*

Одной из характерных особенностей современной России является повышение ее зависимости от иностранного капитала. *За счет захвата иностранным капиталом все большего числа отраслей из национального рынок рабочей силы в России все больше превращается в транснациональный.* По оценкам бывшего директора НИИ статистики М. Симчеры, иностранному капиталу в России принадлежит не 20%, как говорят официальные данные, а 75% всего капитала, в том числе в имуществе — 60%, в прибылях — 70%, в акциях — 90%².

Другой характерной особенностью является рост отечественного олигархического капитала. Хотя долларовые олигархи, располагающие не только экономической, но и политической властью, появились при Ельцине (семибанкирщина), быстрый рост олигархического капитала — закономерность, связанная с правлением В. В. Путина. Государство щедро снабжало олигархов всем необходимым: природными ресурсами по низкой цене, дешевой рабочей силой, налоговыми и финансовыми льготами. С самого начала проявилось стремление олигархов вывозить капиталы за границу, уводить их в офшоры, проявилась их компрадорская сущность. А в трудные кризисные времена 2008 г., когда многие из олигархов «погорели», ибо российский фондовый рынок «рухнул» на 75%, государство щедро предоставило им через банки свои финансовые резервы. Тогда и проявилась их *антисоциальная сущность*: при снижении доходов трудящихся и малого бизнеса прибыль олигархов в 2009 г. возросла вдвое.

По размеру средней зарплаты Россия уступает десяткам стран мира. В рейтинге Международной организации труда 2017 г., рассчитанном

¹ Об изменениях в методологии в расчете ВВП см.: Россия в цифрах. 2017.

² Хазин М. Интересные данные по российской статистике в изложении В. И. Симчеры. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/915079> (дата обращения: 10.11.2015).

для 157 стран, Россия заняла 69-е место, отставая не только от передовых стран, но и от стран бывшего социалистического блока. Новая буржуазия России и буржуазное государство стремятся получить монопольно высокую прибыль, прежде всего за счет сокращения заработной платы ниже стоимости рабочей силы. Между тем, как и другие товары, рабочая сила должна воспроизводиться не в «хиреющем», а в полноценном виде. Прожиточный минимум трудоспособного населения, по данным Росстата, на I квартал 2018 г. составил 10 842 руб. По нашим расчетам, он занижен не менее чем в 3 раза. Для простого воспроизводства рабочей силы нужна заработная плата не ниже 30 тыс. руб., а с учетом расходов на культурные и социальные нужды (то, что Маркс называл историческим и моральным элементом рабочей силы) — не менее 40 тыс. руб. Для того чтобы растить троих детей не на голодном пайке, требуется, чтобы родители зарабатывали 114 тыс. руб. в месяц.

Важным элементом стоимости рабочей силы являются расходы на образование, получение и повышение квалификации как родителей, так и детей. Благодаря советской власти работники России имеют высокое образование и квалификацию. Сейчас традиции продолжены. В 2016 г. 33,5% работников, занятых в экономике, имели высшее образование, 45,1% — среднее профессиональное (25,9% — по программе подготовки специалистов среднего звена и 19,2% — по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)¹. Приобретение квалификации требует не менее 13–17 лет. Семья тратит на обучение ребенка в школе ежемесячно примерно 5 тыс. руб., включая плату за обучение в школах рисования, музыки, английского языка, робототехники и т.д. Начинает коммерциализоваться среднее и даже начальное образование. Общие расходы на образование и получение квалификации составляют внушительную сумму: 50–100 тыс. руб. и более. Часть знаний амортизируются, другие приобретают особое значение. Эти расходы самые выгодные: по мнению П. Самуэльсона и В. Нордхауса, каждый год учебы повышает заработную плату работника на 8%².

Значительным по величине элементом стоимости рабочей силы стали затраты на жилье. В 2016 г. цена 1 кв. м жилья на первичном рынке составляла в среднем по России 53 тыс. руб. в месяц, аренда однокомнатной квартиры — 20 тыс. руб. при средней заработной плате в 36,7 тыс. руб.³. Процент по ипотечному кредиту в России очень высок, и часто возникает необходимость платить за временное жилье, ежемесячные расходы

¹ Россия в цифрах. 2017.

² Самуэльсон П., Нордхаус В. Д. Экономика: пер с англ. 16-е изд. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. С. 226–227.

³ Россия в цифрах. 2017. С. 461.

на которое составляют не менее 30–50 тыс. руб. *Приобретение квартиры для подавляющего большинства наемных работников при нынешней зарплате стало практически невозможно.*

Приведенные выше данные с учетом падения курса рубля с конца 2014 г. позволяют оценить общую стоимость рабочей силы квалифицированного работника в 180–190 тыс. руб., специалиста с высшим образованием — 250–270 тыс. руб. Этот расчет основан на данных по среднему уровню заработной платы в высокоразвитых странах мира. Таким образом, *средняя фактическая заработная плата в России в 7–11 раз ниже стоимости рабочей силы.* Многие квалифицированные работники (ученые, видные специалисты) уехали за границу. Количество работников, занятых научными исследованиями и разработками, уменьшилось с 1990 по 2016 г. в 2,6 раза — с 1943 тыс. до 723 тыс. человек в 2016 г.¹ Наука в условиях сложившейся системы оказалась менее востребованной, чем при социализме. На смену квалифицированным работникам приезжают менее квалифицированные из бывших советских республик. Доля иммигрантов среди наемных работников быстро растет. Их в России, по данным Всемирного банка, работает 13–15 млн человек (и большинство из них без официальных разрешений).

Количество бедных в России, по данным Росстата, за последние пять лет возросло на 5 млн человек, превысив 20 млн человек. Доля россиян, оказавшихся за чертой бедности, возросла с 10,7% от общей численности населения в 2012 г. до 13,8% в 2017 г. По оценкам Института социологии РАН, она еще выше — каждый пятый россиянин бедный. Если же к бедным по доходам добавить бедных по лишениям (безработные, болезни, «социальное дно» и др.), общее число бедных составит около трети населения страны. А при учете того, что минимальный прожиточный уровень должен быть увеличен как минимум втрое, за чертой бедности окажется 3/4 всего населения, т.е. в 5 раз больше, чем показывают официальные данные, в том числе 50% из них будут иметь доходы в два и более раз меньше прожиточного минимума.

Причина огромного количества бедных, по мнению академика А. Аганбегяна, — «вопиющий разрыв в доходах» богатых и бедных. В России у 10% семей доход меньше 6 тыс. руб. на душу, в то время как другие 10% семей, а это почти 15 млн человек, на душу в среднем имеют доход не менее 96 тыс. руб. в месяц (в Европе разрывы — 8–10 раз, в странах социал-демократической ориентации (например, в скандинавских) — 6–8 раз, в Японии — 5 раз). При этом, согласно отчету Аналитического центра при Правительстве РФ, в России существует уникальное явление — около 12 млн человек (более половины населения, официально признанного бед-

---

¹ Россия в цифрах. 2017; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. М., 1991.

ным) живут за чертой бедности, несмотря на то что продолжают работать. Одно из негативных последствий экономического неравенства — затруднение воспроизводства человеческого капитала: значительная часть работников не могут направлять средства на повышение уровня жизни, в том числе на современные услуги здравоохранения, культуры и качественный отдых. Согласно докладу ООН о человеческом развитии за 2016 г., отставание России по уровню жизни, измеряемому валовым национальным доходом на душу населения, от стран, занимающих первые 10 строчек рейтинга, составляет 54%. И без того низкие реальные денежные доходы российского населения снизились за последние пять лет более чем на 10%. По мнению академика А. Г. Аганбегяна, преодоление последствий самого длительного с 1998 г. спада доходов при низких темпах экономического роста (в 1,5–2,5%) может затянуться на несколько лет. По реальным доходам населения Россия существенно отстает от развитых стран, что отражает общее снижение конкурентоспособности нашей страны в мировой экономике и снижение ее привлекательности для работников с высоким уровнем квалификации¹.

Бедность процветает в богатой природными ресурсами стране. Россия занимает по разведанным запасам полезных ископаемых 1-е место в мире. Ресурсная безопасность — единственный вид экономической безопасности, который современной России удалось сохранить. Однако природные запасы, которые обеспечивают нашей стране получение высоких доходов от экспорта нефти, направляются не на улучшение положения населения и развитие экономики, а идут на пополнение резервных фондов, которые хранятся в иностранных ценных бумагах и укрепляют экономику западных держав в то время, когда социальная и демографическая безопасность России подорвана.

Ключом к росту уровня жизни в России может быть только масштабная модернизация экономики, создание новых высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест, что должно привести к качественному изменению роли России в международном разделении труда и в мировой экономике. Если на СССР приходилось 20% мировой промышленности, в том числе на РСФСР — 10%, то в постсоветский период доля России в мировой промышленности и в ВВП сократилась в разы и продолжает снижаться (с 2013 по 2016 г. ее доля в мировом ВВП снизилась с 2,9 до 1,7%). Бюджет страны не позволяет решить ни одной из накопившихся проблем. Поэтому главной целью на следующее десятилетие должна стать *неоиндустриализация в сочетании с вертикальной интеграцией, развитие страны по инновационному пути*. Для ее достижения требуется

---

¹ Аганбегян А. Доходы российских граждан — сравнение с миром. Институт экономики роста П. А. Столыпина. Апрель 2018.

реформировать государственное управление экономикой. Государственная Дума по предложению КП РФ приняла федеральные законы о стратегическом планировании и о государственной промышленной политике. Эти законы должны быть наполнены конкретным экономическим содержанием. Сейчас, когда уточняется ход реализации программ до 2020 г. и разрабатывается новая программа до 2030 г., следует разобраться, почему Правительство не реализует грандиозную программу, предложенную В. В. Путиным в начале 2011 г., о создании 25 млн высококвалифицированных рабочих мест к 2020 г.

Далее, *необходимо создать условия для поэтапного сближения заработной платы и стоимости рабочей силы, устранения значительной дифференциации заработной платы.* Минимальная заработная плата должна быть не ниже двух прожиточных минимумов (работника и ребенка). Чтобы избежать социальных потрясений, следует внести принципиальные изменения в социальную политику: *восстановить фонд занятости, увеличить хотя бы до прожиточного минимума пособия по безработице.* Следует законодательно *повысить роль профсоюзов.* В основу всей социальной политики, государственного регулирования занятости и заработной платы необходимо положить трехсторонний коллективный договор (профсоюзов, союзов предпринимателей и государства). Нужно ввести в правило судебные разбирательства по каждому случаю задержки заработной платы, ужесточить законодательные наказания за такие действия¹.

Новый курс предполагает *социальную переориентацию на интересы класса наемных работников физического и умственного труда.* Предприятия следует, как в США по программе ЕСОП, передать наемным работникам в коллективную собственность. Тогда предприниматели не смогут в массовом порядке банкротить свои предприятия, а землю продавать под строительство жилья, не смогут вывозить капиталы за границу. На таких предприятиях работники смогут получать не только нормальную заработную плату, но и дивиденды. Предложенные выше меры необходимы для того, чтобы Россия смогла осуществить неоиндустриализацию и диверсификацию экономики, разрешить социальные проблемы, достигнуть уровня передовых стран и занять достойное место в мировой экономике.

---

¹ Подробнее об этом см.: *Вишнякова В. А., Руднев В. Д.* Формирование и государственное регулирование рынка рабочей силы. М.: Дашков и К, 2014.

ГЛАВА 11

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО КАК ОБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Стремительно нарастающие технологические изменения в мире, основанные на достижениях четвертой промышленной революции, не оставляют времени для долгих размышлений о судьбе страны, ее месте в мировой экономике, для бесконечных дискуссий о новой экономической модели развития, способах прыжка в новое технологическое пространство. Настало время действовать и, как писал Дж. М. Кейнс, «испробовать на деле все, что будет казаться имеющим хоть какие-то шансы на успех»¹. Таким шансом призван стать Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятый 28 июня 2014 г., но до сих пор не задействованный в полную силу.

Сегодня перед страной стоит задача превратить научно-технический прогресс в «естественную необходимость», ибо технологическое отставание реально угрожает потерей национального суверенитета страны. Необходимость совершить рывок в новое технологическое пространство требует задействовать факторы развития на стороне производительных сил и производственных отношений, в системе управления и принципах регулирования социально-экономических процессов. Важно не столько нахождение главного «звена в цепи», сколько применение системного политико-экономического подхода к стратегии развития страны; объединение усилий ученых разных сфер знаний в области общественных, естественных, технических наук, стратегов-политиков, обладающих долгим горизонтом мышления; выработка консенсуса в обществе по поводу наиболее эффективных и коротких путей перехода экономики на новый технологический уклад; восстановление нормальных условий воспроизводственных процессов на макро- и микроуровне. В этой ситуации актуализируются такие проблемы общественного воспроизводства, как пути совершенствования структуры экономики, факторы экономического роста и инновационного развития.

---

¹ Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. С. 518.

Изучению собственно процесса воспроизводства, его особенностей в современной России на макро-, микро- и региональном уровнях сегодня уделяется недостаточное внимание, а отход от воспроизводственной проблематики ограничивает возможности системного исследования социально-экономических процессов в стране и мире, ведет к сужению самого поля исследования, определения условий «для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы»¹. Представляется, что использование здесь положения из «Капитала» К. Маркса, относящегося к характеристике «внутренней организации капиталистического способа производства в его идеально-среднем типе»², вполне правомерно при рассмотрении воспроизводственного процесса в широком смысле как процесса воспроизводства жизни общества — как объекта стратегического планирования. «Развитие экономики, — пишет С. Ю. Глазьев, — определяется механизмами воспроизводства, обеспечивающими постоянное возобновление циклов разработки, изготовления, сбыта и потребления разнообразных видов продукции. Работа этих механизмов обеспечивается сложной системой институтов, соединяющих в едином процессе факторы производства, организующих и направляющих его в соответствии с общественными потребностями. При этом поддерживаются определенные пропорции, в зависимости от соотношения которых происходит простое, расширенное или суженное воспроизводство»³. Но в процессе реформ 1990-х гг. прежние механизмы воспроизводства были разрушены, что привело к нарушению пропорций, деградации структуры экономики и падению промышленного производства. Вместо обещанного реформаторами освобождения производства от «пут» командно-директивного планирования и его перехода к технологическому обновлению произошли разрушение единого народнохозяйственного комплекса, примитивизация производства, фактическое уничтожение машиностроительной отрасли — ядра воспроизводственного процесса. Характеризуя этот процесс, Глазьев отмечает, что фактически российская промышленность распалась на относительно благополучный экспортно ориентированный сырьевой сектор и сужающийся под давлением импорта внутренний сектор, который все больше отстает от зарубежных конкурентов и разрушается. Эти секторы имеют разные механизмы воспроизводства, разный состав обеспечивающих их институтов и разные возможности для развития⁴.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 386.

² Там же. С. 399.

³ Глазьев С. Уроки очередной российской революции. М., 2011. С. 245.

⁴ Там же. С. 527.

На сегодняшний день остаются нерешенными задачи совершенствования отраслевой структуры экономики, несмотря на положительные подвижки в последнее время в ряде отраслей обрабатывающей промышленности. В «Принципах Стратегии...» Торгово-промышленной палаты РФ отмечается, что, «несмотря на очевидную экономическую и социальную роль обрабатывающей промышленности, ее огромный потенциал, наличие ресурсов и сохранившиеся компетенции, развитие и управление данными секторами в последние десятилетия происходило по остаточному принципу, как в части финансирования, так и в части государственного внимания и защиты»¹. Ключевое звено обрабатывающей промышленности — машиностроение — до сих пор не обеспечивает потребности отечественного производства, не превратилось в двигатель новой индустриализации. Потери, которые понесло отечественное машиностроение и станкостроение в 1990-е гг., не могли не отразиться на общем состоянии нашей экономики. За четверть века производство станков сократилось более чем в 20 раз, износ станков в машиностроении порой достигает 70–80%, многие промышленные предприятия находятся на грани банкротства. С таким уровнем одной из важнейших отраслей экономики невозможно решить системные проблемы, стоящие сегодня перед страной. Как отмечает О. С. Сухарев, «глубина провалов по технологическим и воспроизводственным контурам в промышленности настолько глубока, что потребуются значительный объем времени и ресурсов для решения задачи замещения импорта по гражданскому производству и рынкам»².

На протяжении четверти века проблемы возмещения и обновления основного капитала достаточно активно обсуждались в научной среде, но экономическая реальность свидетельствовала о процессе старения основного капитала, его применении с рекордно высокой степенью износа. При этом выход из трансформационного и экономического кризиса не сопровождался изменением сложившейся ситуации — не происходило массовое обновление основного капитала³. И сегодня ситуация с обновлением основного капитала остается напряженной. Нормальный воспроизводственный процесс в России невозможен без восстановления собственного промышленного производства, современного машиностроительного комплекса — основы роста производительности труда и конкурентоспособности отечественной продукции. По словам В. Н. Черковца,

---

¹ Принципы стратегии социально-экономического развития России до 2025 г. Проект от 9 марта 2017. С. 7.

² Сухарев О. Научно-техническое развитие: опыт СССР и задачи новой индустриализации и развития // Экономист. 2017. №12. С. 35.

³ См.: Современный характер циклического воспроизводства: мировое и российское измерение. М., 2012. С. 5.

эта задача «не может быть решена без ряда существенных изменений в соотношении государственного и частного секторов в экономике, в системе государственного регулирования всего народного хозяйства, в частности налаживания системы долгосрочного прогнозирования, стратегического программирования и планирования»¹. Однако до сих пор прогрессивные структурные и инновационные изменения не стали на деле главными ориентирами промышленной политики, которые нужны, используя выражение Маркса, «для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширенного процесса воспроизводства»².

И сегодня вновь встает задача превратить Россию «из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование»³. Выступая на заседании президиума Совета при Президенте по модернизации экономики и инновационному развитию России 15 марта 2016 г., Д. А. Медведев провозгласил: «Тот, кто умеет производить станки... тот, по сути, находится на верхнем уровне производственной цепочки и способен побеждать в любой технологической конкуренции», однако признал, что эта отрасль переживает тяжелые времена и что они еще не закончились⁴. Участники этого заседания отмечали, что прежняя система конструкторских бюро, отраслевых институтов, кооперативных и сбытовых цепочек пришла в упадок. Многим отечественным предприятиям на протяжении двух с лишним десятков лет приходится бороться просто за выживание. В этих условиях импорт некоторых видов станков и оборудования доходит до 90%. Высокая зависимость от импорта в условиях санкций представляет большую угрозу экономической безопасности страны. Руководители станкостроительных предприятий отмечают такие негативные факторы в отрасли, как недопустимо высокий износ основных фондов, недостаточность собственных финансовых средств для осуществления нормального хода воспроизводства, трудности с получением кредитов, высокие процентные ставки, проблема реализации продукции отечественного станкостроения, низкий спрос на нее на внутреннем и тем более на мировом рынках. Это проблема качества и надежности отечественной промышленности, которая настоятельно требует своего решения.

---

¹ См.: Современный характер циклического воспроизводства: мировое и российское измерение. С. 7.

² Там же. С. 386.

³ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957. С. 562.

⁴ <http://government.ru/news/22178/>

Выступая на этом заседании, министр промышленности и торговли Д. В. Мантуров привел данные по закупкам отечественного механообработывающего оборудования: в 2015 г. они составили 10%, в 2016 г. — 20%, а к 2020 г. планируется достичь 60%. Проблемы станкостроительной отрасли — это проблемы всей цепочки воспроизводственного процесса, и принципиальные сдвиги в отрасли возможны только на основе системных изменений во всем хозяйственном механизме, в воспроизводственных процессах страны, и здесь свое место должно занять стратегическое планирование. В аналитической статье «Государственное планирование станкостроения — ключевое звено импортозамещения», посвященной состоянию и проблемам отечественного станкостроения, Н. К. Водомеров отмечает, что «наметившееся в мире заметное ускорение развития станкостроения, вызванное внедрением новейших технологий, с учетом нынешнего состояния отечественного станкостроения ставит вопрос ребром: либо Россия в ближайшие годы совершит скачок в развитии производства орудий труда, либо закрепится как технологически зависимое отсталое государство»¹. Он подчеркивает, что подняться до уровня станкостроения передовых индустриальных стран, используя прежние методы, невозможно. Нужен комплексный системный подход, требующий повышения роли государства в экономике и использования государственного индикативного планирования. «Государственное планирование производства орудий труда, — заключает он, — это то ключевое звено, «ухватившись за которое», нынешнее руководство страны смогло бы не только на словах, но и на деле обеспечить подлинное возрождение России, заняв ее достойного места среди ведущих держав мира»².

Следует признать, что в последнее время уделяется все больше внимания со стороны государственных структур реальному сектору экономики, обрабатывающей промышленности. Все настойчивее говорится о превращении обрабатывающего сектора в локомотив развития экономики страны. В стране разрабатываются и реализуются десятки проектов по созданию высокотехнологичных новых производств, создаются новые КБ, лаборатории в области станкостроения, возникают современные инструментальные парки, налаживается связь с университетами, научными организациями и др. Составлен долгосрочный прогноз потребности в продукции станкостроения до 2020 г., что необходимо для разработки среднесрочного плана развития отрасли. Учитывая возросшие скорости научно-технических изменений, долгосрочный прогноз позволит избавить нашу промышленность от возможности «декретировать всеобщую посредственность». Эти положительные сдвиги во многом связаны с государственной

¹ Экономист. 2017. № 1. С. 33.

² Экономист. 2018. № 2. С. 37.

поддержкой отрасли, с политикой стимулирования новых технологий, финансированием новых проектов, расширением контрактов по разработке и реализации новой отечественной продукции, подготовкой высококвалифицированных кадров для промышленности. Но пока эти изменения не охватили всю отрасль в целом и в основном носят точечный характер. И, главное, инициатива и поддержка инноваций, их реализация не превратились в «новую реальность». По словам Водомерова, «намеченные правительством меры по возрождению станкостроения могут обеспечить лишь незначительный эффект и обрекают страну на длительное отставание в этой отрасли экономики»¹, для преодоления которого, считает С. С. Губанов, «нашей стране необходимы автоматизированные, роботизированные, оцифрованные высокие технологии и высокотехнологические комплексы обрабатывающей индустрии»². Для достижения этого требуется активная промышленная политика, основанная на сочетании прямых и косвенных методов государственного регулирования на принципах стратегического планирования.

Призывы первых лиц страны совершить рывок в экономическом развитии в направлении нового технологического уклада не могут не ставить вопрос о месте Закона «О стратегическом планировании» в решении этой задачи. Для реализации рывка требуются системное обоснование цели и определение вектора движения к ней, выбор механизмов и средств достижения результатов. Все это элементы стратегического планирования, которому до сих пор не нашлось места ни в совершении «рывка», ни в разработках долгосрочных стратегий развития. Объясняется ли это «коротким горизонтом мышления» или появление этого закона оказалось преждевременным, а может быть, в принципе ненужным для существующей экономической системы? До сих пор нет полной ясности в вопросе о необходимости и особенностях использования институтов планирования в нашей стране, о границах его распространения, об органах, отвечающих за организацию планирования, о сочетании планирования с действием рыночных механизмов и др. Каково может быть влияние закона на сбалансированность экономики, экономический рост, производительность труда, народно-хозяйственную эффективность? Окажется ли институт планирования на деле двигателем прогресса или его тормозом? И, главное, поможет ли система стратегического планирования обеспечить в короткий срок широкое вступление в жизнь высокотехнологичного производства мирового уровня? На эти вопросы пока нет однозначных ответов.

Этот закон явился результатом продолжительной работы большого коллектива специалистов и вызвал большой интерес в научных кругах,

---

¹ Экономист. 2018. № 2. С. 37.

² Там же. С. 36.

но неоднозначно был ими воспринят. Одни отнесли к его принятию как к эпохальному событию, знаменующему переход к новым принципам управления процессами социально-экономического развития, другие восприняли его скорее как «декларацию о намерениях». Как было замечено, закон обрадовал тех, кто поддерживал его появление, и не очень огорчил тех, кто был против. Содержание закона позволяло по-разному трактовать его место и роль в современной экономике России, его целевую функцию и способы организации планирования, допуская разные толкования самого процесса стратегического планирования, его субъектов, объектов, типов, способов включения в стратегическое планирование предприятий различных форм собственности и, наконец, саму необходимость планирования в сложившейся в России экономической модели. В процессе дискуссий о стратегическом планировании консенсуса не произошло, каждый трактовал закон по-своему, домысливая его место, роль и возможные результаты социально-экономического развития. Введение закона в реальные процессы затягивалось. В марте 2016 г. Госдума приняла поправку к закону о разработке необходимых документов по стратегическому планированию до 1 января 2017 г. В апреле 2016 г. был создан Центр стратегического развития при Президенте РФ во главе с А. Л. Кудриным для разработки долгосрочной стратегии социально-экономического развития России, отодвинув в сторону дискуссии о планировании.

Известно, что методы планирования в разных формах широко применялись и продолжают применяться в разных странах мира на разных этапах развития. Наиболее распространенными формами при этом выступают индикативное и программно-целевое планирование. Институт планирования используется для определения общенациональных целей экономического развития, способов их реализации, для модернизации и сбалансированности экономики, а также для формирования консенсуса в обществе по проводимым реформам, по обсуждению и реализации государственных программ, решению региональных проблем и др. Во Франции «именно план был тем центром, вокруг которого происходили широкие общественные дебаты относительно главных приоритетов национально-экономического развития»¹. Усиление или ослабление использования плановых инструментов находится под воздействием как объективных, так и субъективных факторов, экономических и неэкономических, о чем свидетельствует история планирования в нашей стране и в других странах. В свое время опыт планового ведения хозяйства в нашей стране был широко использован в развитых и развивающихся странах. Для решения системных социально-экономических проблем, которые стоят перед нашей

---

¹ *Рассадина А. К.* Планирование как инструмент государственной промышленной политики: опыт Франции // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. 2018. № 1. С. 129.

страной сегодня, для восстановления нормального хода расширенного воспроизводственного процесса в стране, совершенствования отраслевой структуры и качественного экономического роста необходим критический взгляд и на наше плановое прошлое, и на использование многообразных методов планирования в современном мире, что поможет определить, какая система стратегического планирования нужна сегодня России.

Исходя из состояния экономики страны, низкой эффективности применяемых методов хозяйствования и управления, система государственного стратегического планирования должна быть нацелена на решение воспроизводственных проблем, которые до сих пор в полной мере не решены, — структурной перестройки экономики, развития высокотехнологичного производства и повышения на этой основе темпов экономического роста и благосостояния народа. Воспроизводственные проблемы приходится решать и относительно более успешно развивающемуся сегодня аграрному сектору. Являясь важным элементом национального богатства, сельскохозяйственное производство далеко не исчерпало своего потенциала развития и, несмотря на успехи последних лет, пока не достигло по многим показателям мирового уровня. В условиях санкций деятельность аграрного сектора значительно активизировалась, но возросли и угрозы воспроизводственным процессам, так как все еще велика зависимость предприятий этого сектора от импорта семян, удобрений, племенного скота, сельскохозяйственной техники, новых технологий и др. Остаются проблемы, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, ее качеством, хранением и реализацией, с острой нехваткой инвестиций, новой техники и новых технологий. Не решены многие проблемы собственности на землю, рационального использования земли, возвращения к жизни заброшенных деревень, создания современной инфраструктуры сельской местности, комфортных условий жизни сельского населения и др. Сельскохозяйственные предприятия без помощи государства не способны самостоятельно решить все эти проблемы. Необходим комплексный междисциплинарный подход к аграрному сектору как составной части общего воспроизводственного процесса, занимающей в нем особое место и выполняющей особые функции в развитии экономики, в росте благосостояния народа и в обеспечении национальной безопасности страны. В аграрном секторе речь может идти о национальных программах развития сельского хозяйства, об использовании элементов селективного и индикативного планирования, включении их в общенациональную программу стратегического развития страны.

Но пока перспективы стратегического планирования в стране остаются неясными и нуждаются в углубленном обосновании такие вопросы планирования, как необходимость, возможность и особенности института планирования в современной России, его тактические и стратегические

цели и механизмы их реализации, возможные границы распространения плановых заданий, сочетание плановых методов регулирования с рыночным саморегулированием, принципы организации стратегического планирования на макро-, микро- и региональном уровнях. Для этого важен выбор теоретической и методологической основы построения системы стратегического планирования в условиях смешанной экономики. Объектом стратегического планирования должны стать воспроизводственные инвестиционные процессы, что дает основание для широкого использования Марксовой теории общественного воспроизводства, методологических принципов исследования воспроизводства в «Капитале».

Касаюсь методологии стратегического планирования, Глазьев отмечает, что она предусматривает наличие системы долго-, средне- и краткосрочных прогнозов и выбора приоритетов экономического развития, инструментов и механизмов их реализации, включающих систему долгосрочных концепций, среднесрочных прогнозов и планов, институты организации соответствующей деятельности, а также методы контроля и ответственности за достижение поставленных целей. Но при этом важно определить, на какой теоретической и методологической основе будут разрабатываться эти прогнозы и планы, определяться приоритеты развития и механизмы их реализации, насколько научно обоснованными окажутся выбор конкретной формы планирования и ожидаемые результаты. Обосновывая необходимость системы долгосрочного планирования для выхода России из «ловушки недоразвития» пятого технологического уклада и формирования шестого, Глазьев подчеркивает, что «система стратегического планирования должна определять содержание бюджетной, внешнеторговой, промышленной и других составляющих экономической политики государства, которые необходимо увязывать посредством прогнозирования, программирования и индикативного планирования развития экономики страны»¹. Он считает, что в отличие от административных директив, планировавшихся сверху в централизованной плановой системе, индикативные планы и программы развития страны в условиях рыночной экономики не должны содержать обязательных для выполнения плановых заданий, а сама процедура разработки плана должна решать задачу формирования общенационального консенсуса по вопросам определения приоритетов социально-экономического развития и способов их реализации. «Индикативные планы, — пишет он, — не препятствуют свободному целеполаганию самостоятельных хозяйствующих субъектов, а выполняют для них функции маяков, указывающих перспективные направления изменения экономической конъюнктуры и экономической политики государства»².

¹ Глазьев С. Указ. соч. С. 510.

² Там же. С. 512.

А. И. Татаркин также считает, что «стратегическое планирование не выступает видом строгого регламентирования экономики со стороны государства, оно строится на выборе приоритетов и ориентиров развития при установлении определенных количественных показателей, придающих видению будущего внятные параметры движения вперед»¹. Однако не совсем ясно, каково будет влияние такого ограниченно рекомендательного планирования на воспроизводственные процессы в стране, на технологические прорывы, на какой основе и с помощью каких мер в таком случае будет формироваться общественный консенсус, необходимый для успешного перехода страны на путь научно-технического прогресса? Эти вопросы пока остаются без ответа. Чтобы такие планы рекомендательного характера стали необходимы для всех участников воспроизводственного процесса, важно вырабатывать меры, реально обеспечивающие совпадение интересов государства и самостоятельных хозяйствующих субъектов, используя для этого экономические и неэкономические инструменты как поощрительного, так и, при необходимости, принудительного характера. И это в сложившихся социально-экономических условиях России очень непростая задача.

Иное отношение убежденного сторонника государственного планирования и его организации в современной России у Н. К. Водомерова, который считает: «Государственное планирование в условиях постсоветской экономики, где преобладает капиталистический хозяйственный уклад, не может не отличаться от государственного планирования в СССР. По своему характеру оно должно быть индикативным, строиться на заинтересованности предприятий в выполнении показателей плана. Тем не менее определенные черты советского опыта планирования вполне применимы к нынешним российским реалиям. Это установление конкретных заданий исполнителям, пусть и в форме госзаказов, на конкурсной основе, ответственность предприятий за их выполнение, согласованность всех заданий, обеспечивающая достижение плановых целей в намеченные сроки»². Как видно из различий в подходах к индикативному планированию, требуется более четкое обоснование содержания, особенностей и возможностей индикативного планирования в решении системных проблем российской экономики.

До сих пор работа по реализации Закона «О стратегическом планировании» по-настоящему не развернулась, и это находит отражение при разработке многочисленных долгосрочных стратегий социально-экономического развития России, где о законе порой даже не упоминается или он остается в тени. Однако проблемы в осуществлении технологического

---

¹ Вопросы политической экономии. 2007. № 2. С. 77.

² Экономист. 2018. № 2. С. 35.

рывка, сбоев с ускорением экономического роста объективно толкают к использованию плановых инструментов. Востребованность стратегического планирования остро ощущается при подходе к решению одной из проблем общественного воспроизводства — проблемы совершенствования структуры народного хозяйства. Это хорошо просматривается в Докладе НИУ ВШЭ, посвященном вопросам совершенствования отраслевой структуры экономики и структурной политики. В нем признается, что современная структура российской экономики вызывает серьезную озабоченность, и есть большие претензии к проводимой структурной политике страны: «Низкие темпы роста, неконкурентоспособная по современным меркам структура российской экономики, невысокое качество ее встраивания в систему мирохозяйственных связей и отсутствие значимых прогрессивных сдвигов в условиях инерционного развития определяют необходимость выработать в России активную структурную политику»¹. При этом обращается внимание на то, что в последние годы изменилось отношение к структурной политике в мире — делается акцент на развитие обрабатывающей промышленности и признается, что обрабатывающая промышленность «остаётся одним из важнейших драйверов экономического роста». Как было отмечено выше, и в нашей стране начался разворот в эту сторону. При характеристике российских проблем структурной политики в докладе подчеркивается, что она концентрируется в отраслевых министерствах и ведомствах и ограничивается использованием мер и инструментов, которые определены в этих структурах. Отмечается, что, несмотря на рост числа акторов структурной политики в стране, создание различных институтов развития, взаимодействие между ними остается недостаточно эффективным, «в том числе из-за неясности поставленных целей и отсутствия министерств — лидеров в проведении структурной политики, усиления ведомственности в решении задач и использовании имеющихся инструментов»². Отсюда — неизбежная «дробность» структурной политики, возникновение несогласованности, противоречий в развитии сопряженных отраслей, недостаточное внимание к общенациональным проблемам развития. И, хотя при этом в докладе критически оценивается усиление государственного влияния на экономическое развитие, расширение возможности проведения изменений «в ручном режиме», сам анализ структурных проблем экономики подводит к необходимости стратегического планирования. Без единой системы стратегического планирования отраслевые стратегии, которых с 2006 г. было принято больше 40, оказываются не связанными между собой единым подходом, единой целью и могут иметь качественно различающиеся

¹ Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 10.

² Там же. С. 14.

сценарии и механизмы развития. Для большинства отраслевых стратегий характерно недостаточное внимание к смежным секторам, каналам распределения и сбыта, потребительской аудитории, вопросам подготовки кадров и др., т.е. не планируется встраивание отдельных звеньев в единый воспроизводственный процесс. Совершенствование структуры народного хозяйства — длительный, сложный, системный процесс, требующий системного решения. Этому должна служить система стратегического планирования страны.

ГЛАВА 12

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО БИЗНЕСА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ОБНОВЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА И ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Технологическая отсталость российской экономики унаследована от социализма. Одна из основных причин такой отсталости состояла в слабой заинтересованности хозяйствующих субъектов в инновационных инвестициях, всегда связанных с риском невыполнения плановых заданий. Другая, не менее важная, — курс на милитаризацию экономики в качестве приоритетного, крайне ограничивавший инвестиционный потенциал развития гражданского комплекса. Приоритетность такой направленности развития, в свою очередь, была обусловлена, с одной стороны, ситуацией «холодной войны», сложившейся после Второй мировой войны ввиду антагонизма экономических систем, с другой — одержимостью советских политических лидеров идеей мировой революции. Не провозглашая ее официально, они фактически следовали ей на протяжении всех лет социализма в условиях, когда надежды на эволюционную трансформацию капитализма в социализм мирным путем давно развеялись. При ограниченности инвестиционного потенциала обреченными на инновационное отставание оказались отрасли гражданского комплекса, а в нем отрасли второго подразделения, финансировавшиеся по остаточному принципу. Такая макроструктура заведомо не соответствовала целевой установке социализма на неуклонный рост жизненного уровня населения, исходной предпосылкой реализации которого выступает развитие именно этого комплекса, исходным в котором, в свою очередь, — и исторически, и логически — выступает аграрный комплекс. Иными словами, были унаследованы глубокие структурные перекосы в сторону ВПК, ТЭКа и отраслей первого передела, еще более усугубленные за прошедшие 30 лет.

Между тем трансформационным спадом 1990-х гг., завершившим историю социализма, были созданы исходные предпосылки для становления новой макроструктуры на основе инновационного обновления объектов

реального сектора национальной экономики путем завершения национальной экономикой освоения третьего и масштабного освоения четвертого технологических укладов (ТУ). Потребность в таком обновлении была усугублена сменой экономических систем, а следовательно, и критериев оптимизации макроэкономической структуры. В не меньшей степени она была обусловлена масштабами унаследованной от социализма технологической отсталости, которая была выявлена либерализацией внешнеэкономической деятельности. Именно поэтому с завершением трансформационного спада и началом возрождения экономического роста восстановительного характера проблема модернизации российской экономики в целях сбалансированности ее макроструктуры по рыночным критериям стала особенно актуальной. В рыночной экономике такая оптимизация в границах каждого ТУ достигается посредством механизма конкурентной борьбы, успешное участие в которой гарантирует реализацию целевой установки на максимизацию прибыли. Реализация такой установки опосредуется устойчивым трендом роста жизненного уровня всех слоев населения. Тем самым острота проблемы имущественного неравенства внутри развитых стран снимается даже при его устойчивом нарастании, чем отнюдь не гасятся его негативные последствия.

Вследствие всех этих обстоятельств новые политические лидеры, пришедшие к власти в начале века, провозгласили курс на модернизацию и реструктуризацию экономики, что было более чем своевременно. Однако значимых успехов на поприще инновационного развития и тем более реструктуризации экономики, не удалось достигнуть и по истечении без малого двух десятков лет. Технологическая отсталость обрабатывающей промышленности оказалась законсервированной ввиду того, что в условиях роста мировых цен на нефть правящая элита отдала предпочтение отраслям ТЭКа, чему способствовала переориентация на азиатские рынки. Более того, сформированный правительством в первое десятилетие нового века без особых на то усилий огромный Стабилизационный фонд так и не был использован на возрождение обрабатывающей промышленности, а тем самым и на предотвращение хорошо известной мировой истории «голландской болезни». ТЭК в макроструктуре лидирует и поныне вопреки тому, что устои России в качестве «энергетической сверхдержавы мира» существенно подорваны такими факторами, как сланцевая революция вкупе со снятием полувекового запрета на экспорт нефти из США и всеобщая ориентация на наращивание воспроизводимых источников энергии.

Эти обстоятельства устойчиво усугубляли ситуацию в стране, обернувшуюся в конечном счете экономическим кризисом 2008–2009 гг. После недолгого экономического всплеска последовала пятилетняя стагнация 2013–2017 гг., не преодоленная и поныне и с неясными перспекти-

вами. Долгосрочные программы социально-экономического развития страны хотя и составляются, но не выполняются, тем более что должностные лица никакой ответственности за это не несут. Модернизация и диверсификация, ныне не вполне обоснованно облеченные в цифровизацию, остаются всего лишь лозунгами. Пережитые в новом веке российской экономикой кризисы не сопровождались формированием в рамках национальной экономики циклического развития, выступающего в условиях индустриализации механизмом освоения все более сложных ТУ. Вместе с тем именно последовательной сменой среднесрочных и долгосрочных циклов и достигается многоступенчатое инновационное развитие национальной экономики. Ситуация отягощается в последние годы все более активным нарастанием военных расходов в соответствии с далеко не бесспорными направлениями внешней политики. Это не идет на пользу экономическому развитию, так как наращиванием военных расходов подрывается инвестиционный потенциал развития отраслей гражданского комплекса, а тем самым и жизненный уровень населения.

Иными словами, официально провозглашенный в начале века курс на модернизацию и реструктуризацию не был подкреплен адекватной ему экономической политикой. Приоритетным оказалось совсем иное направление, еще более усугубившее разрыв между отраслями добывающей и обрабатывающей промышленности. Естественным следствием такого расхождения явилось замедление экономического развития, завершившееся экономической стагнацией последних лет. Доказательством тому служат фактические данные, сведенные воедино известным российским ученым А. Илларионовым. Так, среднегодовые темпы роста ВВП снизились с 7,1% в 1999–2007 гг. и 4,3% в 2010–2011 гг. до 0,5% в 2012–2016 гг.; за последние пять лет годовой объем инвестиций сократился на 5,8%, производительность труда снизилась на 0,1%; инвестиции в транспортную инфраструктуру упали на 27,3%, в том числе в железнодорожную — на 34,3%; степень износа основных фондов на транспорте выросла с 34,7% в 2011 г. до 36,3% в 2016 г. Возросла численность населения с доходами ниже прожиточного минимума с 17,9 млн человек в 2011 г. до 20,3 млн человек в 2016 г.¹ Среднегодовые темпы прироста экономики за последнее десятилетие не превышают 1%, а с 2012 г. наблюдается снижение темпов экономического роста. Если за период с сентября 1998 г. по июль 2012 г. среднегодовой прирост ВВП составил 5,2%, инвестиций — 9,2%, то с июля 2012 г. по апрель 2017 г. — минус 1,2 и минус 4,3% соответственно². Есть основания полагать, что помимо внутренних причин на экономический рост оказывает воздействие и внешняя, весьма затратная политика.

¹ Ведомости. 2017. 5 мая. С. 2.

² Ведомости. 2017. 3 июля. С. 6.

В условиях высокой значимости государства как макроэкономического субъекта в современной рыночной экономике, тем более — в развивающейся, а также в постсоветской российской с унаследованной традицией пребывания государства в качестве не ночного, но круглосуточного «сторожа», резонно предположить, что ответственность за состояние национальной экономики несут прежде всего государство и политические лидеры страны. К тому же российская правящая элита традиционно обладает огромной экономической властью, подкрепленной весомой по рыночным критериям государственной собственностью, не без ее усилий существенно возросшей за последнее десятилетие путем создания государственных корпораций, призванных стать, но так и не ставших институтами развития. Ответственность правящей элиты тем более высока с учетом того факта, что действующие политические лидеры пришли к власти еще в начале нового века, т.е. обладают огромными властными полномочиями на протяжении без малого двух десятилетий. Срок, вполне достаточный для реализации провозглашаемых ими с первых лет правления целей, вполне уместных в качестве первоочередных. Вопреки всем этим обстоятельствам случилось так, что этот курс так и не был претворен в жизнь. При этом позиции России как «энергетической державы мира» в последние годы весьма пошатнулись, о чем свидетельствуют данные официальной статистики. Фактически проводимая экономическая политика оказалась принципиально иной, не соответствующей провозглашенным целям. Предпочтение было отдано формированию экспортно-сырьевого вектора экономического развития, возобновлению курса на наращивание ВПК, активному и все более агрессивному политическому курсу, обернувшемуся глубокой самоизоляцией страны. Курсу тем более несостоятельному в условиях углубляющегося процесса глобализации, весьма прогрессивного по своей природе, будучи направленным на углубление международного разделения труда, тем самым несущего в себе мощный потенциал ускорения экономического развития. Об этом вполне убедительно свидетельствует опыт не только развитых, но и развивающихся стран. Таков, например, опыт КНР, начавшей рыночные преобразования с создания свободных экономических зон в целях привлечения ПИИ, сыгравших немалую роль в технологическом возрождении страны, в ее превращении в «мастерскую мира».

Итак, политика, проводимая российскими лидерами, оказалась мало совместимой с официально провозглашенным курсом, следствием чего явилось углубление деформации макроэкономической структуры и консервация ее технологической отсталости. Даже экономический кризис 2008–2009 гг. не обернулся инновационным обновлением экономики (как полагается кризисам), не расчистил такому обновлению экономическое пространство, притом, что был самым глубоким среди прочих стран (па-

дение ВВП в России – 7,8%). В соответствии с закономерностями движения промышленного цикла проблема модернизации национальной экономики приобрела еще большую актуальность, в полной мере осознанную российской экономической наукой, но отнюдь не правящей элитой. Явной смены вектора экономического развития так и не произошло вопреки круто и весьма быстро не в лучшую сторону для страны изменяющимся обстоятельствам.

Преданность правящей элиты избранному курсу тем более непонятна в условиях, когда обоснованию экономической политики, направленной на преодоление инновационной отсталости национальной экономики, посвящено множество международных и российских экономических форумов, научных конференций, всякого рода публикаций¹. Всесторонне обоснована не только полная исчерпанность сложившегося вектора экономического развития, но и его принципиальная ущербность. Суть теоретического обоснования новой экономической политики состоит в том, что она во всех своих аспектах должна быть направлена на преобразование экономических отношений в соответствии с природой рыночной экономики, коль скоро курс на ее формирование сохраняется. А это предполагает оптимизацию соотношения частных и государственной форм собственности по рыночным критериям с четко сложившейся локализацией каждой из них по экономическим нишам, формирование институциональной среды, адекватной природе частных форм собственности во всем многообразии ее аспектов. Это чрезвычайно важно, так как не государственные чиновники, но частные предприниматели осуществляют реиндустриализацию посредством освоения современных технологических укладов всем массивом национальной экономики, их предпринимательская деятельность возрождает обрабатывающую промышленность на базе современной технологии, и тем самым преодолевается инновационная отсталость экономики и ее не только унаследованная, но еще и усугубленная разбалансированность. Иными словами, экономическая политика должна быть направлена на создание и жесткое и четкое юридическое оформление благоприятных условий для развертывания частнопредпринимательской деятельности. Только в такой институциональной среде провозглашаемые целевые установки на модернизацию и диверсификацию экономики реализуются рыночными хозяйствующими субъектами. Далеко не преимущественно государственные или государством контролируемые предприятия, но частные предприниматели разверты-

---

¹ Чего стоит, например, только что прошедшая научная конференция, посвященная Н. Д. Кондратьеву, итоги которой изложены в монографии «Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности» (М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017).

вают инвестиционно-инновационную деятельность, способную вывести страну в лидеры экономического развития, но при твердых гарантиях сохранности своего бизнеса и его поддержке в случае необходимости со стороны государства¹. Как известно, объективные границы государственного сектора в современной рыночной экономике — это границы производства общественных благ, превышаемые лишь в годы экономических потрясений, и как таковые вполне осмыслены экономической наукой. А суть государственного регулирования в рыночной экономике — культ частной собственности во всем современном ее многообразии и конкуренции как драйвера экономического развития.

У российской правящей элиты иные приоритеты. Открытой критики фактического курса на милитаризацию экономики в научном сообществе не звучит, но совершенно очевидно, что неизменным следствием активно начавшегося в последние годы наращивания военных расходов (а они составляют ныне 5,8% ВВП, что на порядок выше, чем в развитых странах) может быть только дальнейшая консервация технологической отсталости гражданского комплекса страны вследствие оттока инвестиций на их покрытие. Важно и то, что вследствие унаследованной от прошлого практики засекречивания на долгие годы технологических достижений в ВПК тормозится их освоение гражданскими отраслями. Столь порочной практике диаметрально противоположна западная, ориентирующая хозяйствующих в сфере ВПК субъектов на минимизацию сроков конверсии новых технологий в гражданские отрасли². Тем более это актуально в условиях непрерывно ускоряющегося научно-технического прогресса. А сами ТУ — детище все более стремительно развивающихся фундаментальных естественных наук, открытия которых прикладными науками трансформируются в новую технику и технологию, под воздействием конкуренции с минимальным временным лагом внедряемые в производство. Следовательно, предтечей инновационного развития национальной экономики, его генетической основой выступают естественные науки во всем их многообразии, а потому бюджетные расходы на их развитие должны быть приоритетными. Коммерциализация научных достижений — функция частных предпринимателей в качестве пионеров, в освоении которых они получают наибольшую выгоду. Тем и стимулируется их новаторство, но при условии полной гарантии со стороны государства относительно сохранности их бизнеса в рамках надежно охраняющего их действующего законодательства.

---

¹ Агабегян А. Какой комплексный план до 2025 года нужен России? // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 23.

² См. об этом: Вереникин А. О., Волошин Д. И. Теория структурных изменений в экономике. М.: ТЕИС, 2009.

Иными словами, и в современной российской экономике четко срабатывает диалектика взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, обоснованная К. Марксом, вне которой невозможен политэкономический анализ любого способа производства¹. Производительные силы не будут развиваться, если система экономических отношений, весьма произвольно и по сей день формируемая в России государством, им не адекватна. Суть их взаимосвязи в том, что производительные силы есть взаимодействие человека (общества в целом) и природы, направленное на изъятие вещества природы и его преобразование в целях удовлетворения потребностей. Успех такого взаимодействия зависит от познания законов развития природы, а такова функция фундаментальных естественных наук, но их успешное внедрение в практику зависит от адекватности сложившейся системы производственных отношений.

С точки зрения такого подхода уязвимость российской экономической политики состоит в том, что и наука как общественное благо финансируется государством недостаточно, и стимулы частного бизнеса к внедрению даже уже имеющихся инноваций подорваны прежде всего все еще не сформированной эффективной правовой защитой частной собственности, составляющей исходную предпосылку функционирования рыночной экономики. Отсутствие такой защиты, равно как и независимой от давления сверху судебной системы, и поныне традиционно остающейся едва ли не исключительно репрессивной, — основная причина не только инновационной пассивности российского частного бизнеса, но и широко представленной теневой экономики, и что еще хуже, вывоза капитала за рубеж при огромной потребности национальной экономики в инвестициях. Отнюдь не случайно столь тщательно данная проблема проработана теорией прав собственности, основателями которой выступили крупные американские ученые Р. Коуз и А. Алчян. Отметим и то обстоятельство, что российскими политическими лидерами институтами развития были назначены государственные корпорации (фактически оказавшиеся источниками личного обогащения государственного топ-менеджмента), хотя драйвером инновационного развития в рыночной экономике является конкуренция, а вовсе не государственные институты. Государство — особый институт, одно из важных назначений которого в рыночной экономике состоит в формировании и культивировании конкурентной среды.

Займствование инноваций у технологических лидеров заведомо предпочтительнее отставания, но сливки в облике сверхприбылей снимают

---

¹ Тем более неправомерно сводить предмет политэкономии к изучению бескризисного взаимодействия человека и природы, даже если речь идет о политэкономии солидаризма. См.: Кошкин В. И., Кретов А. И. Основы политической экономии солидаризма. М.: ЛЕНАНД 2017.

лидеры. Это обстоятельство и лежит в основе современного культа науки как таковой, тем более что временной лаг между научными достижениями и их практическим использованием сведен ныне к минимуму. Но у нас и в этой области ситуация отнюдь не лучшая, вследствие чего лидерство в развитии фундаментальной науки нашей страной в значительной мере утрачено. И в этом плане вина полностью возлагается на государство, так как и наука, и образование, без которого нет науки, составляют общественные блага, финансировать которые оно призвано, тем более в стране с незавершенными рыночными преобразованиями. Но при экспортно-сырьевой ориентации России особой потребности в финансировании науки нет, наукоемкими отрасли ТЭКа не являются, а природные ресурсы еще не исчерпаны, на ближайшие годы хватит.

Российскими учеными-экономистами обосновывается не только необходимость реиндустриализации, вбирающей в себя модернизацию и реструктуризацию, но и функции государства как макроэкономического субъекта, наделенного властными полномочиями, достаточными для ее осуществления. В числе этих функций такие, как обоснование и претворение в жизнь стратегии экономического развития, направленной на корректировку макроэкономической структуры и придание этому развитию инновационного характера; использование инвестиционного потенциала самого макроэкономического субъекта на обеспечение инновационного развития объектов, подлежащих государственному финансированию. В числе этих объектов отнюдь не только национальная оборона, но и наука, образование, здравоохранение (по качеству которого Россия в международном рейтинге занимает 119-е место); экология; многоотраслевая инфраструктура с выделением наиболее приоритетных отраслей в зависимости от их состояния и значимости для развития национальной экономики. Так, например, в нашей стране особо значима транспортная инфраструктура, без которой невозможно формирование единого экономического пространства, за прошедшие столетия так и не сформированное. Требуется более взвешенное обоснование внешней политики, равно как и уровня военных расходов с учетом того, что они представляют собой чистый вычет из ВВП. Особое внимание следует уделять формированию институтов рыночной инфраструктуры во всем их многообразии в качестве исходной институциональной предпосылки для активизации инвестиционно-инновационной деятельности частного сектора, вне которой попросту нет рыночной экономики. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, так как государство призвано обеспечить благоприятные условия для инвестиционной деятельности рыночных субъектов, представляющих различные формы частной собственности.

В этом отношении достижения российской правящей элиты весьма скромны, чему есть вполне объективные причины, уходящие корнями

в социалистическое прошлое страны. От него унаследован менталитет, характерные черты которого — культ государственной собственности и неприятие частной. Это чрезвычайно способствует не только сохранению, но и наращиванию государственной даже в тех экономических нишах, которые традиционно в рыночной экономике заполнены формами частной собственности, так как именно ими обеспечивается более высокий уровень эффективности функционирования этих ниш. Но беда в том, что сами российские рыночные субъекты поставлены в условия хозяйствования, несовместимые с их природой, несмотря на то что многовековой мировой опыт свидетельствует об огромном потенциале частнопредпринимательской деятельности в инновационном развитии рыночной экономики. Ему прежде всего развитые страны обязаны своим инновационным лидерством. Более того, длительное время развитие национальной экономики этих стран обеспечивалось именно частным бизнесом, активность которого на ниве инноваций питается его природой, жаждущей максимизации прибыли. В наибольшей мере и наиболее надежно извлечение таковой гарантируется инновационным лидерством частного бизнеса. И даже особенности происхождения российского бизнеса не отменяют объективных законов его развития. Само формирование рыночной среды действительно сдерживается традициями прошлого, не адекватной новой системе экономической политикой государства, деятельностью чиновников, в большей мере озадаченных собственным благополучием, а не общественными интересами.

Проблема даже не в том, велика ли роль государства в современной экономике. Вплоть до начала XX в. оно занимало весьма скромное место в странах — лидерах экономического развития, ограничиваясь выполнением функций, имманентно присущих ему. На протяжении столетий на первый план выдвигалась его функция законодателя, эффективно защищающего права частных собственников. Ситуация резко изменилась в XX в., но значимость этой функции как исходной неизменно сохранялась. Причин возрастания роли государства множество, а потому и научных концепций в экономической науке немало, так как акценты при определении значимости каждой из этих причин расставляются учеными по-разному¹. Представляется, что основная из них состоит в растущих по мере развития общества потребностях в общественных благах. Общественных — вследствие их исключительно или предпочтительно совместного потребления, совместного ввиду их неделимости. Но по этой же причине и их производство осуществляется совместно, т.е. путем государственного фи-

---

¹ См. об этом более подробно и обобщенно: *Хубиев К. А.* Альтернативы модернизации экономики России // *Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие*. Т. 1. М.: РГ-Пресс, 2013.

нансирования, основной источник которого — налоговые поступления. Важно и то, что ассортимент этих благ имеет тенденцию к расширению в силу разных и вполне объективных причин. Так, растет потребность в военных расходах, коль скоро человечество в силу своей агрессивности и глубокой нравственной ограниченности и по сей день так и не научилось мирным путем разрешать всякого рода межстрановые противоречия. Растут расходы на науку и образование ввиду роста их значимости по мере превращения науки в непосредственную производительную силу общества, растут расходы на здравоохранение вследствие удорожания рабочей силы и увеличения продолжительности жизни. Появилось множество новых потребностей, связанных, например, с освоением космоса, с углубляющимся экологическим кризисом, ростом потребностей в услугах многоотраслевой инфраструктуры. Государственного финансирования требует множество перспективных, но весьма капиталоемких и рискованных проектов, представляющих весьма значимый интерес для всего общества, потому за счет его средств и реализуемых.

Не менее велика роль современного государства в формировании макроэкономической структуры в условиях ломки структуры национальной экономики во всех ее аспектах. В их числе изменения в соотношении реального и финансового секторов; структуры реального сектора, связанного с возрастанием роли сферы услуг; отраслевой структуры сферы материального производства по мере появления новых отраслей, равно как и стирания граней между ними, углубления современного разделения общественного труда внутри каждой из сфер. К тому же само это разделение давно перешагнуло масштабы исключительно национальной экономики под мощным воздействием прогрессирующей глобализации, глубоко проникшей ныне непосредственно в сферу реального сектора национальных экономик. Все эти, равно как и прочие важные факторы, предопределяют место государственной собственности в современном многообразии ее форм и соответственно самого государства в качестве хозяйствующего субъекта¹. Роль государства как носителя общенациональных интересов тем более высока в экстремальных условиях, а это кризисы, войны, природные катаклизмы. Вместе с тем в последние годы наметилась тенденция к более тесному взаимодействию государства с частным бизнесом в различных формах государственно-частного партнерства, что нашло отражение и в науке.

Иная ситуация сложилась в странах догоняющего типа. В наиболее успешных из числа развивающихся стран роль государства особенно ве-

---

¹ Впрочем, ситуация развивается не столь однозначно, о снижении роли государства ныне пишут многие западные ученые. См., например: *Танци В.* Правительство и рынок: меняющаяся экономическая роль государства // *Экономическая политика.* 2017. Т. 12. № 1.

лика на исходных рубежах становления рыночной экономики. Типичный пример тому так называемые «азиатские тигры», примкнувшие ныне к числу наиболее развитых стран. Тем более высока роль государства в КНР, направленная на возведение «социализма с китайской спецификой», по существу представляющего национальную модель рыночной экономики, в которой доля государственной собственности сведена ныне до вполне разумной по рыночным критериям — 35% ВВП. Четко выраженной рыночной направленностью деятельности государства на старте рыночных преобразований и было обеспечено стремительное развитие этих стран. К сожалению, реформатора масштаба Дэн Сяопина в России не оказалось, ее интеллектуальное поле в годы сталинизма было вычищено до основания.

Тем более традиционно велика роль государства в российской экономике, основная функция которого ныне состоит в ее преобразовании в рыночную. Но фактически деятельность российского государства носит, и отнюдь не случайно, в большей мере антирыночный, чем прорыночный характер, консерватизм по-прежнему преобладает перед либерализмом. Это вполне соответствует столетиями формировавшемуся в стране менталитету, генетические корни которого уходят в глубь веков. От Золотой Орды, что отмечалось даже К. Марксом и Ф. Энгельсом, был заимствован и вполне прижился на российской почве совершенно особый менталитет, с позиции марксизма присущий азиатскому способу производства. Типичными его признаками являются авторитарный политический режим, сосредоточение властных полномочий у одного лидера, как правило, пожизненного, отторжение института частной собственности и демократии¹.

Слабая рыночная направленность деятельности российского государства имеет множество форм проявления. Так, спустя три десятилетия рыночного реформирования не решена главная проблема — защита прав частной собственности, будучи исходной предпосылкой частнопредпринимательской деятельности как таковой. Действующие законы нередко и совершенно безнаказанно подминаются чиновничьим произволом — вплоть до изъятия, зачастую с участием силовых структур, преимущественно успешного бизнеса. Фактическое беззаконие вкупе с традиционно репрессивной судебной системой составляет основную причину низкой инвестиционной активности российского бизнеса. Тем более это касается заведомо рискованной инновационной деятельности. Благоприятные условия созданы лишь для лояльных, послушных, услужливых, особо приближенных, а потому не потопляемых ни при каких условиях предста-

---

¹ Более подробно об этом см., например: *Заостровцев А.* XVI Леонтьевские чтения: «Россия 1917–2017: европейская модернизация или особый путь?» // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2.

владельцев крупного бизнеса, фамилии которых давно уже у всех на слуху. Но беда еще и в том, что их бизнес едва ли не исключительно сосредоточен в отраслях ТЭКа.

Итак, имеющий объективные основания консерватизм в экономической политике в сочетании с устойчивым авторитарным политическим режимом не дает особых надежд на изменение ситуации к лучшему на основе инновационного прорыва в ближайшей перспективе. Правящая элита не испытывает потребности в глубоком научном обосновании экономической политики, по-прежнему сохраняя веру в энергетическую мощь экономики. Поэтому научные усилия российских ученых, проявляющих в последние годы высокую творческую активность, имеющую четко выраженную прикладную направленность, остаются, по существу, не востребованными властными структурами, уровень научного обоснования проводимой в России экономической политики остается весьма уязвимым. Убедительных фактов тому множество, в числе которых сохранение технологической отсталости страны, глубокая территориальная, секторальная и отраслевая разбалансированность ее экономики, непоследовательность в преобразованиях, официально признанных рыночными. Об этом, в частности, свидетельствует смена массовой приватизации первого десятилетия не менее массовым огосударствлением экономики, сохраняющим свои масштабы вопреки провозглашению пару лет назад «второй волны» приватизации. Все эти обстоятельства не мешают, однако, сохранять власть в руках правящей второе десятилетие элиты, традиционно не несущей ответственности перед обществом за результаты своей деятельности, коль скоро таковая не предусмотрена менталитетом. На рейтингах политических лидеров это никак не сказывается вопреки все более ощутимому снижению жизненного уровня широких слоев населения. Так, численность населения, живущего за чертой бедности, т.е. с доходами ниже прожиточного минимума, возросла к 2017 г. до 20,3 млн человек.

Однако совершенно неожиданно появился фактор, не предусмотренный правящей элитой вследствие ее недалекости, вынуждающий ее пересмотреть сложившуюся экономическую политику. Это экономические санкции со стороны развитых стран и последующие ответные не вполне продуманные антисанкции со стороны России. Под воздействием тех и других на первый план выдвинулась проблема импортозамещения, по существу тождественная диверсификации экономики. Сложившаяся ситуация вновь и с еще большей остротой выдвинула эту проблему на первый план, но уже в качестве безотлагательной. Замещению подлежит импорт высокотехнологичного оборудования, потребность в котором испытывают даже отрасли ТЭКа, а также продукции аграрного сектора. Предпринятая попытка вновь уйти от решения этой столь не простой проблемы, требующей огромных инвестиций и немалого времени,

частично была решена путем переориентации на рынки развивающихся стран, но ценой потери качества импортируемой продукции.

Фактически Россия оказалась вынужденной приступить к ускоренному развитию соответствующих отраслей и прежде всего — сельского хозяйства. Его отсталость была унаследована от прошлого и не решена до уровня обеспечения национальной продовольственной безопасности в годы реформирования, что свидетельствует не о самом высоком уровне профессионализма и компетенции политических лидеров. Так и не сложилось понимания того, что именно с этой отрасли резонно начинать коренные преобразования. Отнюдь не случайно так поступили китайские реформаторы, этому следовали и в Казахстане, но не в России. Между тем особую значимость этой отрасли в национальной экономике отметил еще А. Смит, не без основания утверждавший, что всякая национальная экономика может развиваться в пределах, поставленных ей сельским хозяйством. Именно данная отрасль выступает не только исторически, но и логически исходной в сфере материального производства, равно как сама эта сфера первична в реальном секторе экономики.

Итак, накопленные проблемы в области развития российской экономики достигли критического уровня, опасного и для сохранения устойчивости политического режима, и для экономики в целом. Время оттягивания решения проблем модернизации и диверсификации исчерпано. Ныне эта проблема приняла облик цифровизации экономики, т.е. компьютеризации и роботизации трудовой деятельности во всех ее сферах. Однако не исключена опасность того, что и она обернется словесной шелухой, так как национальная экономика не вполне освоила еще и четвертый ТУ, а потому не созданы материальные предпосылки для освоения пятого и шестого. Обрабатывающая промышленность и поныне пребывает не в лучшем состоянии, оздоровление которого в равной мере зависит от усилий и государства, и частного бизнеса, в том числе от их взаимодействия в форме государственно-частного партнерства, получившего широкое распространение в последние десятилетия в развитых странах. Однако экономический эффект такого взаимодействия у нас труднопредсказуем, слишком велика опасность дальнейшего наращивания государственной собственности.

Итак, ответственность за консервацию инновационной отсталости национальной экономики, весьма скромные темпы экономического роста, устойчиво снижающийся жизненный уровень населения несет прежде всего государство в лице правящей элиты. За прошедшие годы ею так и не была оптимизирована структура форм собственности, производство общественных благ не стало приоритетным в бюджетной политике, крупный бизнес не был переориентирован на первоочередное развитие отраслей обрабатывающей промышленности соответственно современным ТУ.

Не выполняет своих функций и частный бизнес, за столетия своей истории выведший в экономические лидеры не одну страну. Главная причина тому — неадекватная его природе институциональная среда, в постсоветской стране формируемая стихийно, а не государством, обремененным традициями социалистического прошлого. Ими обусловлено неверие в потенциал частной собственности, жесткое регулирование частнопредпринимательской деятельности, подавление ее инвестиционного потенциала непомерными налогами и коррупционной данью, правовое бессилие. Все эти обстоятельства тормозят становление рыночных отношений, а попытки возложить функции инноватора на государственную собственность несостоятельны, что и было продемонстрировано социализмом. Последний в качестве столь нетрадиционного предшественника капитализма и предопределяет специфику рыночных преобразований в России.

ГЛАВА 13

РОЛЬ ВОСПРОИЗВОДСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

1. Воспроизводство безопасности как экономического блага

За два года до выхода в свет «Начал политической экономии и налогового обложения» Дэвида Рикардо и за три года до рождения Карла Маркса в 1815 г. был опубликован (на французском языке) фундаментальный труд Андрея Карловича Шторха «Курс политической экономии». Наш первый российский академик-экономист в этой книге дополнил теорию рыночно-капиталистической экономики Адама Смита своим вариантом теории цивилизации. Политическая экономия капиталистического хозяйства была расширена им за счет концепции формирования (производства) нерыночных внутренних благ, таких как образование, наука (знание), культура, здоровье, нравы, внутренняя и внешняя безопасность и т.д.¹. Он назвал их элементами цивилизации. Достижение народного благоденствия, по его мнению, возможно лишь при соблюдении определенных пропорций в развитии рыночных и внутренних благ.

Таким образом, более 200 лет назад было предложено рассматривать категорию «безопасность» в экономике как некое благо наряду с товарами, имеющими материальное воплощение, и услугами.

По вопросу современного понимания данной категории существует довольно большой разброс мнений среди экономистов. На наш взгляд, ее можно определить через обеспечение устойчивости функционирования и развития всей экономики, ее способность в значительной мере нейтрализовать возникающие негативные факторы, которые принято называть угрозами. Условно говоря, это некая «иммунная система» экономического организма, которая помогает ему постоянно приспосабливаться к изменениям внутренней и внешней среды, минимизи-

---

¹ Шторх А. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода. М.: Экономическая газета, 2008. С. 15.

руа неблагоприятные воздействия этих изменения. Полностью купировать деструктивные факторы и условия развития экономики, по-видимому, невозможно. Думается, можно согласиться с венгерским экономистом Я. Корнаи, который утверждал: «Каждой системе присущи негативные свойства, которые можно смягчить, но не устранить, поскольку их способность к самовоспроизводству глубоко укоренена в самой системе»¹.

Возвращаясь к позиции А. К. Шторха по вопросу о безопасности в экономике, мы считаем, что указанный выше «иммунитет» к угрозам и есть конкретизация того блага, о котором он писал.

И оно (это благо) не только формируется в экономике, но и постоянно воспроизводится. Общественное воспроизводство, таким образом, раздваивается. С одной стороны, происходит воспроизводство материальных благ и услуг (общественного продукта), а с другой — постоянно формируются различные деструктивные факторы, угрозы, аномалии развития. Для рыночной экономики такими угрозами являются кризисы (экономические, финансовые и т.д.), структурные диспропорции, безработица, инфляция, банкротства и т.д. Но одновременно воспроизводится система экономической безопасности, которая по мере возможности минимизирует этот негатив.

На наш взгляд, экономическая безопасность, как и другие блага, в воспроизводственном процессе проходит стадии производства (формирования), распределения, обмена и потребления. Исходной фазой воспроизводства экономической безопасности выступает ее производство, т.е. создание встроенной в экономику системы выявления, парирования угроз, адаптации хозяйства к изменениям внутренней и внешней среды.

Эффективность данной системы зависит от количества и качества имеющихся ресурсов, уровня и механизмов их использования, а также организационных форм управления. В современной экономике регулирование осуществляется как путем ее самонастройки, так и путем сознательного воздействия со стороны государства, использующего разнообразные формы, методы и инструменты управления.

Вторая фаза воспроизводственного процесса — распределение — характеризует методы, способы, пропорции и направления распределения экономической безопасности между различными хозяйствующими субъектами, а также социальными группами и регионами. По-видимому, существует конкуренция между экономическими субъектами за получение данного общественного блага. В результате в реальной экономике мы сталкиваемся с неравенством его распределения, т.е. разной степе-

---

Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 12.

нию защищенности акторов хозяйственной системы от угроз и опасностей.

В рыночно-капиталистической экономике фаза обмена трудно отделима от других фаз. «Поскольку обмен есть лишь опосредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потребителем, с другой стороны, — пишет К. Маркс, — а потребление само выступает как момент производства, постольку и обмен, очевидно, заключен в производстве как его момент»¹. В процессе обмена деятельностью хозяйствующими субъектами в сфере рыночных отношений, для которых характерны неопределенность, риски и опасности, происходит и обмен экономической безопасностью. Причем каждый из них стремится усилить защиту и устойчивость к угрозам, т.е. повысить уровень своей безопасности.

Наконец, используется данное благо в фазе потребления. Иначе говоря, в хозяйственной деятельности субъектов начинает действовать иммунитет к неблагоприятным факторам, происходит приспособление к изменившимся условиям и стимулируется дальнейшее развитие. Тем самым повышается и безопасность всей экономики.

По нашему мнению, вполне возможно говорить и о накоплении экономической безопасности. Дело в том, что с течением времени степень устойчивости и адаптационные возможности в эффективно функционирующей модели хозяйственной системы повышаются, и она становится менее уязвимой к угрозам. Отсюда следует, что экономическая безопасность как общественное благо может воспроизводиться не только в неизменном (простое воспроизводство), но и в расширенном масштабе.

2. Угрозы и воспроизводство безопасности в России

Приступая к рассмотрению безопасности России, отметим, что этой проблеме в нашей стране придается важное значение. Это связано, в том числе, с трудностями переходного периода. За прошедшие четверть века были приняты и утверждены два Федеральных закона «О безопасности», две Концепции национальной безопасности Российской Федерации, две Стратегии национальной безопасности РФ, Доктрина продовольственной безопасности, Доктрина информационной безопасности, две Стратегии экономической безопасности. В самом последнем официальном документе, посвященном экономической безопасности, она определяется следующим образом: «Экономическая безопасность — состояние защищенности национальной экономики от внеш-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 725.

них и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»¹.

Для того чтобы выявить конкретные угрозы различным структурным элементам российской экономики и определить уровень их защищенности от этих угроз, воспользуемся предложенными в литературе наборами критериальных показателей экономической безопасности. В качестве основы взят набор показателей академика С. Ю. Глазьева², из них отобраны наиболее представительные, которые структурированы в соответствии с задачами нашего анализа. К ним добавлены несколько показателей из наборов монографии под редакцией В. К. Сенчагова³. Чтобы показать, как безопасность России изменялась в динамике (воспроизводственный аспект), автором произведены расчеты показателей (индикаторов) безопасности за 2013 г. (т.е. до введения санкций и контрсанкций, снижения цен на нефть и девальвации рубля) и за последний год, по которому есть полная статистика. Фактические значения показателей рассчитаны на основе официальных данных Росстата⁴. Сравнение показателей 2016 г. с их пороговыми значениями позволяют оценить, на каком уровне находится экономическая безопасность данного «среза» хозяйственной системы.

Этой конкретной оценке служит столбец (5) во всех представленных ниже таблицах. Он рассчитывается как частное от деления фактического значения показателя на его пороговое значение, или наоборот, в зависимости от того, является ли данный порог нижним или верхним пределом. В этом случае все соотношения всех значений показателей будут приведены в сопоставимый вид. Если соотношение равно или больше 1, то данный индикатор отражает безопасное состояние этого структурного элемента экономики, если же оно меньше 1, то это означает, что соответствующий индикатор находится в опасной зоне. И чем больше полученная дробь (частное от деления фактического значения показателя на его пороговое значение), тем она ближе к безопасной зоне.

---

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

² Глазьев С. Ю. Создание системы обеспечения экономической безопасности и управления развитием России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2015. № 4. С. 19, 20, 22.

³ Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / под ред. В. К. Сенчагова. М.: Анкил, 2013. С. 290, 313.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>

Таблица 1

**Показатели безопасности, характеризующие воспроизводство
экономического потенциала**

Показатель	Пороговое значение	Фактическое значение 2013 г.	Фактическое значение 2016 г.	Отношение фактического значения 2016 г. к пороговому
1. Темп прироста ВВП, %	6	1,3	-0,2	<0,01
2. Объемы инвестиций в основной капитал, % к ВВП	25	20,7	17,0	0,68
3. Износ основных фондов, %	40	48,2	48,7	0,82
4. Уровень безработицы, %	5	5,5	5,5	0,91
5. Доля машиностроения в промышленности, %	25	14,0	13,1	0,52
6. Доля обрабатывающих отраслей в промышленности, %	70	66,6	66,7	0,95
7. Уровень инфляции, %	6	6,5	5,4	0,9
8. Уровень монетизации (M2) на конец года, % к ВВП	75	45,0	44,6	0,59
9. Дефицит федерального бюджета, % к ВВП	3	1,2	3,7	0,81

Как видно из табл. 1, фактические значения показателей безопасности 2016 г. по сравнению с 2013 г. по шести позициям ухудшились, по одной — уровню безработицы (показатель 4) — не изменились, и по двум — доле обрабатывающих отраслей в промышленности (5) и уровню инфляции (6) — улучшились. Что касается состояния безопасности экономического потенциала в 2016 г., то все показатели оказались в опасной зоне. Хуже всего было с экономическим ростом — спад 0,2% (1), долей машиностроения в промышленности (5) и уровнем монетизации (8). Причем если изменить показатели (1) и (5) довольно сложно, да и потребуются для этого немало времени, то уровень монетизации вполне управляемый параметр. Кстати, в некоторых странах (например, в Японии, Китае, Южной Корее, Малайзии, Сингапуре, Великобритании, Канаде, Швейцарии, Японии) этот показатель превышает 100% при сопоставимом или меньшем уровне инфляции.

Лучше всего обстоят дела с долей обрабатывающих отраслей в промышленности (6) и уровнем безработицы (4), хотя они все равно не достигают до безопасной зоны.

Таблица 2

Показатели безопасности, характеризующие воспроизводство научно-производственного потенциала

Показатель	Пороговое значение	Фактическое значение 2013 г.	Фактическое значение 2016 г.	Отношение фактического значения 2016 г. к пороговому
10. Расходы на научные исследования, % к ВВП	2	1,03	1,10	0,55
11. Доля инновационно активных предприятий, %	40	10,1	8,4	0,21
12. Отгруженная инновационная продукция, % ко всей промышленной продукции	30	8,9	8,4	0,28
13. Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте, %	50	11,4	16,8	0,34
14. Удельный вес российской высокотехнологической продукции на мировом рынке, %	3	0,3	<0,3	0,1

В 2016 г. по сравнению с 2013 г. согласно табл. 2 увеличилась доля расходов на научные исследования в ВВП (10) и доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте (13). Последнее связано, по видимому, со снижением мировых цен на углеводороды и сокращением общего объема экспорта. Удельный вес российской высокотехнологической продукции на мировом рынке (14) остался на очень низком уровне. Сравнение показателей безопасности научно-производственного потенциала 2016 г. с пороговыми значениями дает еще более удручающую картину, чем оценка безопасности экономического потенциала. Лучшее соотношение факта и порога здесь — у расходов на науку (14), да и то только 55% от порогового значения.

Таблица 3

**Показатели безопасности, характеризующие воспроизводство
человеческого потенциала**

Показатель	Пороговое значение	Фактическое значение 2013 г.	Фактическое значение 2016 г.	Отношение фактического значения 2016 г. к пороговому
15. Коэффициент рождаемости (на 1000 чел. населения)	22	13,2	12,9	0,57
16. Уровень смертности (человек на 1000 жителей)	12,5	13,1	12,9	0,97
17. Естественный прирост (человек на 1000 жителей)	12,5	0,2	-0,01	<0,01
18. Продолжительность жизни, лет	78	70,8	71,9	0,92
19. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,15	1,71	1,76	0,82
20. Коэффициент старения населения (доля лиц 65 лет и старше к общей численности населения), %	7	12,9	13,9	0,50
21. Уровень потребления алкоголя, л абсолютного алкоголя на душу населения	8	13,5	10,3	0,78
22. Уровень преступности (количество зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения)	1000	1539	1040	0,96
23. Разрыв между доходами 10% самых обеспеченных и 10% самых малообеспеченных групп, в разах	8	16,3	15,7	0,51
24. Коэффициент Джини	0,3	0,42	0,41	0,73
25. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	7	10,8	13,5	0,52
26. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума, раз	3,5	3,6	3,1	0,86
27. Средства на здравоохранение, образование и культуру, % к ВВП	15	8,4	7,7	0,51
28. Индекс человеческого развития (ИЧР), пункты	0,800	0,778	0,804	1,0
29. Уровень потребления алкоголя, л абсолютного алкоголя на душу населения	8	13,5	10,3	0,78
30. Доля импортного продовольствия в структуре потребления, %	20	36	23	0,87

Если табл. 1 показывает состояние и воспроизводство безопасности экономического потенциала, а табл. 2 — ключевую роль науки, инноваций и технологий в экономическом развитии, то в табл. 3 представлены результирующие показатели, отражающие безопасность человеческого потенциала. Иначе говоря, состояние и воспроизводство социодемографической безопасности является в определенном смысле целевой функцией других видов безопасности.

Из 16 показателей, представленных в последней таблице, фактические значения индикаторов безопасности 2016 г. по сравнению с 2013 г. по пяти позициям ухудшились, это коэффициент рождаемости (15), коэффициент старения населения (20), естественный прирост (17, впервые за последние годы в России отрицательный прирост населения), а также доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (25, уровень нищеты увеличился), средства на здравоохранение, образование и культуру (27, снизился социально-культурный уровень населения).

Состояние безопасности человеческого потенциала в 2016 г. характеризуется следующим образом. 15 показателей оказались в опасной зоне. Причем хуже всего соотношение фактического значения к пороговому в 2016 г. было у естественного прироста (17), коэффициента старения населения (20), децильного коэффициента (23) и средств на здравоохранение, образование и культуру (27). И один показатель вошел в безопасную зону — индекс человеческого развития (14).

На основании проведенного анализа можно укрупненно охарактеризовать основные угрозы российской социально-экономической системы.

1. По экономическому потенциалу: исчерпание прежних источников роста, дефицит инвестиций в реальный сектор экономики, продолжающаяся деградация производственного аппарата, структурные перекосы, связанные с сырьевой ориентацией экономики, низкая денежная база, несбалансированность госбюджета.

2. По научно-производственному потенциалу: низкий уровень финансирования науки, слабая инновационная активность предприятий, выражающаяся в том числе в незначительной доле наукоемкой продукции во всей промышленной продукции, утяжеленная структура экспорта.

3. По человеческому потенциалу: продолжающийся демографический кризис (что вдвойне опасно в стране с низкой плотностью населения и имеющимися обширными небезопасными геополитическими зонами), растущий уровень бедности основной массы населения и нищеты, неприемлемая степень социальной поляризации, снижение качества жизни.

Таким образом, в противостоянии угроз и безопасности побеждают пока угрозы. Или, иначе говоря, количество особого блага — безопасности, — воспроизводимого социально-экономической системой России,

пока недостаточно для нейтрализации угроз. Да и качество этого блага желает много лучшего.

Конечно, можно попытаться все стрелки перевести на неблагоприятные внешние факторы. Это, собственно, и сделано в новой Стратегии экономической безопасности¹. В списке основных вызовов и угроз экономической безопасности в этом документе из 25 пунктов первые восемь позиций занимают опасности, воспроизводимые глобальной экономикой и инициируемые развитыми государствами. И только девятый пункт говорит об исчерпании экспортно-сырьевой модели экономического развития.

С нашей точки зрения, причина сложившегося положения связана с неадекватностью сложившейся модели экономики с основами российской цивилизации и ее (модели) несоответствием мировым прогрессивным трендам. Отсюда постоянное воспроизводство угроз для экономики и общества в целом. Но это отдельная тема для дальнейшего исследования.

---

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

ГЛАВА 14

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЛАСТЕЙ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ)

1. Региональное воспроизводство субъектов Федерации

В главе решается двуединая задача: во-первых, охарактеризовать те теоретико-методологические моменты, которые дают возможность разобраться, что такое региональное воспроизводство; во-вторых, прояснить механизм функционирования регионального воспроизводства как особого типа хозяйственной деятельности. В качестве примеров берутся сюжеты, связанные с развитием регионов Верхней Волги: Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей.

Как известно, экономика имеет многоуровневый характер. Принято выделять мировую экономику (мегауровень), национальную экономику (макроэкономика), мезоэкономику (экономика народно-хозяйственных комплексов, а также регионов), микроэкономику (экономика отдельных рынков, а также предприятий и их объединений) и наноэкономику (экономика домашнего хозяйства). Особенность регионального воспроизводства — это его прочная связь с территориальным ресурсом, функционирование территорий и их развитие. С воспроизводственной стороны мировую, национальную экономику можно показать, как взаимодействующую совокупность видов экономической деятельности, даже игнорируя территориальный аспект, не разрабатывая его подробно, ограничиваясь

проблемой размещения производительных сил. Подобный подход к региональному производству условен, но вместе с тем и правомерен.

Региональная экономика представляет собой открытую хозяйственную систему, отсюда возникает двоякая особенность: с одной стороны, эта система входит в систему вышестоящего уровня, любой регион является частью национального хозяйства, в своем развитии в решающей степени зависит от ее институциональной среды и проводимой властями социально-экономической политики. С другой стороны, в состав регионального воспроизводства включаются воспроизводственные системы нижестоящего уровня — муниципального и поселенческого. В их отношении осуществляется некий патронаж. Соответственно развитие муниципальных и поселенческих территорий в существенной степени определяется институциональной средой региона и проводимой его властными структурами политикой.

Как же следовало бы представить себе экономику региона, не отклоняясь от воспроизводственного аспекта? Известно, что при воспроизводственном подходе хозяйственная деятельность понимается как непрерывный, постоянно возобновляющийся процесс в неизменном, расширенном или в суженном масштабе. Воспроизводство можно показать с помощью ряда измерений структурного характера, чтобы затем перейти к рассмотрению механизма их функционирования. У Карла Маркса (т. II отдел 3 «Капитала») в рамках воспроизводства выделяются два подразделения, анализируется обмен между ними. В центре оказывается теория реализации общественного продукта, эта реализация идет в натуральной форме и по стоимости, в конечном счете обеспечиваются все требования, и общество в состоянии обеспечить процесс производства снова¹. У Маркса рассматривается национальный масштаб экономики и, по существу, закрытая экономика. В наших материалах — масштаб региона, открытая хозяйственная система, а в центре — тема социально-экономических структур и регионального хозяйственного механизма.

Первое структурное измерение в нашем понимании выглядит так: есть отрасли «проточные», ресурсы поступают извне, перерабатываются, направляются вовне. Ряд отраслей, приобретая ресурсы за пределами собственной территории, не только перерабатывают, но и потребляют их внутри региона. Еще одни виды экономической деятельности, используя внутренние возможности, создают продукт на вывоз. Наконец, есть хозяйственные сферы чисто регионального характера, потребляющие местные ресурсы и реализующие продукцию на местном рынке. В основе выделения четырех сфер хозяйственной деятельности лежит характер используемого

---

¹ Маркс К. Капитал. М.: Политиздат, 1988. Т. II. Кн. 2. Процесс обращения капитала. Гл. 20–21. С. 441–594.

ресурса (собственный или ввозимый) и назначение продукта — на вывоз или для собственного потребления. Таким образом, в связи со сказанным мы вводим термин «*четырёхблочная структурная экономика региона*». В литературе термину структуры экономики уделяется серьезное значение. Предлагаются различные теории, опирающиеся на ключевые понятия. У С. Ю. Глазьева это технологический уклад¹, у В. И. Маевского — макрогенерации², в ходу термин «кластеризация экономики», употребляемый многими, с легкой руки К. Маркса бытует термин «подразделение общественного производства», возможны иные наименования.

Второе структурное измерение: выделяются виды экономической деятельности в соответствии с системой национальных счетов, представляемые как разделы от А до Р. В границах этой системы принято указывать на *производство товаров* и на *производство услуг*, развитие российской экономики идет по пути длительного нарастания доли услуг.

Представляется, что мы оказались в плену стихии рынка. Россия обладает колоссальными природными запасами, реализация которых есть наше несомненное конкурентное преимущество в мировой экономике, в этом отношении необходимо повышение регулирующей роли государства как в рамках национальной экономики, так и в рамках региона. Важна всемерная поддержка малого и среднего предпринимательства, а также реализация амбициозных проектов, например, в Ивановской области разворачивается строительство комбината полиэфирного волокна, ориентировочная стоимость проекта 20 млрд руб. Это резко усилит роль региона как текстильного цеха России. В границах регионального подхода целесообразно усилить внимание на теме грузо- и пассажирских перевозок, эта тема обычно исследователями недооценивается.

Еще одно измерение, касающееся территориального подхода, связано с выделением *зон (ареалов) влияния*, когда вокруг населенных пунктов или крупных предприятий формируется система отношений, благодаря которым возникает некое подобие кластера, формируются относительно самостоятельные «псевдосубъекты» хозяйственной деятельности. В данном случае реализуется идея патронажа, когда более высокая система активно воздействует на системы нижестоящего порядка. Обращение к практике хозяйственного региона позволяет установить такие сюжеты, как зона опережающего развития, точка экономического роста, территориально-производственные комплексы, промышленные агломерации

---

¹ См.: Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993. С. 55; Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн. URL: <http://www.glazev.ru/upload/iblock/77b/77b8141cdfc1038b78520f79fc9acd40.pdf>

² Маевский В. Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня, 1997. С. 18.

и др. Депрессивные регионы, к числу которых относятся области Верхней Волги, сталкиваются с темой свертывания городов и даже целых районов. В современной литературе эта проблематика активно обсуждается как учеными Москвы и Санкт-Петербурга, так и периферийными исследователями (Екатеринбург, Владимир, Иваново, Кострома и др.).

Целесообразно остановиться на измерении, где в качестве действующих лиц выступают *субъекты экономики*: домашнее хозяйство, предприятие (фирма), властные структуры (государство), а также нерезиденты. При этом необходимо концентрировать внимание на взаимодействиях между ними. Вообще философская категория взаимодействия существенна для любого научного исследования (перемещение ресурсов, кругооборот ресурсов, рыночное взаимодействие, управленческие отношения и пр.). Действия субъектов можно рассматривать как движущую силу. Возникают различные ситуации: связи между домашним хозяйством и предприятием выводят нас на такие темы, как воспроизводство рабочей силы, занятость, доходы, социальный пакет и пр. Особое значение имеют схемы, где присутствуют прямые и обратные связи, отражающие такие состояния, как домашнее хозяйство — предприятие, предприятие — предприятие, домашнее хозяйство — государство, предприятие — государство. Территориальный аспект отразит следующие позиции: регион — муниципальное образование; муниципальное образование — муниципальное образование — муниципальное образование — городские (сельские) поселения. В итоге мы подходим к сюжетам *самодвижения системы*.

По нашему мнению, нормально развивающиеся регионы обладают интеграционным потенциалом¹, в связи с чем актуальна не просто тема межрегиональных взаимоотношений, но и можно говорить о формировании макрорегиона. Так, наиболее активно развивается Верхневолжский туристическо-рекреационный кластер, вбирающий в себя четыре области: Владимирскую, Ивановскую, Костромскую и Ярославскую. Хорошо интегрированы в границах этих областей пути сообщения — автомобильные, железные дороги, частично водный транспорт. Еще один пример: формирование логистического швейно-текстильного кластера в Иваново, который имеет ярко выраженный межрегиональный характер. В перспективе можно ожидать появления нового субъекта в виде макроэкономического региона.

Предлагается измерение с опорой на *объекты хозяйственной деятельности, объекты управления*. Это прежде всего материальные объекты — основные фонды и материальные оборотные средства, природные ресурсы, созданный продукт, домашнее имущество. Кроме того, объектом

---

¹ См., например: *Бабаев Б. Д., Боровкова Н. В., Сергеева М. Е., Сорокина Е. В.* Интеграционный потенциал региона // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2014. № 7 (23). С. 181–190.

управления является сам человек. В рамках домашних хозяйств люди сами решают свои проблемы, важно не войти в противоречие с законом, самоуправление домашних хозяйств — неоспоримая истина. Коммерциализованные предприятия (экономика у нас смешанная, но превалирует частная собственность, например, в Ивановской области промышленность почти на 100% приватизирована) также действуют на началах частного хозяйствования, неся полную ответственность за результаты своей работы. Спрашивается, какую же роль может играть государство в управлении экономикой, которая является частной? Обычно говорят, что государство разрабатывает «правила игры», контролирует их исполнение, также посредством фискальных функций воздействует на предприятия. Итак, объектами надо управлять. Либералы говорят, что рынок все расставит по своим местам, но в действительности в современных условиях стихийный рынок не только продвигает экономику вперед, но и постоянно создает проблемы, которые нередко приходится решать внерыночными методами. Важно разобраться и теоретически, и на практике, какие вопросы в позитивном смысле может решить современный рынок, какие зоны ответственности падают на государство, по поводу чего должно заботиться само домашнее хозяйство, не надеясь на помощь со стороны, а что падает на долю общества (партии, ассоциации производителей, профсоюзы, ассоциации потребителей и др.). В таком направлении целесообразно вести исследование, включая региональную проблематику.

Мы подходим к вопросу о *целостности экономики и ее самодостаточности*, в связи с чем сделаем следующую вставку: поскольку регион — часть национальной экономики, постольку в смысле натурально-вещественном и, возможно, трудовом, он не является самодостаточным, имеет или может иметь собственную специализацию, занимает определенное место в отраслевом и территориальном разделении общественного труда. Со стоимостной стороны необходимо говорить о региональной самокупаемости, которая в Российской Федерации в абсолютном большинстве случаев не обеспечивается. В любом случае, говоря о самовоспроизводстве, самодостаточности, самокупаемости, следует различать эффект натурально-вещественный и стоимостной. Но у федерального Центра есть стремление держать регионы «в узде», в связи с чем вступают в действие перераспределительные процессы, нашу экономику можно назвать перераспределительной: в одних формах у регионов взять, с помощью других форм что-то передать. Тему целостности экономики надлежит увязывать с перераспределительными процессами. Зависимость регионов от федерального Центра может быть очень значительной. Например, доходы консолидированного бюджета Ивановской области на 50% формируются за счет безвозмездных перечислений, кроме того, высока доля пенсионных сумм, также поступающих из федеральных фондов, в этом же реги-

оне размер пенсионного фонда несколько меньше одной трети ВРП (валовой добавленной стоимости). Следует ли в принципе так строить фискальную политику, чтобы сокращать трансферты в регионы, расширять их права и ответственность за развитие собственных территорий? Это вопрос большой дискуссии, в центре которой — оптимизация всесторонних отношений, включая стоимостные, между Центром и регионами. В условиях колоссального разнообразия природно-климатических условий, присущих России, политика «взять и перераспределить», пожалуй, неизбежна. Если государство не будет располагать необходимыми ресурсами, то оно не в состоянии поддерживать нуждающиеся в дотациях территории. В целом вопрос не так-то прост. В любом случае тема «регион и перераспределительная экономика» остается актуальной. Полезно выполнять расчеты: сколько регион передает государству и сколько от него получает. Подобного рода расчеты существуют и в отношении домашних хозяйств. Соответствующие цифры можно получить в Российском статистическом ежегоднике, при этом трансферты полученные заметно превышают трансферты переданные.

Невзирая на все гонения (некоторые лица термин «обобществление» считают устаревшим), понятия *обобществленной* и *необобществленной экономики*, на наш взгляд, не утратили своей значимости. К этой теме примыкает вопрос о личном подсобном хозяйстве и его судьбе, а также о теневой экономике. Необобществленный сектор в рамках регионов выполняет функции дополнительной занятости, выпуска дефицитного продукта, развития предприимчивости, обеспечения этим людям добавочного дохода, пополнения рынка товарами и ресурсами. Личное подсобное хозяйство тесно связано с неорганизованной торговлей в небольших населенных пунктах, значение которой во многих регионах падает, но есть исключение, например регионы Северного Кавказа. Регионы можно классифицировать по степени развитости теневой экономики и состоянию личного подсобного хозяйства, цифры неизбежно будут характеризоваться многообразием.

Еще одно структурное измерение региональной экономики — это *размерность производства, различие в размерах хозяйствующих субъектов* — домохозяйств и предприятий. С одной стороны, сам характер человеческой деятельности предопределяет масштабы производства. Например, железные дороги эффективны как крупное предприятие. Важно то, что производится, характер продукта. Так, мы привыкли считать металлургические комбинаты особо крупными производствами, но в то же время есть мини-предприятия, производящие обычно спецстали. Правила игры на рынке, а также взаимодействие с государством также оказывают влияние на величину предприятия. Так, в России произошла массовая трансформация акционерных обществ как крупных и средних предприятий в ООО — большие самостоятельные структурные единицы (итог так называемой

налоговой оптимизации). Ярославская область характеризуется наличием крупных предприятий, имеющих всероссийскую известность (Ярославский нефтеперерабатывающий завод имени Д. И. Менделеева, НПО «Сатурн», ПАО «Рыбинские моторы» и др.). Они обеспечивают занятость, пополняя бюджет, способствуют развитию инфраструктуры, стимулируют инвестиционный процесс, поднимают престиж региона. Другой пример. В Костромской области Волгореченская ГРЭС дает почти 20% доходной части областного бюджета. В Ивановской области в прошлом было много крупных предприятий, на некоторых из них численность работающих доходила до 10–12 тыс. человек (меланжевые комбинаты в Иванове и Родниках, камвольный комбинат в Иванове и др.). Но в настоящее время экономикой этого региона можно назвать экономикой средних и малых форм. Это имеет свои преимущества, поскольку связано с активизацией предпринимательства — малые предприятия, индивидуальные предприниматели, личное подсобное хозяйство, теневая экономика. В любом случае, тема размерности производства по-разному стоит в регионах.

Таков наш взгляд на структурное измерение экономики в связи с региональным воспроизводством. Поскольку приведенные выше измерения могут быть применены и к национальной экономике, постольку встает тема их специфичности применительно к региональной экономике. Например, взаимодействие домашних хозяйств, предприятий, властных структур по-разному выглядит в регионах Российской Федерации, поскольку последние сильно дифференцированы по природно-экономическому потенциалу.

Приведем следующий пример. В нормально работающих регионах суммированное конечное потребление и накопление основного капитала не превышают величины валового регионального продукта (ВРП), последний является их нормальной стоимостнообразующей базой. В старопромышленных регионах (регионы Верхней Волги и др.) величина ВРП гораздо меньше указанной суммы. Встает вопрос об источниках погашения разницы: средства федерального Центра, переводы вахтовиков (от 5 до 15% и даже более процентов трудоспособного населения многих пунктов проживания работают за пределами своей области).

Чтобы уяснить себе, что такое региональная экономика, региональное воспроизводство, необходимо классифицировать факторы, на них влияющие. Поскольку факторов и предпосылок много, то целесообразно вычленить наиболее значимые, наиболее фундаментальные, или факторы «первого порядка». Мы выделяем следующие семь позиций: 1) территориальная организация хозяйственной деятельности; 2) субъекты с их экономическими интересами; 3) открытость системы; 4) «экономико-поселенческий» аспект; 5) «рассеянность» экономики; 6) единство социального и экономического; 7) самодвижение с учетом внешнего фактора, рынок (рассматривается с позиции фрагментации, т.е. рынок региона включает

в себя фрагменты мирового рынка, национального рынка, а также представляет собой собственно региональный рынок в совокупности муниципальных рынков и рынков городских и сельских поселений).

К характеристикам «второго порядка» мы относим: 1) размер; 2) географическое положение; 3) плотность путей сообщения; 4) население (как общность с укладом жизни и менталитетом); 5) ресурсы, включая природные; 6) размещение производительных сил; 7) специализация и диверсификация (с одной стороны, наиболее значимые отрасли, с другой стороны, сочетание отраслей в смысле самодостаточности).

В связи с темой регионального воспроизводства возникает тема *регионального хозяйственного механизма*, который можно рассматривать в трех аспектах:

- отношения (социально-экономические, организационно-экономические, политико-правовые);
- институты — формальные и неформальные правила, нормы и механизмы (стимулирующие, ограничивающие и штрафные санкции);
- организационно-управленческие структуры.

Причем стимулы и штрафные санкции должны присутствовать во всех трех аспектах. Значит, с одной стороны, *региональный хозяйственный механизм* представляется через блок: *отношения — институты — структуры*. С другой стороны, региональный хозяйственный механизм олицетворяет связку: *инструменты — методы — формы*. В качестве инструментов могут выступать план, прибыль, норма, прогноз; методы представляют совокупность административных, экономических, морально-психологических приемов. Многообразие форм отражает специфику региона (диверсифицированный, специализированный, промышленный, аграрный, с преобладанием природного ресурса и др.). С третьей стороны, региональный хозяйственный механизм — это *взаимодействие (субъектно-объектный подход как единство субъективно-объективного)*.

Функциональное назначение регионального хозяйственного механизма заключается в следующем:

- поддержание территории, хозяйственное ее обустройство и обеспечении ее развития;
- функционирование и развитие поселений, если на территории есть поселения (население);
- воспроизводство населения и уровень благосостояние;
- организация взаимосвязи с системами высшего уровня;
- патронаж нижестоящих систем;
- обеспечение самодвижения с учетом внутренних противоречий и внешних воздействий.

Итак, отметим выделенные нами *особенности регионального воспроизводства*. Во-первых, регион обязательно предполагает территориаль-

ный аспект изучения. Во-вторых, регион рассматривается как открытая экономическая система. В-третьих, это территориальная экономика, которая диверсифицирована по признаку видов экономической деятельности, как правило, при этом имеет специализацию (разнообразие видов экономической деятельности — натурально-вещественная сторона). В-четвертых, со стоимостной стороны теоретически должна быть обеспечена самодостаточность, самокупаемость. В-пятых, региональное воспроизводство предполагает самодвижение с учетом внешнего фактора. Под самодвижением понимается развитие системы под действием внутренних движущих сил, к которым относятся движущие силы капитала, труда. Огромное значение имеют общественные ассоциации (потребителей, производителей, дольщиков, общественные организации), власть, менталитет населения, сложившиеся традиции.

Теперь, после того как мы выяснили, что такое регион и региональный хозяйственный механизм, перейдем к *теме макрорегионов*, потому что регион перерастает в макрорегион, а региональный хозяйственный механизм — в межрегиональный хозяйственный механизм.

2. Вопрос о макрорегионах

Востребованность темы макрорегионов обусловлена целым рядом факторов.

Во-первых, практика Поволжья, Урала, Северного Кавказа дает эмпирический материал, в результате чего возникает необходимость его обобщения.

Во-вторых, формируются новые направления экономической науки, есть потребность в углублении теории воспроизводства.

В-третьих, требуется внесение изменений в социально-экономическую политику.

В-четвертых, формируется общественный запрос в сборе материалов для прогнозов. В частности, при разработке стратегии экономического развития необходимо более серьезно проработать территориальный аспект.

В-пятых, возникает интерес государства к проблеме укрупнения регионов с целью обеспечения эффективного и более экономичного управления.

В-шестых, существует необходимость в контроле и управлении новыми процессами, не допуская стихии и связанных с нею потерь.

Укажем на общие предпосылки, процессы, связанные с формированием макрорегионов: интеграционный потенциал региона¹; новые возможности развития; межрегиональные кластеры как мощная интеграци-

---

¹ Бабаев Б. Д., Боровкова Н. В. К вопросу о направлениях интеграционных процессов в рамках формирования Верхневолжского макрорегиона // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2015. № 8 (24). С. 187–194.

онная составляющая; межрегиональные проекты; миграция рабочей силы; устойчивые налаженные торгово-экономические связи; межрегиональная кооперация; приграничная торговля; объединяющая роль путей сообщения; рекреационно-туристическое взаимодействие; развитие по принципу взаимодополняемости; культурные обмены; инфраструктурное обустройство; центры принятия решений, межрегиональное разделение (центральный офис в Ярославле, функциональное действие — в Иванове, например, РЖД, Сбербанк и др.)¹.

Рассмотрим основные процессы, явления, события, связанные с тенденцией к формированию макрорегионов.

Низовая всесторонняя деятельность людей в направлении межрегиональных взаимодействий (приграничная торговля, трудовая миграция и др.). Следует указать на такие процессы, как активизация взаимодействий, их систематичность, массовый характер, формирование устойчивых связей, «стирание границ». В качестве примера можно привести поездки-экскурсии в Иваново за текстильной продукцией, вахтовые и экспедиционные методы работы как формы трудовой миграции.

Формирование центров принятия решений как межрегиональных, что означает развитие отношений зависимости. В данном случае мы рассматриваем новые или сравнительно новые явления как продукт межрегиональных взаимодействий.

Взрывной характер приобретают *сетевые формы* предпринимательства, например, в торговле («Магнит», «Пятерочка», «Копейка», «Лента», «М-Видео» и др.).

а) Межрегиональные амбициозные проекты. Следует иметь в виду, что крупные структуры могут создавать благоприятные условия для развития малых подсистем (форм). Так, музеи, выставки, зрелищные мероприятия, будучи включенными в систему определенных связей и отношений, оказываются в центре массовых посещений, актов купли-продажи и пр. К примеру, в настоящее время ведется переговорный процесс относительно возрождения и развития проекта «Золотое Кольцо России» (в 2017 г. ему исполняется 50 лет), в рамках которого «заявляются» частные проекты — Плес, Палех, Фурманов, Кинешма. В результате они «заиграют» по-новому, получают импульс развития (экскурсии, ресторанный бизнес, сувенирная продукция).

б) Межрегиональная координация на уровне властных структур. Например, оживление судоходства на реке Волга — результат совместного взаимодействия Нижегородской, Ярославской, Ивановской, Костромской и Московской областей. Точно так же существование межрегионального

¹ Боровкова Н. В. Фундаментальные теоретико-методологические вопросы, связанные с формированием макрорегионов // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. 2016. Т. 1. № 1 (10). С. 4–8.

рекреационно-туристического кластера во многом обусловлено взаимодействием на уровне глав регионов.

в) Сдвиги в общественном территориальном разделении труда, разграничение функций. Пример, связанный с тем, что регионы Верхней Волги относятся к Подмосковию. Области Верхней Волги в связи с запросами Москвы реально рассматриваются как поставщики квалифицированной рабочей силы (вахтовый метод работы, смена места жительства). Кроме того, регионы выполняют разнообразные столичные заказы в области производства, торговли, перевозок, в сфере культурных отношений (пошив одежды, проектирование зданий, проведение геологоразведочных работ и пр.). На подмосковные области возложена функция поставщиков биомассы (сельхозпродукция, рыба, дары леса), в результате отмечается использование их территории для развития пищевой базы крупных холдингов. Также с подмосковным положением Ивановской и других областей связана тема конкурентных преимуществ (практически не ограниченные рынки, обеспеченные денежными ресурсами потребители, расширенные кредитные возможности, высокая густота дорог, устойчивый характер запросов, структурное разнообразие потребностей, повышенная значимость инновационных нужд, выдающаяся роль рекреационно-туристических услуг и др.)¹.

з) Формируются элиты, одни из которых выступают за, а другие против того, чтобы создавать макрорегион действиями сверху. Противниками формирования макроэкономического региона являются чиновники, которые обеспокоены сохранением собственных рабочих мест. Это также администрация и сотрудники поглощаемых организаций или структур, попадающих в зависимость. За формирование макрорегионов выступают предприниматели, которым нужны новые рынки сбыта, источники сырья, рабочая сила, нуждающиеся в расширении производства и получении нового управленческого опыта. Можно высказать предположение, что идею создания макрорегиона поддерживает молодежь, заинтересованная в расширении круга общения, кругозора, обмене опытом, участии в межрегиональных мероприятиях.

Актуальна тема, связанная с возникновением новых путей сообщения, включая тему транзита. Активно дискутируется вопрос на тему широтной дороги по маршруту Черноголовка — Иваново — Кинешма — Островское — Киров, которая разгрузила бы напряженную трассу Москва — Нижний Новгород — Казань и далее на Урал. Густота путей сообщения — залог хозяйственного обустройства территории. В настоящее время основная нагрузка в пассажиро- и грузоперевозках падает на автотранспорт. В об-

¹ Боровкова Н. В., Довгополая Н. В. К вопросу о территориальной экспансии как форме межрегионального взаимодействия // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика. 2014. № 2 (22). С. 6–11.

ластях Верхней Волги сокращается нагрузка на железные дороги, крайне слабо «используются» речные и судоходные пути, включая Волгу, которая десятилетиями и даже столетиями была рекой-труженицей. Красноречив пример Европы, где значительные объемы перевозок падают на речные пути (существенная экономия транспортных расходов).

Покажем новые возможности конкурентного плана для субъектов экономики в связи с формированием макрорегиона. Для домашних хозяйств огромное значение имеют наполнение рынка за счет соседей, выравнивание цен, расширение возможностей трудоустройства в порядке маятниковой миграции и вахтового метода, развитие различных форм общения и культурного обмена. Идут процессы расширения маршрутов межрегионального характера, облегчающие перемещение пассажиров из региона в регион. В результате активизации поездок в сознании людей формируются элементы общности, соседства, доброжелательных отношений. Не так резко звучит различие: мы — костромичи, мы — ивановцы, мы — владимирцы и т.д. У людей расширяется круг интересов, требующих посещения соседних регионов в связи с семейными или деловыми задачами.

С точки зрения организаций (предприятий) происходит расширение круга рыночных отношений по всему спектру. Приведем частные примеры: владимирские хлебобулочные изделия успешно конкурируют с местной продукцией на территории Ивановской области, и наоборот. То же можно сказать и в отношении пива и ряда пищевых продуктов. В текстильной промышленности Ивановской области сохранились ткачество и отделка, но оказалось подорванным прядение, последнее получило развитие во Владимирской области. Межрегиональное разделение труда приобрело устойчивый характер, Ивановский швейно-текстильный кластер втянул в себя прядильные предприятия Владимирщины. Выпускники костромских школ в значительном количестве обучаются в ивановских вузах, это стало традицией. Например, молодежь города Волгореченска Костромской области не столько ориентируется на Кострому как областной центр, сколько на ивановские вузы. На базе холдинговой системы формируется филиальная сеть, когда головное предприятие, например ярославское, имеет свои отделения в соседних регионах. Исчезают областные барьеры (они в практике случаются, хотя в современной экономике не слишком часто). Дело не в количестве примеров, а в новых возможностях для предприятий.

Открываются новые перспективы для властных структур, правда не слишком активно реализуемые в границах областей Верхней Волги. Упомянутый Верхневолжский рекреационно-туристический кластер в большей степени формируется стихийно. Области не слишком усердствуют в решении вопросов использования речного транспорта. Процессы, требующие межрегионального взаимодействия, в большей степени развиваются спонтанно, нежели под управленческим взаимодействием властных структур. Из печати видно, что представители властей регионов

не стремятся активно сотрудничать друг с другом с тем, чтобы реализовать те возможности сотрудничества, которые формируются на основе объективно протекающих взаимодействий (готовность бизнесменов вкладывать капиталы в соседние регионы, готовность части населения поменять место жительства и пр.). В конечном итоге речь идет о выигрыше территории за счет усиления межрегиональных связей.

Таким образом, говоря о теоретико-методологических основах изучения регионального воспроизводства, мы предлагаем следующие семь структурных измерений региона: 1) «четырёхблочная» структура экономики, построенная на основе выделения четырех сфер хозяйственной деятельности с учетом характера ресурса и назначения продукта; 2) виды экономической деятельности в соответствии с системой национальных счетов; 3) зоны влияния вокруг населенных пунктов или крупных предприятий; 4) субъекты экономики; 5) объекты хозяйственной деятельности, объекты управления; 6) обобществленная и необобществленная экономика; 7) размерность производства и различие в размерах хозяйствующих субъектов.

Отличительной чертой регионального воспроизводства является территориальный аспект изучения (с учетом открытости экономики, а следовательно, развитие (самодвижение) под влиянием внешних факторов, участие региона в общественном разделении труда, что определяется его специализацией, а также необходимость диверсификации хозяйственной деятельности для обеспечения самодостаточности.

С учетом расширения и углубления межрегиональных взаимосвязей особую актуальность приобретает тема формирования макроэкономических регионов, что обусловлено целым рядом факторов. Прежде всего следует отметить масштаб интеграционных процессов, которые коснулись большинства регионов страны. В литературе активно ставятся вопросы о формировании Уральского, Северо-Кавказского, Московского, Приволжского, Северо-Западного и других макрорегионов, границы которых зачастую не совпадают с границами официальных федеральных округов. Соответственно, эти интеграционные процессы требуют изучения, обобщения опыта, что, в свою очередь, приводит к появлению новых направлений экономических исследований. Возникновение запроса со стороны государства обусловлено необходимостью регулирования и корректировки стихийных процессов, а также его заинтересованностью в повышении управляемости территорий, формировании стратегии территориального развития с учетом новых тенденций.

Г Л А В А 15

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ивановский край издревле являлся одним из центров ткачества и переработки льна в России. Уже в XVIII в. в селе Иваново на основе существовавшего «холщового промысла» появляются первые полотняные мануфактуры, организованные «капиталистами» (предприимчивыми) крепостными крестьянами. Сначала возникали ткацкие, а позднее, к концу XVIII в. — отделочные мануфактуры. На рубеже XVIII—XIX вв. производство в Иваново стало переходить от выпуска льняной продукции к хлопковым тканям. К этому вынуждала экономическая необходимость — на русский рынок хлынул поток английских хлопчатобумажных тканей, вытеснявших льняные полотна. В первой трети XIX в. за селом Иваново, уездными городами Шуй и Кинешмой прочно закрепляется репутация текстильного края. Здесь производилась большая часть хлопчатобумажной продукции России. Край сравнивали с Англией, в то время славившейся своим текстилем (Иваново — с Манчестером, Шую — с Ливерпулем). На крупнейших ярмарках имелся «особенный ряд» — ивановский. К концу XIX в. в «ситцевом царстве» завершился промышленный переворот, на текстильных фабриках работали паровые машины, электромоторы.

Во второй четверти XIX в. в селе Иваново было основано несколько химических и металлообрабатывающих заводов, которые были жестко привязаны к основной отрасли местной промышленности — текстильной — и производили красители, несложные машины, запасные части и др. Сейчас это бы назвали текстильным кластером. Одно из крупных химических предприятий, созданных тогда, функционирует и сегодня — ООО «Ивановский химзавод», входящее в ОАО «Ивхимпром». Следует отметить, что в формировании «набора отраслей и производств машиностроения и металлообработки исторически далеко не последняя роль принадлежала принципу регионального самообеспечения. Этот принцип в особенности активно проявляется в развитии легкой и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства»².

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ивановской области в рамках научного проекта № 16-12-37002 «Фундаментальные проблемы регионального воспроизводства, пути, методы и механизмы их решения».

² *Бабеев Б. Д.* Транспортно-географическое положение Ивановкой области. Дорожная сеть. Размещение производительных сил в области // Экономика Ивановской области: со-

Точкой отсчета истории области как официально оформленного в административно-территориальном отношении самостоятельного региона является постановление Наркомата внутренних дел РСФСР 20 июня 1918 г. об образовании Иваново-Вознесенской губернии с центром в г. Иваново-Вознесенск. Мощный потенциал Иваново-Вознесенской губернии был максимально использован в Новое время для проведения индустриализации страны в конце 1920-х и в 1930-е гг., до экономического роста конца 1950-х — начала 1960-х гг., когда г. Иваново стал центром Верхне-Волжского промышленного района, а Ивановская область — один из главных центров текстильной промышленности СССР. Она производила около 30% всей хлопчатобумажной продукции СССР. 1960–1980-е гг. ознаменовались реконструкцией действующих текстильных предприятий, строительством новых и значительным расширением мощностей имеющихся машиностроительных заводов. Но уже в начале 1980-х гг. в экономике области начались негативные изменения. Текстильное машиностроение оказалось не в состоянии обеспечить потребности реконструируемых предприятий в новых станках, что вело к сбоям во всей технологической цепочке текстильного производства. В итоге текстильная промышленность перестала выполнять планы и договорные обязательства. Погоня за метражом из года в год обедняла ассортимент выпускаемой продукции, что привело в 1986 г. к невозможности реализовать 178 млн м тканей»¹.

В конце 1980-х гг. началось свертывание плановой системы распределения ресурсов, сокращение государственных вложений в производство. Переход российской экономики к рыночным отношениям привел к масштабным структурным изменениям, в том числе и в Ивановской области. Специализация на текстильной промышленности, унаследованная с советских лет, привела к сильнейшему социально-экономическому кризису в 1990-х гг., когда отрасль стала неконкурентоспособной вследствие конкуренции импорта и утраты сырьевой базы. Развал государства привел к крушению налаженных связей с поставщиками сырья, оборудования, изменению логистических цепочек, перераспределению рынка сбыта готовой продукции.

Ивановская область относится к **старопромышленным регионам**, т.е. территориям с устаревающей промышленностью, относительно низким уровнем технологического развития промышленного комплекса, размещенного в ее границах. Таким территориям присуще наличие обостренных проблем гуманитарного плана (от демографии до экологии). В лите-

---

стояние, проблемы, развитие / редкол. В.И. Тихонов и др. Иваново: изд-во «Иваново-Вознесенск», 2002. С. 81.

¹ Балдин К. Е., Барвенко В. Г., Иванов Г. В. Ивановский край в истории Отечества: учеб. пособие по историческому краеведению для учащихся 9-х кл. / под ред. К. Е. Балдина; метод. обеспечение — Е. Д. Ерискина. Иваново: ИД «Референт», 2007. С. 192.

ратуре выделяется «пять отличительных признаков старопромышленных регионов: 1) исторически сложившаяся специализация региона в территориально-производственном разделении труда, характеризующаяся доминированием в ней индустриальных отраслей; 2) преобладание использования устаревших технологий и средств производства; 3) производство промышленной продукции низкого уровня наукоемкости; 4) локализация рынков сбыта выпускаемой продукции; 5) низкая восприимчивость к инновациям»¹.

Ивановская область, как свидетельствует статистика, соответствует этим характеристикам. В структуре валового регионального продукта (валовой добавленной стоимости) в 1995 г. промышленность составляла 37%, сельское и лесное хозяйство — 10,7%, строительство — 6,7%, транспорт и связь — 5,5%, торговля и общественное питание + оптовая торговля средствами производства — 12,3%². В 2015 г. промышленность (обрабатывающие производства + производство и распределение электроэнергии, газа и воды) составляла уже 53,4%; сельское и лесное хозяйство — 4,9%, строительство — 2,9%, транспорт и связь — 7,5%; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования — 25,1%. Высокую долю занимали операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — 11,7%; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование — 9,5%³. В структуре обрабатывающих производств более трети приходится на текстильную и швейную промышленность (табл. 1).

Таблица 1

Структура объема отгруженной продукции (выполненных работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», %⁴

	Ивановская область			РФ	
	2005	2011	2016	2011	2016
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	25,6	16,8	15,3	15,8	17,9
Обработка древесины и производство изделий из дерева	0,8	4,3	3,5	1,3	1,4

¹ Глonti К.М. Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития. Проблемы федерализма // Регионология. 2008. № 4. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/197>

² Ивановская область в 2005 году: стат. сб. Иваново, 2006. С. 176.

³ Ивановская область 2017: стат. ежегодник / Ивановостат. Иваново, 2017. С. 171, 176.

⁴ Ивановская область в 2005 году. С. 224; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 478–479; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 738–739.

Окончание табл. 1

	Ивановская область			РФ	
	2005	2011	2016	2011	2016
Текстильное и швейное производство	33,4	39,1	43,1	0,9	1,2
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	1,1	2,5	3,5	3,0	3,2
Производство кокса и нефтепродуктов	0	0	6,9	19,9	29,1
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов (стройматериалы, асфальтобетон и пр.)	2,9	2,6	2,3	4,5	3,6
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	10,3	10,5	10,9	17,7	15,6
Производство машин, транспортных средств и оборудования	15,6	11,7	7,0	15,7	14,1
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	3,7	2,9	3,4	5,8	6,6
Прочие виды обрабатывающих производств	6,6	9,6	4,1	15,4	7,3

Крупнейшими предприятиями текстильной промышленности в настоящее время являются: ПАО «ХБК «Шуйские ситцы», ООО «ХБК «Навтекс», ЗАО «Кинешемская ПТФ», ООО «Родники-Текстиль», ООО «Тейковская текстильная компания», ООО «Ньюфарм». Швейная промышленность области представлена следующими крупными предприятиями: ОАО «Полет», ЗАО «Одежда и мода», ООО «Исток-Пром», ПАО «Швейная фирма «Айвенго», ООО «Ланцелот», ООО «Бисер», ООО «Фабрика трикотажа «Заречье», а также предприятиями малого и среднего предпринимательства, специализирующимися на выпуске трикотажных изделий и постельных принадлежностей.

Коэффициент локализации — отношение доли текстильной отрасли в отраслевой структуре региона к доле той же отрасли в отраслевой структуре страны в целом — в 2011 г. составлял 43. Для сравнения: коэффициент локализации транспортного машиностроения в Самарской области, где расположен автомобильный гигант АвтоВАЗ, составлял 3,6. Если при этом зависимость состояния экономики Самарской области от состояния одной отрасли является серьезной проблемой, то тем более это касается Ивановской области¹. К 2015 г. коэффициент локализации несколько

¹ Куликов Г. Ивановская область // Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/ivan.shtml>

снизился по сравнению с 2011 г., но тем не менее высокая зависимость экономики региона от состояния текстильной промышленности остается.

С точки зрения экономического развития Ивановская область относится к **депрессивным регионам**, которые в прошлом по некоторым показателям занимали ведущие места в стране. Как правило, эти регионы имеют достаточно высокий уровень накопленного производственно-технического потенциала, значительную долю промышленного производства в структуре хозяйства, относительно высокий уровень квалификации кадров. Однако по разным причинам (из-за падения спроса на основную продукцию или снижения ее конкурентоспособности, ухудшения внешних связей с поставщиками ресурсов и т.п.) эти регионы потеряли свое былое экономическое значение и относительные преимущества.

Одним из основных индикаторов депрессивности является отношение объема промышленного производства к докризисному уровню 1990 г. В Ивановской области этот показатель составил в 2012 г. только 51%, тогда как промышленность России в целом восстановилась до 87% от уровня 1990 г. Сопоставимые или еще более низкие темпы выхода из экономической депрессии имеют Кировская (52%), Курганская (44%) области и Забайкальский край (41%)¹. Индексы промышленного производства по видам экономической деятельности в Ивановской области представлены в табл. 2. Как видно из таблицы, наиболее серьезные проблемы наблюдаются в машиностроительной отрасли, создаваемой в свое время для привлечения мужского населения в область. За годы реформ 90-х гг. XX в. она практически потеряла свой производственный потенциал. Некоторые предприятия на грани банкротства («Автокран»², Завод тяжелого станкостроения (ЗТС), Вичугский машиностроительный завод) или прекратили свою деятельность («Точприбор»³, «Торфмаш», Завод чесальных машин, «Ивтекмаш»). Сегодня в Ивановской области практически отсутствует масштабное производство, которое характеризуется численностью от 8 тыс. человек и более. Среднегодовая численность работников

---

¹ Куликов Г. Указ. соч.

² ПАО «Автокран» прекратило свое существование. 18 мая 2017 г. в Москве была зарегистрирована компания «Ивановский машиностроительный завод Автокран» (ООО «ИМЗ Автокран»), которая и займется теперь выпуском ивановских автокранов. Номинальные учредители «ИМЗ Автокран» кипрская «Хаттаксон Холдингс Лтд» (99%) и гражданин Швеции Ларс Эрик Эббе Эберхардсон (1%), который ранее возглавлял совет директоров группы ГАЗ. По всей видимости, инвесторов, которые собираются выпускать ивановские автокраны, в конечном итоге контролирует «Базовый элемент» Олега Дерипаски (Мокрецов М. Был «Автокран», а стал «Ивановский машиностроительный завод Автокран». URL: <https://newsplot.ru/news/11458> (дата обращения 26.05.2017).

³ На основе ПАО «Точприбор» создано и работает ООО «Завод испытательных приборов» (ООО «ЗИП»).

организаций по виду экономической деятельности «Производство машин и оборудования» в 2016 г. составила 3001 человек¹.

Таблица 2

**Индексы производства по видам экономической деятельности
(1991 = 100)²**

	2005	2010	2012	2013	2014	2016
Обрабатывающие производства	24,6	29,7	35,5	40,4	39,0	38,2
в том числе:						
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	53,1	56,6	59,4	50,1	44,5	62,7
текстильное и швейное производство	56,1	53,4	53,6	53,1	53,2	61,0
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	7,1	52,9	58,6	66,0	59,4	96,2
обработка древесины и производство изделий из дерева	8,3	28,4	29,3	29,8	30,3	35,2
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	13,1	15,7	19,4	21,5	23,1	25,0
химическое производство	27,7	49,7	103,5	132,4	150,8	149,9
производство резиновых и пластмассовых изделий	0,4	3,5	4,8	9,2	9,5	14,8
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	17,4	17,7	19,5	21,8	26,6	22,3
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	75,7	102,3	136,5	140,3	151,7	190,4
производство машин и оборудования	9,6	5,8	8,0	7,9	7,3	3,2
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	70,9	60,9	98,9	98,1	128,5	88,2
производство транспортных средств и оборудования	8,4	13,9	24,3	73,1	49,9	40,1
прочие производства	19,9	46,0	55,9	27,4	27,9	29,6

¹ Ивановская область. Статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Ивановстат. Иваново, 2017. С. 238.

² Там же. С. 210–211.

Статистика свидетельствует о том, что степень износа основных фондов в целом по экономике Ивановской области на начало 2005 г. составляла 42,3%, на начало 2015 г. — 50,7%¹. Число организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации по видам деятельности «Обрабатывающие производства» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (D + E по СНС), составило в 2005 г. 14, в 2016 г. — 5. При этом затраты организаций на технологические инновации по видам деятельности промышленного производства снизились с 350 128 тыс. руб. в 2005 г. до 312 759,1 тыс. руб. в 2016 г.²

Объем инновационных товаров, работ, услуг организаций, осуществляющих технологические инновации, по уровню новизны и видам деятельности промышленного производства демонстрирует отрицательную динамику. В 2013 г. общий объем отгруженной инновационной продукции (по видам D + E) составил 88,5 млн руб., в том числе товаров, вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет, — 83 млн руб., товаров, подвергавшихся усовершенствованию в течение последних трех лет, — 5,5 млн руб., а в 2015 г. инновационная продукция составила только 39,2 млн руб., при этом всю ее определили вновь внедренные или подвергавшиеся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет товары. В 2016 г. ситуация изменилась в позитивную сторону — общий объем отгруженной инновационной продукции составил 152 млн руб.³

Для экономики региона чрезвычайно важны внешнеэкономические связи. Углубленный анализ данных о **межрегиональном обороте** по Ивановской области за 2007–2012 гг. показал, что чуть более половины (54–58,5%) в структуре ввоза и вывоза⁴ составляют потребительские товары с примерно равным делением на основные подгруппы (продовольственные и непродовольственные). Соответственно, от 46 до 41,5% приходится на непотребительские товары. При этом было выявлено превышение ввоза над вывозом по всем группам товаров: в начале периода анализа в среднем оно составляло 1,5 раза, а к 2012 г. разрыв вырос до 3,6 раза. Торговый баланс Ивановской области по результатам межрегиональной торговли в рассматриваемом периоде являлся дефицитным. В 2008 г. дефицит составлял 10 млрд руб. (ввоз 29 млрд руб., вывоз 19 млрд руб.; в 2012 г. торговый дефицит составил уже 28,2 млрд руб. (ввоз 39 млрд руб., вывоз 10,8 млрд руб.)). В сопоставимых ценах по сравнению с 2007 г. он вырос

¹ Ивановская область. Статистический ежегодник. 2017. С. 187.

² Там же. С. 344–345.

³ Там же. С. 346.

⁴ Под ввозом и вывозом мы подразумеваем потоки потребительских и непотребительских товаров в рамках межрегионального обмена (без учета собственных продаж).

примерно в 2,3 раза. Судя по приведенным данным, Ивановская область существенно зависит от внешних поставок.

Основные позиции в межрегиональной торговле Ивановской области устойчиво занимают Центральный федеральный округ (ЦФО, примерно 56% в структуре ввоза и вывоза), Северо-Западный федеральный округ (СЗФО, 12–14% ввоза и до 19% вывоза) и Приволжский федеральный округ (ПрФО, 20–22% ввоза и 10–15% вывоза). За счет ЦФО область обеспечивается 2/3 потребительских товаров, в том числе почти 80% продовольственных товаров и более 60% непродовольственных, при этом в области ЦФО вывозится 70% непродовольственных и почти 90% непотребительских товаров из Ивановской области. ЦФО является основным поставщиком продовольственных товаров в рамках межрегиональной торговли. При этом значительный прирост наблюдается по вывозу непотребительских товаров (главным образом за счет автокранов, экскаваторов, древесностружечных плит, щебня и гравия). Во ввозе из СЗФО в основном преобладают непотребительские товары (23% от их общего ввоза). В обратном процессе преобладают продовольственные товары (43% от их общего вывоза). Значительно вырос вывоз продукции маслопереработки: масла животного, маргариновой продукции, масел растительных (в 4 раза), а также цельномолочной продукции, сыров, а также мяса и птицы. Значительно увеличился ввоз непродовольственных товаров (готовых льняных тканей, легковых автомобилей, бытовой мебели, моющих синтетических средств), а также непотребительских товаров (угля, проката черных металлов и листового, листовой жести). ПрФО обеспечивает 21% от общего ввоза непродовольственных и 22% непотребительских товаров. Обратный вывозится 23% от общего объема продовольственных и 11% непродовольственных товаров.

Наиболее значимыми регионами — «поставщиками» для Ивановской области являются: Ярославская область — около 22% от общего ввоза (обеспечивает 77% от общей поставки автомобильного бензина, 85% от общей поставки дизельного топлива); г. Москва — примерно 12% от общего ввоза (61,5% от общего ввоза изделий колбасных, 27% легковых автомобилей); Вологодская область — 10,5% от общего ввоза (80% от общего объема ввоза проката готового черных металлов); Владимирская область — 6,7% от общего ввоза (23% от всей поставки колбасных изделий, 33% кондитерских изделий, 30% готовых тканей); Республика Татарстан — 6,7% от общего ввоза (67% от общего объема ввоза грузовых автомобилей); Нижегородская область — 6,7% от общего ввоза (16% от общего ввоза автомобильного бензина); Московская область — 4,6% (88% от общего объема ввоза молока и сливок в твердых формах); Челябинская область — 3,3% (25% от общего объема ввоза грузовых автомобилей). Наиболее значимыми регионами — «покупателями» продукции Ивановской области являются г. Москва —

17,5% от общего объема вывоза (покупает 61% мясных полуфабрикатов, 84% спредов, почти 100% кондитерских изделий, 36% готовых тканей); Владимирская область — 13% от общего вывоза (100% комбикормов, 21% пива); Вологодская область — 11% (51% водки и ликероводочной продукции); Московская область — 10% от общего вывоза (24% водки и ликероводочных изделий, 98% строительных нерудных материалов — из них практически весь объем занимают галька, гравий, щебень); Ярославская область — 8% от общего вывоза (27% пива); г. Санкт-Петербург — 4,4% (35% лекарственных средств).

Одной из наиболее существенных позиций в межрегиональном обороте Ивановской области является разнообразная текстильная продукция. В анализируемом периоде она составляла 12–14% общего объема ввоза товаров в Ивановскую область из других регионов РФ и чуть более 7% от общего вывоза товаров в другие регионы РФ. В структуре межрегионального обмена по текстильной продукции преобладают готовые текстильные изделия (ткани). Они формируют 77% ввоза и почти 95% вывоза. При этом по всем товарным позициям в структуре текстильной продукции наблюдается торговый дефицит, за исключением готовых хлопчатобумажных тканей (по ним превышение вывоза над ввозом в среднем составляет 1,25 раза).

В качестве основных причин, характеризующих сложившуюся ситуацию, можно выделить следующие:

- наличие на территории области (г. Иваново) нескольких крупных торговых текстильных центров;
- как было отмечено выше, на территории Ивановской области широко развито швейное производство, ориентирующееся не только на ивановские, но и на привозные ткани;
- существует ряд крупных текстильных ярмарок, распределительных центров, имеющих всероссийское значение (в силу удобного географического расположения Ивановской области, в частности);
- товарная политика продавцов, заключающаяся в формировании разнообразного, широкого ассортимента тканей;
- отсутствие технической возможности производства ряда товарных позиций или их незначительный объем (ткани шелковые, шерстяные, льняные);
- недостаточные производственные мощности (так, ряд текстильных предприятий были закрыты, например, в г. Иваново, Кинешме, на некоторых часть производственных площадей была перепрофилирована), устаревание большей части основных фондов (износ более 50%);
- недостаточная конкурентоспособность продукции на рынке (ризунок, стойкость красителей, плотность, ширина тканей);

- ориентация в основном на потребности внутреннего рынка Ивановской области (что также можно рассматривать и как следствие предыдущей причины).

Основная доля межрегиональной торговли текстильной продукцией приходится на регионы Центрального федерального округа (86% ввоза и 60% вывоза). Устойчивые взаимосвязи сложились с Костромской областью (главный поставщик льняной пряжи и тканей), Тверской (основная доля поставки хлопчато-бумажной пряжи и тканей), г. Москва, Московской и Владимирской областями. Также велика доля в межрегиональном обмене и областей Приволжского федерального округа, в частности Саратовской (обеспечивает 20% поступающих готовых хлопчатобумажных тканей, потребляет значительную долю вывозимой хлопчатобумажной пряжи)¹.

Наличие значительного и увеличивающегося торгового дефицита свидетельствует о недостаточно эффективной структуре межрегиональной торговли, в результате которой Ивановская область не получает дополнительных источников финансовых ресурсов, необходимых для развития, об усилении зависимости от внешних поставщиков (других областей). В качестве основных факторов, определяющих данную ситуацию, можно выделить: а) сложившуюся межрегиональную специализацию; б) недостаточные производственные мощности у имеющихся предприятий; в) невысокую конкурентоспособность конкретных видов продукции, производимой предприятиями Ивановской области (по качественным характеристикам, по предлагаемому ассортименту, по ценам, условиям обслуживания и т.п.), что определяет низкий спрос на нее на внутреннем и межрегиональном рынках.

Анализ результатов **внешнеторговой деятельности Ивановской области с другими странами** за 2005–2016 гг. показывает, что на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается превышение импорта над экспортом, т.е. отрицательное сальдо внешнеторгового баланса. Сальдо внешней торговли региона со странами СНГ и вне СНГ в 2005 г. было отрицательным и составило 140 833,7 тыс. долл., в 2015 г. — 332 155,8 тыс. долл.², в 2016 г. — 294 528,5 тыс. долл.³. Такая картина прослеживается не только в целом, но и по группам стран: в торговле со странами вне СНГ и странами СНГ. Наибольшее расхождение по группе стран вне СНГ (почти

---

¹ Казаков М. Г., Езерская С. Г. Межотраслевое кластерное взаимодействие и его влияние на межрегиональные торговые связи (на примере текстильной промышленности Ивановской области) // Экономика образования. 2010. № 3. С. 231–236.

² Ивановская область. URL: https://ria.ru/Ivanovo_obl/20160302/1382949698.html (дата обращения: 10.10.2016).

³ Ивановская область. Статистический ежегодник. 2017. С. 417

в 8 раз) имело место в 2013 г. В настоящее время по данной группе расхождение находится на уровне 4 раз. Наименьшее значение наблюдалось в 2005 г. (1,32 раза). Это свидетельствует о значительном усилении зависимости Ивановской области от поставок товаров из дальнего зарубежья. По группе стран СНГ превышение импорта над экспортом в целом в течение всего анализируемого периода оценивалось примерно в 3 раза, при этом в 2011 г. разрыв достигал 6 раз¹.

В целом, рассматривая структуру внешнеторгового оборота Ивановской области, отметим, что в *географической структуре* экспорта преобладают страны СНГ (55–58%), а импорт представлен в настоящее время почти равномерным распределением между странами вне СНГ и странами СНГ. При этом в 2005 г. доля импорта из стран СНГ составляла почти 3/4 от общего объема импорта. Таким образом, за прошедшее время укрепились торговые связи со странами дальнего зарубежья. Это подтверждается и данными таможенной статистики по Ивановской области. В пятерку стран с наибольшим удельным весом в суммарном объеме экспорта вошли Германия — 13,5%, Узбекистан — 12,6%, Украина — 12,5%, Виргинские (Британские) острова — 7,5 % и Молдавия — 7,1%. Основными странами-импортерами являются Китай, Италия, Германия, Турция. Партнерами из стран СНГ выступают Узбекистан, Белоруссия, Таджикистан. Наибольший удельный вес в суммарном объеме импорта приходится на Узбекистан — 29,9%, Китай — 16,8%, Германию — 12,1%, Таджикистан — 4,9% и Италию — 4,8%².

Наибольшая доля в *товарной структуре* экспорта приходилась на текстильную продукцию, текстильные изделия и обувь, продукцию машиностроения и продукцию химического производства. Данная структура экспорта является особенностью Ивановской области уже несколько лет. Если в 2005 г. в товарной структуре экспорта преобладали текстиль, текстильные изделия и обувь (63%), то в 2016 г. эти товары составляли только 42,6%. Увеличился экспорт продукции химической промышленности, каучука (с 5,4% в 2005 г. до 22,6% в 2016 г.). Доля машин, оборудования и транспортных средств на протяжении 2005–2015 гг. находилась примерно на одном уровне (24–29%), но в 2016 г. составила только 18,3%³. Такая структура экспорта соответствует отраслевой структуре экономики области как старопромышленного региона.

Ведущую позицию среди импортируемых товаров по-прежнему занимают текстильные изделия и обувь, продукция машиностроения, а также продукция химической промышленности. Основными поставщиками

¹ Ивановская область. Статистический ежегодник. 2017. С. 420.

² Ивановская область.

³ Ивановская область. Статистический ежегодник. 2017. С. 418.

хлопкового волокна являются Узбекистан, Казахстан, Азербайджан, Таджикистан, поставщиками промышленного оборудования — Германия, Италия, Швейцария, поставщиками солода — Финляндия, Ирландия, Великобритания¹.

Данные за 2015–2016 гг. отражают влияние санкций и кризиса. В 2015 г. объем импорта в Ивановской области снизился по сравнению с 2014 г. почти на 40%. Экспорт сократился на 23%. При этом результаты внешней торговли в 2016 г. оказались значительно лучше по объемам. Значительно вырос экспорт, преимущественно за счет текстиля — рост составил 61%. Импорт продовольствия увеличился более чем в 2 раза, вырос импорт текстиля, машин и оборудования; сократился импорт продукции химической промышленности, древесины и целлюлозно-бумажных изделий, металлов и изделий из них.

Как отмечается в прогнозах социально-экономического развития Ивановской области, перспективы развития внешней торговли в значительной степени зависят от реализации конкурентных преимуществ промышленного комплекса региона. К ним относятся не только достаточно высокий уровень квалифицированной рабочей силы, но и значительные объемы накопленных основных производственных фондов и фондов универсального обрабатывающего оборудования, наличие уникальных передовых разработок и технологий в ряде секторов экономики. Однако использование этих преимуществ сдерживается рядом причин: неразвитостью финансовой и организационной инфраструктур внешнеторгового сотрудничества; отсутствием развитой системы государственной поддержки экспорта; низкой эффективностью производства и чрезвычайно высокой долей материальных затрат даже в наиболее развитых секторах промышленности.

Согласно Концепции развития международного сотрудничества Ивановской области², исходя из сложившейся системы экономических, культурных и иных отношений региона с зарубежными странами и рекомендаций МИД России, Минэкономразвития России в качестве приоритетных направлений развития международных связей Ивановской области в 2014–2018 гг. определены следующие иностранные государства:

- в дальнем зарубежье — Германия, Италия, Австрия, Латвия;
- в СНГ — Украина, Беларусь, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан.

Основными задачами, на решение которых направлена Концепция в сфере внешнеэкономических связей, являются:

- закрепление Ивановской области и ее предприятий в сырьевых регионах (Средняя Азия, Казахстан, Азербайджан, Беларусь);

¹ Концепция развития международного сотрудничества Ивановской области на 2014–2018 годы. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430633007> (дата обращения: 10.05.2017).

² Там же.

- закрепление на рынках сбыта текстильной продукции в странах — членах СНГ, освоение рынков сбыта текстильной продукции в ЕС и странах Средиземноморья;
- освоение рынков сбыта продукции машиностроения (Средний Восток, КНР, Латинская Америка).

Ивановская область, будучи старопромышленным регионом, отличается высокой долей городского населения — 81,5% (на 1 января 2018 г.) при средней по стране 74%. Почти 40% населения проживает в областном центре (406 392 человека). К средним городам с населением более 50 тыс. человек относятся только Кинешма (82 987 человек) и Шуя (58 160 человек), прочие 14 городов относятся к малым, в том числе шесть городов с численностью населения менее 10 тыс. человек (на 1 января 2016 г.: Наволоки — 9697 человек, Юрьевец — 8536 человек, Комсомольск — 8466 человек, Пучеж — 7284 человека, Гаврилов Посад — 5832 человека и самый маленький — город Плес (1893 человека)¹.

Наивысший показатель численности населения области приходится на начало 1970 г. (1339,11 тыс. человек). С 1970 по 1987 г. снижение числа жителей области было незначительным (численность населения в 1987 г. составила 1321 тыс. человек)², т.е. около 1000 человек за год, или на 1,35% за 18 лет. Устойчивая тенденция к сокращению численности населения обнаруживается с 1989 г. За период между переписями 1989 и 2002 гг. население области сократилось на 11%, теряли население как города, так и сельская местность вследствие миграционного оттока и естественной убыли. По предварительной оценке, численность населения Ивановской области на 1 января 2018 г. составила 1 014 620 человек, сократившись по сравнению с 2016 г. на 15 218 человек (на 1 января 2016 г. численность населения составляла 1 029 838 человек)³. Для Ивановского региона существенно то обстоятельство, что произошло резкое сокращение сельского населения при сохранении пропорции между городским и сельским населе-

¹ Численность населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2016 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области / Официальная статистика. URL: http://ivanovo.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ivanovo/ru/statistics/population/; Предварительная оценка численности населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области / Официальная статистика. URL: http://ivanovo.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ivanovo/resources/97d2af0044371228b208b3fa17e1e317/NAS18_mun.pdf

² Ивановская область за 70 лет: стат. сборник / ЦСУ РСФСР, Статистическое управление Ивановской области, 1987. С. 4.

³ Численность населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2016 г.; Предварительная оценка численности населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г.

нием. Так, в 1970 г. численность сельских жителей составляла 329 тыс. человек¹, на 1 января 1991 г. — 229,9 тыс. человек, на 1 января 2004 г. — 197,0 тыс. человек. В 2005 г. было увеличение селян (218,7 тыс. человек), но с 2006 г. опять началось снижение². На 1 января 2018 г. сельских жителей в регионе насчитывалось всего 187 657 человек³. Сказались как естественная убыль населения (число умерших устойчиво превышает рождаемость), так и миграционные процессы (из села в город, из области — в столичные города).

Несмотря на сильный социально-экономический кризис, Ивановская область в 1990-х гг. имела положительное сальдо миграций благодаря возвратным миграциям из постсоветских стран. Затем ситуация ухудшилась, но со второй половины 2000-х гг. миграционный прирост населения восстановился в отличие от соседней Костромской области, которая еще более удалена от Московской агломерации. Еще в 2010–2012 гг. коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения был положительным и составлял 8–10, то уже в 2013 г. усилился отток населения, коэффициент стал отрицательным и был равен –5, в 2015 г. уже составлял –22, в 2016 г. достигал –13⁴. Как правило, из Ивановской области едут на заработки и постоянное место жительства в Москву, Московскую и Ленинградскую области, Нижний Новгород, Ярославль и другие города и регионы с более высокими социально-экономическими показателями развития. Внутренние миграции населения являются доминирующим компонентом в миграционных процессах нашей страны, их объемы и направления оказывают заметное влияние на перераспределение численности населения субъектов РФ.

Для Ивановской области остро стоит кадровая проблема, несмотря на то что Иваново характеризуется как студенческий город. Область в начале 2005/2006 учебного года имела восемь самостоятельных государственных организаций *высшего образования*, пять филиалов вузов (они преимущественно сосредоточены в областном центре), а также одну негосударственную организацию и четыре филиала; в 2015/2016 г. шесть самостоятельных государственных организаций⁵, три филиала государственных и два филиала негосударственных вузов. Численность студентов

¹ Ивановская область за 70 лет. С. 4.

² Ивановская область. Статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Ивановостат. Иваново, 2016. С. 39.

³ Предварительная оценка численности населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 80; Регионы России. Социально-экономические показатели. С. 85.

⁵ Это пятый показатель в ЦФО после Москвы, Московской, Воронежской и Ярославской областей (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. С. 395).

в начале 2005/2006 учебного года составляла 53 176 человек, выпуск специалистов — 10 524 человека (на 10 тыс. человек населения приходилось 483 студента, выпущенных специалистов — 95 человек), в 2015/2016 г. — 29 740 человек, выпуск специалистов — 8388 человек (на 10 тыс. человек населения приходилось 289 студентов, 81 выпущенный специалист)¹.

Число самостоятельных организаций *среднего профессионального образования* в начале 2005/2006 учебного года составляло 27, филиалов — три, в 2015/2016 г. — 33 и два соответственно. Численность студентов в начале 2005/2006 учебного года составляла 15 879 человек, выпущенных специалистов — 4181 человек (на 10 тыс. человек населения приходилось 144 студента, выпущенных специалистов — 38 человек), в 2015/2016 г. — 12 081 человек, выпуск специалистов — 2100 человек (на 10 тыс. человек населения приходилось 117 студентов (73-е место в РФ²), выпущенных специалистов — 20 человек)³.

Но далеко не все подготовленные кадры намерены работать в Ивановской области (объективно многие иногородние выпускники уезжают работать к себе домой, но проблема в том, что квалифицированные специалисты стремятся уехать в другие регионы, не видя перспектив для своего трудоустройства или для профессионального развития). Основным фактором, влияющим на отток трудоспособного населения из области, можно назвать низкую заработную плату (в Москве платят в разы больше даже за неквалифицированный труд), нехватку адекватных квалификации работников рабочих мест, инфраструктурную недостаточность (сокращение сельских школ, медицинских пунктов, сети клубных и библиотечных учреждений, спортивных секций во многих районах области, отсутствие надежного транспортного сообщения с областным и районными центрами, достойного уровня жилищных условий и др.). Очень сложное положение с обеспеченностью сельскохозяйственных предприятий кадрами, продолжается убыль врачебных, педагогических кадров в сельской местности. В 2015 г. обеспеченность врачебными кадрами в Ивановской области составила 42,9 человека на 10 тыс. населения.

В результате демографических и миграционных процессов в Ивановской области сокращаются трудовые ресурсы, следовательно, уменьшаются возможности для нормального воспроизводства и экономического роста, создаются условия для воспроизведения депрессивного состояния, а не для обеспечения инновационного развития.

¹ Ивановская область. Статистический ежегодник. 2016. С. 120, 121.

² Москва поэтому показателю занимает 82-е место в РФ (82 человека), Московская область — 84-е (80 человек) (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. С. 392).

³ Там же. С. 118.

В данной главе, безусловно, представлены не все социально-экономические проблемы общественного воспроизводства рассматриваемого региона. Не затронуты вопросы эффективности использования природного и трудового потенциала, развития сельского хозяйства, здравоохранения, дорожно-транспортные проблемы в хозяйственном использовании территории региона, асимметричность размещения производительных сил, организации хозяйственной деятельности (центр-периферийная диспропорция), соотношение рыночных и государственных секторов и хозяйственных механизмов и многие другие. Самая главная проблема, на наш взгляд, — утрата экономикой области системности, комплексности, подрыв основы хозяйства — материального производства (промышленности, сельского хозяйства, строительства).

Главный резерв экономического роста для Ивановской области — в развитии промышленного производства, что позволит оживить экономическую деятельность в районах и районных центрах области, увеличить доходы населения, регионального и местного бюджетов. Новая индустриализация — это создание на новой технической основе многоотраслевого промышленного комплекса. При этом следует обратить внимание именно на комплексное развитие, создание территориально-производственных комплексов (кластеров). Исследователи отмечают, что кластеры как перспективная форма организации производства станут основой региональной промышленной политики¹.

Перспективы развития в Ивановской области с 2007 г. связываются с крупным инвестиционным проектом «Строительство комплекса по производству полиэтилентерефталата (ПЭТФ) текстильного назначения в Ивановской области», АО «Ивановский полиэфирный комплекс» (ИПК) с объемом финансирования около 20 млрд руб. Строительство комбината, расположенного в непосредственной близости от моногорода Вичуга, должно обеспечить создание комплекса новых текстильных производств, специализирующихся на выпуске инновационной продукции специального и технического назначения с использованием полиэфирных волокон (предполагается создание 540 рабочих мест). Проект пре-

---

¹ *Гордеев В.А.* Конкуренция и ее развитие: системный анализ: монография. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2006. С. 86; *Казаков М. Г.* Теоретические и прикладные аспекты формирования и развития текстильного кластера региона (по материалам Ивановской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук, 08.00.01 и 08.00.05. Иваново, 2006; *Мингалеева Ж., Ткачева С.* Кластеры и формирование структуры региона // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 5. С. 97–102; *Рожков В. А.* Повышение конкурентоспособности региона на основе использования концепции кластерного развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук, 08.00.05. Иваново, 2010; *Трофимова О. М.* К вопросу о формировании инновационных кластеров в региональной экономике // *Вопросы управления.* 2010. № 11. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2010/02/10/>, и др.

дусматривает создание мощностей по производству продукции высокого передела углеводородного сырья — штапельное полиэфирное волокно и гранулированный ПЭТФ текстильного назначения для реализации организациями текстильной и строительной отраслей, автомобилестроения, медицины в России и за ее пределами (объем производства штапельного полиэфирного волокна — 175 тыс. т в год, ПЭТФ-гранулята — до 30 тыс. т в год). Часть продукции планируется перерабатывать в промпарке в Вичуге, часть — направлять на экспорт. Однако в сентябре 2017 г. чешская компания-партнер отказалась от выполнения контракта. В результате начало строительства отложено на неопределенный срок. Внешэкономбанк (ВЭБ) пока не внес изменений в условия финансирования проекта. Представленные банку предложения ИПК о внесении изменений в действующие кредитные соглашения не противоречат нормативным документам, позволяют в кратчайший срок начать реализацию проекта и не создают каких-либо дополнительных рисков для ВЭБа.

На протяжении 2015–2017 гг. Союзлегпром РФ активно поддерживал этот основной инвестиционный проект Ивановской области. Однако сроки его реализации сегодня вызывают опасения у бизнеса-сообщества отрасли, так как развитие синтетической цепочки в текстильной промышленности рассматривается с учетом ввода в строй данного комплекса. Потребность в обеспечении предприятий текстильной и легкой промышленности отечественным сырьем (льноволокном, шерстью, химическими волокнами и нитями) стоит достаточно остро, тем более что импорт тканей, пряжи из химических волокон и нитей за 2017 г. существенно возрос (на 49 и 22% соответственно), при этом импорт самих химволокон вырос на 11%. Импорт нетканых материалов составил 76,6 тыс. т и вырос на 5% по сравнению с предыдущим. Рост российского производства химнитей, химволокон, нетканых материалов могло бы существенно ускорить строительство и ввод в действие полиэфирного комплекса в Ивановской области и ряда сопутствующих производств¹.

Комбинат видится как основа формируемого в Ивановской области текстильно-промышленного кластера, который призван сформировать законченный цикл производства и переработки полиэфирного волокна для обеспечения сырьем действующих предприятий отрасли, а также заместить импорт ПЭТФ-гранулята текстильного назначения и полиэфирного волокна в Россию. Кластер направлен на модернизацию действующих

---

¹ Об этом говорилось на Общем годовом собрании членов Российского союза предпринимателей текстильной и легкой промышленности 29 мая 2018 г. (Ивановский полиэфирный комплекс: официальный сайт. URL: <http://ivafiber.com/press-center/news/sozdanie-poliefirnogo-kompleksa-v-ivanovskoi-oblasti-mozhet-sushchestvenno-uskorit-rost-proizvodstva-himicheskikh-voikon-nitei-i-netkanyh-materialov-v-rg> (дата обращения: 04.06.2018).

текстильных производств и обеспечение перехода легкой промышленности региона на использование химических, полиэфирных волокон и нитей, т.е. «химизацию» текстиля, на изменение ассортиментной политики текстильной промышленности области. Основное направление — сохранение для региона традиционного текстиля.

Второе направление — медицинский текстиль. Ключевые игроки здесь — «ТДЛ Текстиль», Кинешемская прядильно-ткацкая фабрика, компания «Ньюфарм», которые включены в перечень предприятий, оказывающих существенное влияние на отрасли промышленности, сформированный Минпромторгом РФ.

Третье направление — технический текстиль. В Ивановской области изготавливается спецодежда с вложением до 65% синтетических нитей. Пока предприятия региона закупают синтетическое волокно в Китае, Корею или Белоруссии. Комплекс по производству ПЭТФ должен решить эту сырьевую проблему.

Четвертое направление — развитие инфраструктуры кластера через развитие индустриальных парков (проектируется индустриальный парк в Вичугском районе) и развитие инновационного сектора (инжиниринговые услуги для предприятий текстильной и швейной промышленности) не только Ивановской области, но и всей России.

Существенным позитивным фактором для инвесторов, для экономического развития Ивановской области стал запуск скоростного сообщения между городами Иваново и Москва в марте 2018 г. По словам руководства области, Минэкономразвития, решение компании АО «ИнтерРАО — Электрогенерация» (единственного российского оператора экспорта-импорта электроэнергии) разместить свой бэк-офис в г. Иваново увязано именно с запуском поезда. Новый проект создаст в Иваново сотни рабочих мест. Энергетический холдинг планирует участвовать в формировании программ социально-экономического развития региона, в проработке потенциальных инвестиционных проектов в сфере жилищно-коммунального хозяйства и электроэнергетики, в том числе в рамках различных форм государственно-частного партнерства.

Коренное решение проблемы развития Ивановской области (да и других регионов страны) лежит в формировании и реализации амбициозных крупномасштабных проектов. Важное преимущество таких проектов заключается в их системности, возможности обеспечения существенных структурных сдвигов в наиболее значимых сферах экономической деятельности регионов. Кластеры следует рассматривать в рамках теории региональной планомерности, обеспечения комплексного развития на основе системного подхода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ современного состояния экономики России, проведенный в данной монографии, показал необходимость усиления внимания как к теоретико-методологическим вопросам воспроизводства, так и к реальным проблемам функционирования и развития отечественной экономики. Именно воспроизводственный ракурс позволяет более системно и качественно оценить сложившееся положение дел и на этой основе сформулировать обоснованное видение решения накопившихся экономических проблем. Самое общее выражение этого видения состоит в необходимости формирования в России такой системы производства, распределения, обмена и потребления, которая усилила бы целостность экономических процессов в стране, отразила бы передовые технологические, хозяйственные, социальные и институциональные тренды развития и сопрягалась бы с созданием реальной модели социально ориентированной смешанной экономики.

В этом русле в данной монографии нашло свое выражение исследование таких конкретных сфер и направлений воспроизводственной проблематики, как новая индустриализация российской экономики, изменение воспроизводственной структуры национального продукта, возрождение отечественного машиностроения, обеспечение воспроизводства квалифицированной рабочей силы, учет специфики региональных воспроизводственных процессов, реализации национальной экономической безопасности. Раскрыты ограничения и противоречия сложившихся в России моделей национальной экономики, воспроизводства и экономического роста, намечены возможные пути их преодоления. Внимание уделено также вопросам, связанным с ролью государства, стратегического планирования и экономической политики.

Конечно, воспроизводственная тематика охватывает более широкий круг проблем, и в данной монографии проанализированы только некоторые из них, хотя и важные. Авторы исходят из необходимости того, чтобы вновь привлечь внимание теоретиков и практиков к указанной тематике. Невнимание к ней, наметившееся в последние десятилетия, опасно в силу того, что теряется важный и полезный исследовательский ракурс изучения экономики, выходящий на актуальные задачи развития страны. Он позволяет качественно оценить потенциал и реальное состояние национальной экономики, выявить глубинные связи различных сфер

и уровней воспроизводства, раскрыть системный характер экономических взаимодействий, сформулировать комплексный подход к формированию эффективной и конкурентоспособной модели национальной экономики, способной реализовать стратегические цели развития России.

Данная монография находится в ряду целого ряда работ под авторством и редакцией Виктора Никитича Черковца, посвященных проблемам воспроизводства. Раскрытие важности и актуальности воспроизводственного подхода к анализу экономики было его научным приоритетом. Продолжение исследований в рамках указанного подхода будет лучшей данью памяти выдающегося отечественного ученого-экономиста.

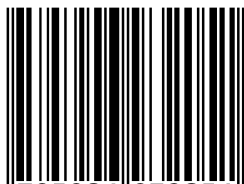

Научное электронное издание

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО
В СМЕШАННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ:
СТРУКТУРА, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ЦЕЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ,
РАЗВИТИЕ**

Монография

ISBN 978-5-906932-05-1

9 785906 932051